

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н. А. КИСЛЯКОВ

ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ

СРЕДИ ОСЕДЛОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

БУХАРСКОГО ХАНСТВА

В КОНЦЕ XIX НАЧАЛЕ XX ВЕКА



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ LXXIV

Н. А. КИСЛЯКОВ

ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
СРЕДИ ОСЕДЛОГО СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ
БУХАРСКОГО ХАНСТВА
в конце XIX—начале XX в.



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962 ЛЕНИНГРАД

ВВЕДЕНИЕ

Патриархально-феодальные отношения были характерны накануне Великой Октябрьской социалистической революции для многих народов царской России, главным образом на ее окраинах.

Термин «патриархально-феодальные отношения» без достаточной дифференциации применялся в первые годы революции, а также в историческом аспекте, применяется и сейчас для обозначения отсталых общественных отношений и форм быта. Совершенно очевидно, что такая общая постановка вопроса ничего не дает для раскрытия сущности патриархально-феодальных отношений, недостаточна для их сколько-нибудь полной характеристики. Формула «патриархально-феодальные отношения» фиксирует наличие двух различных видов отношений — патриархальных, с одной стороны, и феодальных, с другой, — но не определяет характера связи, удельного веса каждого из них, не указывает на то, какие отношения были господствующими, ведущими; сама очередность компонентов термина (сначала «патриархальные», затем «феодальные») отражает историческую последовательность и не раскрывает вопроса о преобладании тех или других отношений. Между тем очевидно, что не у всех народов уровень развития патриархально-феодальных отношений был одинаковым (даже если речь идет о части народа или о территории, населенной различными группами народов) — напротив, у того или иного народа «патриархальщина» могла сохраняться в большей или меньшей степени. Поэтому необходима разработка вопроса на материале конкретного общества.

Термин «патриархально-феодальные отношения» был впервые применен в 1921 г. на X съезде РКП(б) в докладе «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», когда возникла необходимость «помочь трудящимся массам отсталых народов окончательно ликвидировать патриархально-феодальные отношения»; тогда же наряду с указанным был применен и другой термин — «полупатриархальный-полуфеодальный быт».¹

Одно из положений исторического материализма заключается в том, что элементы новой общественно-экономической формации обычно созревают в недрах предшествующей формации и, напротив, после победы нового способа производства элементы прежнего еще долгое время сохраняются в новых социально-экономических условиях. Такие элементы других формаций, сохраняющиеся или развивающиеся внутри данного господствующего способа производства, принято называть укладами (или формами хозяйства, экономическими порядками).²

Советские историки и этнографы единодушны в том, что понятие «патриархально-феодальные отношения» раскрывается как «феодальные отношения, „осложненные“ пережитками патриархальных (первобытнообщинных, патриархально-родовых) отношений, которые успешно

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1954. Ч. I, 1898—1924. Изд. 7-е, Госполитиздат, 1954, стр. 559—560.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 302—303; т. 32, стр. 272—273; т. 33, стр. 381

использовались классом феодалов для эксплуатации непосредственного производителя»³. Однако при этом возникает вопрос, имеем ли мы дело только с пережитками, представляющими собой лишь форму, простую оболочку, в которую маскировались отношения феодальной эксплуатации, или же налицо какие-то реальные отношения, порядки, непосредственно связанные с хозяйством, с экономикой, сохранившиеся от более ранней общественно-экономической формации, другими словами — общественно-экономический уклад.

Мнение, что дело идет именно об укладе, в 1951 г. обосновал С. М. Абрамзон. Опираясь на работы В. И. Ленина, он считает, что для кочевников Средней Азии можно говорить о наличии двух общественных укладов: патриархально-родового и феодального. В понятие патриархально-родового уклада С. М. Абрамзон вкладывает содержание, присущее тому, что принято называть «патриархально-родовым бытом». Этот последний, по его мнению, включает в себя и экономический быт, и имущественные отношения, и их юридическое закрепление в нормах обычного права.⁴

Некоторые авторитетные советские историки считают, по-видимому, возможным говорить о патриархальном укладе только применительно к раннему периоду феодальных отношений.⁵ Теоретически, конечно, пережитки прежней формации, сохраняющиеся в виде уклада, должны проявляться сильнее всего именно при становлении новой формации⁶ и в первые периоды ее развития, в дальнейшем постепенно слабее и исчезая. Однако практически мы наблюдаем, что пережитки эти очень живучи, они сплошь и рядом сопровождают новую, более высокую формацию во все время ее существования. Особенно стойки, по-видимому, пережитки первобытно-общинной формации, проявляющиеся в патриархальном укладе, который сохраняется не только при феодальных отношениях, но даже, как доказал В. И. Ленин, и при развитии капитализма (как, например, в пореформенной России).⁷

Поэтому неправильно говорить о сохранении в условиях позднего феодализма патриархальных отношений только в качестве какой-то формы, которая лишь маскирует классовую сущность общественных отношений. Общеизвестно, что форма отстает от содержания; однако на протяжении многих столетий существования феодализма в той или иной стране или у того или иного народа эта форма не могла бы сохраниться, если бы не имела хоть узкого, но вполне реального основания, каким и является патриархальный уклад. Конечно, самый уклад на протяжении многих столетий не остается неизменным. Так, например, при становлении феодальных отношений и в период раннего феодализма патриархальный

³ Вопрос разрабатывался главным образом в отношении кочевых народов Средней Азии и Казахстана. См.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 15—141; научная дискуссия была затем продолжена в 1954—1955 гг. на страницах журнала «Вопросы истории».

⁴ С. М. Абрамзон. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. XIV, 1951, стр. 144—149. — Мы не можем согласиться с автором только в том, что феодальные отношения здесь он также называет укладом, а не общественно-экономической формацией.

⁵ См., например, выступление Л. П. Потапова на сессии 1954 г. в Ташкенте (Материалы объединенной научной сессии..., стр. 33, 35, 41, 141).

⁶ Мы здесь говорим только о первобытно-общинной и феодальной формациях, не касаясь, ради простоты, рабовладельческого способа производства, в котором пережитки «патриархальщины», естественно, были еще очень сильны.

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 303; т. 32, стр. 272—273.

уклад обычно проявляется в наличии еще довольно значительного количества свободных земельных общин, которые сохраняли свою экономическую самостоятельность по отношению к складывающемуся классу феодалов, причем эти свободные земельные общины обнаруживали сильную тенденцию распространяться «вширь». В дальнейшем свободные общины исчезают, крестьяне попадают в феодальную зависимость; суживается и основание патриархального уклада: на смену старым приходят общины, сохраняющие в той или иной степени коллективное землепользование, но уже феодально зависимые, включенные в орбиту феодальных отношений; в отличие от более ранних, эти пережиточные общины, как правило, сохраняются в неприкосновенности лишь там, где господствуют еще отношения натурального хозяйства, т. е. в наиболее отсталых районах.

Необычайная стойкость патриархальных пережитков в условиях развитого классового общества делает изучение патриархально-феодальных отношений проблемой весьма актуальной. Раскрытие сущности и специфики патриархально-феодальных отношений в настоящее время имеет большое практическое значение не только в Советском Союзе, где патриархальные пережитки местами все еще сильны, но и для стран народной демократии, вступивших на путь социализма и еще вплотную сталкивающихся с пережитками патриархального уклада, патриархальных понятий, обычаев и традиций.

Патриархально-феодальные отношения, по крайней мере применительно к Средней Азии и Казахстану, до настоящего времени изучались на материале кочевых (или полукочевых) обществ. Проблема эта для оседлого населения остается еще совершенно неисследованной. Это и побудило нас взять на себя задачу рассмотрения патриархально-феодальных отношений у оседлого населения, причем объектом нашей работы мы выбрали бывшее Бухарское ханство — до Октябрьской революции край наиболее отсталый в экономическом и культурном отношении даже по сравнению с другими областями Средней Азии (бывшего Туркестана); выбор наш диктовался еще и тем обстоятельством, что процент кочевого населения в Бухарском ханстве, как увидим далее, был невелик, основную массу в последний период существования ханства составляло оседлое население. Хотя в работе мы в какой-то степени касаемся и горожан, в целом она посвящена сельскому оседлому населению; основанием для этого послужила известная специфика социальных отношений в городе (в частности, большая роль ремесел), которая осложнила бы задачу рассмотрения основных сторон патриархально-феодальных отношений, а также то, что города Бухарского ханства обстоятельно изучены в последнее время О. А. Сухаревой.⁸

Первая глава посвящена общему обзору Бухарского ханства — объекта нашего исследования. Исходя из того, что в Бухарском ханстве позднейшего времени господствовали развитые феодальные отношения, «осложненные» патриархальными пережитками, мы во второй главе попытались детально рассмотреть и проанализировать специфику феодального способа производства в ханстве, а в третьей главе показать значение и место патриархального уклада и роль патриархальных пережитков в системе феодальной эксплуатации.

⁸ О. А. Сухарева, 1) К истории городов Бухарского ханства. (Историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958; 2) Позднефеодальный город Бухара конца XIX—начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962.

При написании данной работы автор пользовался источниками различного характера. Привлечена довольно обширная и разнообразная литература, которая в свою очередь может быть подразделена на несколько групп. Прежде всего следует указать на сравнительно многочисленные описания, очерки и отчеты, составленные на основании рекогносцировок, проведенных русскими офицерами вскоре после присоединения Средней Азии к России в различных районах Бухарского ханства; хорошо подготовленные для сбора сведений, имевших в первую очередь военно-стратегическое значение, эти авторы оставили нам ценнейшие сведения о численности и составе населения, его занятиях, административном устройстве, социальном строе, положении трудящегося населения. Указанные описания, относящиеся в большинстве к последним десятилетиям XIX в., имеют характер первоисточника. Сюда же должны быть отнесены такие работы, как, например, очерк В. В. Крестовского, бывшего членом русского посольства у бухарского эмира Музаффера, — известного русского писателя и внимательного наблюдателя быта и нравов современной ему Бухары; труды русских администраторов, общественных деятелей и ученых-туркестанцев, как Н. А. Маев, А. П. Хорошихин, Г. А. Арандаренко и других. Особо следует отметить труды недавно умершего крупнейшего востоковеда А. А. Семенова, работы которого по социальному строю Бухары и административному устройству ханства в значительной степени основаны на личных наблюдениях автора и глубоко знакомстве с официальным делопроизводством бухарских канцелирий и различных ведомств.

Другая группа работ представляет собой исследования главным образом уже советских историков, опирающихся на изучение рукописных документов — различного рода актов, служебных записок, кунчих, дарственных грамот и т. п. Однако эти исследователи, в первую очередь П. П. Иванов, В. Л. Вяткин, О. Д. Чехович, интересуются в основном более ранними периодами истории Бухарского ханства (с XVII в. и до начала XIX в.), и потому их работы могут привлекаться нами в порядке сравнений и аналогий, так как они не характеризуют аграрных отношений последнего периода существования ханства.

Мы не могли оставить без внимания также ряд работ обобщающего характера, посвященных или Туркестанскому краю в целом, или же Бухарскому ханству специально, в числе которых можно назвать сочинения Д. Н. Логофета, А. Шишова, В. И. Масальского, А. Губаревича-Радобильского, В. В. Бартольда, а также некоторые другие; работы эти, различные по характеру, содержат немало ценных сведений, необходимых для нашего труда.

Наконец следует упомянуть ценнейшие исследования статистико-экономического характера, проводившиеся специальными комиссиями в 20-е годы текущего столетия, в период национального размежевания среднеазиатских республик («Материалы по районированию Средней Азии», «Материалы по аграрным отношениям в Таджикистане» и др.).

Источником другого характера явились исследования, проводившиеся в плане полевой этнографической работы, начатые советскими исследователями еще в 20-е и 30-е годы и продолженные после войны — в 40-е и 50-е годы. Следует отметить, что исследования эти проводились в основном в восточной части бывшего Бухарского ханства, на территории современного Таджикистана, и в значительно меньшей степени в западной части бывшего ханства, в Узбекистане. Результаты этих исследований изложены в неоднократно цитируемых ниже работах автора этих строк, а также таджикских и узбекских исследователей — М. Рахимова, Н. Ла-

типова, М. Хамраева, А. Маджлисова, К. Шаниязова и некоторых других. Большую помощь при сборе полевого материала в районах Узбекистана в 1958—1959 гг. нам оказал К. Ш. Шаниязов. Привлечение полевого этнографического материала сыграло значительную роль в определении характерных черт феодального устройства Бухарского ханства, уточнении противоречивых сведений об аграрных отношениях, исследовании патриархальных отношений, изучении патриархальной семейной общины и сельской общины.

В этих работах, основанных на полевом материале, публикуется некоторое количество письменных бухарских документов позднейшего времени, представляющих собой акты земельных пожалований, завещаний имущества, купли-продажи земли; аналогичные документы для того же периода мы находим и в работах А. А. Семенова. Однако следует признать, что по существу архивные документы по Бухарскому ханству конца XIX—начала XX в. еще остаются совершенно нетронутыми. Эта трудоемкая и кропотливая работа рано или поздно должна быть проделана, но она требует совместных усилий большого коллектива специалистов — историков-востоковедов.

Глава первая

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ ПОЗДНЕЙШЕГО ПЕРИОДА

Бухарское ханство, ликвидированное в результате революционных событий 1920 г., просуществовало более трех столетий. Оно было создано на развалинах государства Тимуридов. Последнее, в значительной степени ослабленное постоянными внутренними междоусобиями, вызывавшимися соперничеством многочисленных потомков Тимура, на рубеже XV и XVI вв. было завоевано пришедшими из степей кочевыми узбеками.

Степи к северу от культурных оазисов Средней Азии, носившие название Дашти Кипчак, издавна были заселены тюркоязычными кочевниками. На протяжении ряда столетий эти степи наводнялись с востока все новыми и новыми волнами пришельцев тюркского и монгольского происхождения, однако количество монголов (пришедших с Чингиз-ханом) было невелико и они быстро подверглись отуречению и слились с основной массой тюркоязычных кочевников.

Обширные степи Дашти Кипчака, доставшиеся после монгольского нашествия в удел сыну Чингиз-хана Джучи, впоследствии были поделены между потомками последнего. Племена, кочевавшие к северу от Сыр-Дарьи, на обширном пространстве от р. Урала до Иртыша, входили в удел сына Джучи Шейбана и получили название узбеков. Узбекские племена не представляли собой в политическом отношении единого целого; лишь в середине XV в. часть этих племен была объединена потомком Шейбана Абулхайр-ханом, который стал совершать набеги на среднеазиатские владения Тимуридов и начал даже играть некоторую роль в расприх последних, поддерживая одних в борьбе против других. Однако только его внуку Мухаммеду Шейбани (годы правления 1499—1510) удалось сплотить вокруг себя кочевников-узбеков и предпринять завоевание государства Тимуридов.

Шейбани-хан завоевал весь Мавераннахр и Хорасан, изгнав из этих областей Тимуридов, однако сам погиб в борьбе с основателем Сефевидской династии в Иране шахом Исмаилом.

Потомки Шейбани-хана в течение всего XVI столетия сохраняли за собой власть в Мавераннахре. Первоначально столицей вновь образованного государства был Самарканд, но позднее столичным городом стала Бухара и само государство получило название Бухарского ханства. При Шейбанидах сохранялась старинная кочевая традиция, согласно которой захваченная Шейбани-ханом территория делилась на уделы, во главе которых стояли члены правящего рода — султаны, в то время как наиболее могущественный из них — верховный правитель — назывался ханом.

Захватив культурные оазисы Мавераннахра и Хорасана, кочевники-узбеки столкнулись здесь с оседлым населением; последнее в этническом отношении подразделялось на две группы — таджиков и тюркоязычные

племена, пришедшие в эти области значительно раньше и в своей массе освоившие земледельческую культуру и оседлый образ жизни. Завоеватели узбеки, захватывая пастбища и культурные земли, частично вытесняли исконное население с места его обитания, частично же поселялись бок о бок с аборигенами и постепенно смешивались с ними; роднясь с местным населением путем заключения браков, узбеки усваивали его земледельческие навыки и культуру. Значительная часть исконного населения — таджиков — ассимилировалась с пришельцами в языковом отношении, воспринимая узбекский язык и постепенно утрачивая свой родной таджикский.

Вскоре после прихода узбеков в Мавераннахр начинается процесс перехода их от кочевой жизни к оседлой. Однако процесс этот принял весьма длительный и затяжной характер и по существу не закончился даже к началу XX в., когда все еще продолжали существовать — правда, уже незначительные — группы кочевых и полукочевых узбеков. Поскольку основной причиной перехода к оседлости был недостаток основных средств производства кочевого хозяйства — недостаток пастбищ и сокращение стад, — постольку, естественно, при существовавшей в узбекском кочевом обществе классовой дифференциации в первую очередь к оседлости переходили мало обеспеченные слои населения, главным образом беднота; лишь позднее этот процесс захватывает и остальные слои кочевников.

Феодальная раздробленность, междоусобицы и борьба за обладание верховной властью были свойственны и вновь образованному государству Шейбанидов. Одному из наиболее крупных представителей династии Шейбанидов, Абдулла-хану (правил с 1593 по 1598 г., по фактически выдвинулся на первое место в ханстве уже в конце 60-х годов), удалось объединить под своей властью весь Мавераннахр, а также утвердиться в Хорасане, Хорезме, Ташкенте и Бадахшане.

Однако завоевания Абдулла-хана были непрочны. Вступивший после него на бухарский престол его сын Абдулмумин оказался слабым правителем, он не был способен держать в повиновении феодально-племенную знать и вскоре был убит.

После гибели Абдулмумина не осталось членов династии Шейбанидов, которые могли бы занять престол, и поэтому ханом был провозглашен Дип-Мухаммед — один из потомков бывших правителей Астрахани, происходивших от сына Чингиз-хана Джучи; отец Дип-Мухаммеда Джанибек после взятия Астрахани войсками Ивана Грозного бежал в Бухару, где породнился с Шейбанидами. Таким образом, в Бухаре с начала XVII в. стала править новая династия, известная под именем Аштарханидской. Но только третьему по счету Аштарханиду, Имам-Кули-хану (1611—1643), удалось справиться с междоусобицами и смутами, царившими в ханстве, и установить твердую власть.

Однако при Имам-Кули-хане владения Бухары по сравнению со временем Абдулла-хана сильно сократились: Хорезм и значительная часть Хорасана были потеряны. Имам-Кули-хану пришлось вести тяжелую борьбу с кочевниками на севере, в частности из-за Ташкента.

При следующих Аштарханидах в Бухарском ханстве происходили непрерывные войны, как с внешними врагами (в частности, с усилившейся Хивой), так и с мятежными феодалами — предводителями многочисленных узбекских племен; постоянные междоусобицы происходили и между отдельными представителями правящей династии, которые сидели в качестве наместников в отдельных провинциях и проявляли сепара-

тистские тенденции в отношении центральной власти (Гисар, Балх, Бадахшан и др.).

Первая половина XVIII в. характеризуется полным упадком центральной власти Аштарханидов и распадом государства на отдельные феодальные владения. Ферганская долина и бассейн Сыр-Дарьи переходят во власть кокандских правителей, в Ташкенте утверждается власть местных ходжей; области за Аму-Дарьей также фактически навсегда уходят из рук бухарских ханов, во главе их становятся представители узбекской знати, а в дальнейшем они постепенно переходят под власть вновь образованного Афганского государства.

Последний бухарский правитель из династии Аштарханидов, Абул-файз-хан (1711—1747), был игрушкой в руках узбекской феодально-племенной знати, грабившей и разорявшей страну, в которой теперь царила полная анархия. В этот период выдвигается один из представителей племени мангыт — Мухаммед-Хаким-бий, возведенный ханом в звание аталыка столицы, к которому по существу и переходит управление ханством.

Усиление власти аталыка, а впоследствии его родственников, ставших его преемниками, содействовало нашествию иранского шаха Надира (в 1740 г.). Во время его краткого владычества над Бухарой (Надир был убит в 1747 г., и его обширное государство распалось) Мухаммед-Хаким-бий, его брат Даниал-бий и сын последнего Мухаммед-Рахим пользовались неизменной поддержкой шаха. После гибели шаха в 1747 г. Мухаммед-Рахим (Мухаммед-Хаким к тому времени уже умер) убил Абдул-файз-хана и затем вступил на бухарский престол с титулом эмира, который после его смерти в 1756 г. перешел к его дяде Даниал-бию. Мухаммед-Рахим и Даниал-бий положили начало новой Мангытской династии в Бухаре.

Правление Даниал-бия и его сына Шах-Мурада (1785—1800) было временем относительного укрепления Бухарского государства; Шах-Мурад вел агрессивную политику и довольно удачно воевал с Ираном и Афганистаном. Однако последовавший ему эмир Хайдар (1800—1826) не сумел продолжить политику своего отца. Русский ученый Н. В. Ханыков, посетивший Бухару в 40-х годах XIX в., писал, что когда эмир Хайдар получил престол после своего отца, весь Мавераннахр подчинился его воле, на юге Балх и Гисар платили ему подати, а на севере Ура-Тюбе и Ходжент беспрекословно исполняли его требования; однако эмир передал государство своим наследникам далеко не в таком виде: границы Бухары еще более сузились, кокандцы отнимали селения на севере ханства, владетель Шахрисябза обижал подданных хана, а Гисар и Балх посылали ему лишь произвольные подарки.¹

Правление эмира Насруллы (1826—1860) являлось периодом непрерывных войн с Хивинским и вновь образованным Кокандским ханствами за отдельные, главным образом пограничные территории (Мерв, Чарджуй, Ура-Тюбе, Ходжент), а также с Шахрисябзским владением, которое эмир Насрулла смог покорить лишь к концу своей жизни, после 32 походов. Таким образом, к середине XIX в. территорией, прочно входившей в состав Бухарского ханства, являлась лишь долина среднего и нижнего течения Зеравшана.

Частые войны, происходившие в период правления первых эмиров из династии Мангытов, привели к значительному разрушению народного хозяйства, упадку земледелия и сокращению населения в ханстве.

Годы правления следующего эмира из Мангытской династии —

¹ Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 2—3.

Музаффар (1860—1885) — ознаменовались событием, имевшим важнейшее значение не только для Бухарского ханства, но и для всей Средней Азии, а именно завоеванием края царской Россией и превращением его в колонию российского империализма.

Генеральное наступление царских войск началось в 1864 г., после того как на границах Средней Азии, в казахских степях, русскому военному командованию удалось создать твердые форпосты в виде военных линий, крепостей и укреплений. Продвижение русских войск шло довольно быстро и было направлено первоначально против городов и округов, входивших в то время в состав Кокандского ханства; в 1864 г. были взяты города Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент, в мае 1865 г. штурмом был взят Ташкент. Успехам русских способствовала происходившая в это время ожесточенная борьба между Бухарским и Кокандским ханствами, в ходе которой бухарский эмир Музаффар стремился окончательно закрепить за собой города Ходжент и Ура-Тюбе с их территориями, являвшимися постоянным яблоком раздора между обоими ханствами. Захват русскими войсками в мае 1866 г. Ходжента и в октябре того же года Ура-Тюбе и Джизака привел бухарское правительство к непосредственному столкновению с Россией.

Весной 1868 г. началось решительное наступление русских войск против Бухары. После незначительного сопротивления бухарских войск в мае 1868 г. русскими был занят Самарканд, а затем Катта-Курган. В результате решительного поражения, нанесенного бухарским войскам под Зерабулаком, эмир Музаффар поспешил приступить к мирным переговорам, и между Россией и Бухарой 23 июня 1868 г. был заключен мирный договор. По этому договору Бухара уступала России занятые последней Самарканд и Катта-Курган с их округами, уплачивала России военную контрибуцию в размере 500 000 рублей и ставила себя в вассальные отношения к России. Эти вассальные отношения выразились в том, что царское правительство получило право устройства телеграфа и организации почты на территории ханства, право судоходства по Аму-Дарье, причем эмир был обязан обеспечить постройку пристаней и их охрану; русские подданные получали право приобретения недвижимого имущества на территории ханства, а русским купцам была разрешена там свободная торговля. Бухара лишилась права ведения самостоятельных сношений с иностранными государствами. Этот договор в 1873 г. был дополнен несколькими статьями, предоставлявшими некоторые другие преимущества России. Отношения зависимости Бухары от России были характерны для всего почти полувекового периода господства царской России в Средней Азии, закончившегося в 1917 г. в результате Октябрьской революции. Следует отметить, что отношения между Россией и Бухарой в течение указанного периода, особенно в годы правления эмиров Абдулахада (1885—1910) и Алим-хана (1910—1920), не всегда оставались стабильными; последние два эмира хорошо осознали те выгоды, которые давала им поддержка царского правительства, особенно когда дело касалось эксплуатации собственного народа и того, чтобы держать его в повиновении. Поэтому последние эмиры охотно оказывали содействие различным начинаниям царского правительства — как в области экономической, так и в области политической, несмотря на то, что те или другие мероприятия не были предусмотрены существующим договором.

Наиболее характерно то обстоятельство, что в результате поражения, понесенного со стороны царской России, Бухарское ханство, вынужденное согласиться на передачу России занятых последней областей, все же в территориальном отношении не потерпело ущерба, а наоборот, с по-

мощью и при поддержке русского правительства и русских войск приобрело и закрепило за собой новые области.

Согласно договору 1868 г., Бухара потеряла плодородные и богатые земли по среднему течению Зеравшана, вплоть до Катта-Кургана. Однако царское правительство оказалось заинтересованным в ликвидации различных независимых и полунезависимых таджикских и узбекских областей, часть которых в свое время входила в состав Бухары, но с ослаблением последней переставала признавать власть бухарского эмира.

Вскоре после заключения упомянутого выше договора бухарский эмир обратился с просьбой к туркестанскому генерал-губернатору К. П. фон-Кауфману оказать ему помощь в «умиротворении» края. В 1869 г. при содействии русских властей эмирские войска заняли и присоединили к Бухаре Гисар, Куляб, Бальджуан, области по долине Сурхан-Дарьи, Ширабад. «В январе 1870 г. в Хиву пришло известие о взятии эмиром Гиссара и Куляба; хивинский историк, — пишет акад. В. В. Бартольд, — с явным осуждением эмира говорит об этой войне, что она продолжалась 6—7 месяцев и что с обеих сторон погибло много мусульман».² Б. Г. Гафуров говорит, что «при активном вмешательстве царского правительства эмир Музаффар начал покорение горных областей Восточной Бухары. Эмир Музаффар покорил Ширабад, Гиссарскую долину, Куляб и Бальджуан. Он казнил много местных жителей и наложил на население большую сумму амонпули (сбор „за пощадку“).»³

Подробности о присоединении Гисара и соседних областей мы находим у Н. А. Маева, первого русского исследователя, посетившего (в 1875 г.) Гисарскую долину, низовья Кафирнигана и Кургантюбинскую равнину. Указанных событий касается также капитан российской армии Лилиенталь, посетивший эти края в конце 80-х годов.⁴ Сведения, сообщаемые этими авторами, весьма ценны, потому что они, в особенности Н. А. Маев, посетили край очень скоро после его присоединения, когда свершившиеся события были еще свежи в памяти местных жителей.

Н. А. Маев пишет, что плодородная Гисарская страна являлась лакомым куском для бухарских владетелей и что, когда Бухара была сильна, она распространяла свою власть на Гисарский край и, напротив, когда ханство ослабевало, местные правители снова становились независимыми. После первых поражений, нанесенных русскими войсками бухарскому эмиру Музаффару, правитель Денау (одного из гисарских владений) Абдул-Карим-датха, поставленный еще эмиром Насруллой, отложился от эмира. Эмир двинулся с войском в Гисар, а Абдул-Карим бежал в Куляб и увел с собой часть населения. В решительном сражении близ Денау гисарцы, имевшие даже артиллерию (4 пушки), были разбиты наголову, эмир взял приступом Денау и завладел другими городами края. Правитель Куляба Сара-бек, желая выслужиться перед эмиром, выдал ему Абдул-Карима, и последний был казнен.

² В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 229.

³ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении, т. I, С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Изд. 3-е, М., 1955, стр. 431.

⁴ Н. А. Маев. Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. V, СПб., 1879, стр. 175—177; Кап. Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 57, СПб., 1894, стр. 313—315.

Следующее событие относится к 1868 г. Выступление против бухарских властей было спровоцировано мятежным сыном эмира Катта-Тюрк (Абдул-Малик-ханом), к которому присоединился упомянутый выше Сара-бек; они волновали народ различными посулами и обещаниями. Эмир вторично должен был послать войска и подчинить себе Гисарскую долину и соседние районы; войско эмира на этот раз дошло до Куляба, и Сара-бек бежал в Афганистан (Абдул-Малик бежал в Коканд, затем в Кашгар и в Индию).

Эмиром были назначены в край новые правители — беки, среди них был и сын эмира. Лиллиенталь пишет о жестокостях этих правителей, которые непосильными поборами разоряли население, а также о восстаниях против бухарских властей; многие жители, как это имело место в Кабадианском бекстве, доведенные до отчаяния, покидали насиженные места и убежали.

Летом 1870 г. отряд русских войск предпринял поход в области, лежащие по верхнему течению р. Зеравшана, — Мачту, Фальгар, Фан и Урмитан; эти области в свое время были присоединены эмиром Насруллою к бухарским владениям, но после взятия русскими Самарканда бухарские чиновники оттуда бежали и в край возвратились их прежние феодальные владельцы. Против них и был направлен упомянутый поход, однако области эти не были возвращены Бухаре, а вследствие близости их к Самарканду присоединены к русским владениям.

Восстание в 1868—1869 гг. в Гисаре и соседних областях нашло также отклик в Шахрисябзе. Местные феодалы — Джура-бек и Баба-бек вошли в контакт с упомянутым выше мятежным сыном эмира Абдул-Маликом, и союзниками была провозглашена «священная война» против русских, занявших Самарканд, и одновременно против эмира, капитулировавшего перед русскими. Шахрисябцам удалось войти в сношение с самаркандцами и осадить цитадель Самарканда, занятую русским гарнизоном; однако подоспевшими русскими войсками осаждающие были отбиты. Но и после заключения мирного договора между Россией и Бухарой шахрисябзские беки продолжали держать себя враждебно как в отношении эмира, так и в отношении русских. В связи с этим осенью 1870 г. отряд русских войск совершил экспедицию в Шахрисябз и взял приступом шахрисябзские города Шаар и Китаб. Мятежные беки, выразившие покорность, были приняты на русскую службу, а край передан эмиру, посадившему здесь своих беков.

В 1873 г., после покорения русскими Хивинского ханства, бухарскому правительству была передана также часть хивинской территории по правому берегу реки Аму-Дарьи.

Наконец, в 1877—1878 гг. с согласия русских властей эмиром бухарским были присоединены к ханству Каратегин и Дарваз — горные области, бывшие до того времени самостоятельными и управлявшиеся своими местными таджикскими правителями. В 1870 г., после кровавых событий в соседних Гисаре и Кулябе, правитель Каратегина Рахим-хан добровольно признал свою зависимость от Бухары и получил от эмира особую грамоту на правление. Однако в последующие годы он стал помышлять о возвращении Каратегину самостоятельности, формировать и обучать свои войска. В результате в 1876 г. Рахим-хан был вызван в Бухару и задержан там, а правителем был назначен его родственник Саид-хан. Однако в следующем году последний также был смещен и в Каратегин вступил отряд бухарских войск под начальством Худой-Назар-аталыка, который и был назначен беком Каратегина. Зимой 1877—1878 гг. Худой-Назаром был предпринят поход в труднодоступный Дарваз,

где также местный правитель был смещен, а край присоединен к Бухаре.⁵

Таким образом, бухарские владения при содействии русских властей и с помощью русских войск простерлись далеко на восток. Памирское разграничение 1895 г. установило границу между Бухарой и Афганистаном по реке Пянджу, тем самым власть эмира распространилась и на припамирские районы — Рушан-Шугнан, Ишкашим и Вахан. Однако в этих районах было организовано двойное русско-бухарское управление и фактически эмирские чиновники никакой властью в них не пользовались. Вместе с тем, районы так называемого Запянджского Дарваза, т. е. горной страны по левому берегу Пянджа, доставшиеся в 70-х годах вместе с покорением Дарваза Бухаре, согласно этому разграничению отошли к Афганистану.

После памирского разграничения 1895 г. границы Бухарского ханства уже не изменялись и оставались стабильными до конца его существования.

В последние годы XIX и в начале XX в. в Бухарское ханство все больше проникают элементы капиталистических отношений.⁶ Ханство постепенно превращается в сырьевой придаток Российской империи, на его территории возникают десятки предприятий по первичной обработке сырья, главным образом хлопкоочистительные заводы. Пролетариат в ханстве был еще малочислен, в значительной части рабочие являлись сезонниками, однако на территории ханства, в основном вдоль железнодорожной линии, создаются русские поселки (Новая Бухара, Чарджуй, Керки, Термез), население которых состоит главным образом из железнодорожников и рабочих.

Складывавшаяся торгово-ростовщическая национальная буржуазия была тесно связана с российским рынком, при этом она стремилась занять господствующее положение в стране. В начале XX в. в ханстве возникает буржуазно-националистическое движение джадидов («младобухарцев»), связанное с идеями панисламизма и пантюркизма; джадиды после Февральской революции выступили с требованием буржуазно-демократических реформ, которые и были обещаны эмиром в апреле 1917 г. в особом манифесте. Но это обещание осталось лишь на бумаге. Дальнейшие события показали, что джадиды по существу были противниками революции и оказались в лагере реакции.

Великая Октябрьская социалистическая революция сразу же получила отклик в русском Туркестане, в ближайшие два-три месяца советская власть была установлена почти во всех городах, на железнодорожных станциях и в рабочих поселках Туркестанского края. В руки Советов перешла власть и в русских поселках на территории Бухарского ханства. Однако во всем ханстве в целом продолжал господствовать феодально-деспотический гнет.

Несмотря на стремление Советского правительства Туркестана установить нормальные и добрососедские отношения с эмиратом, эмир Алим-хан занял резко враждебную позицию в отношении Советов и стал сколачивать силы реакции для борьбы против советской власти, вступив в переговоры с главарями контрреволюции как внутри страны, так и за рубежом.

⁵ Подробности см.: Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина. Душанбе, 1954, стр. 74—87, 99—100.

⁶ О революционных событиях в Бухаре, образовании Бухарской республики и преобразованиях в связи с национально-государственным размежеванием см.: История Узбекской ССР, т. II. Ташкент, 1957, стр. 161—196, 223—233.

В начале марта 1918 г. Советское правительство Туркестана, введенное в заблуждение младобухарцами о якобы готовящемся в Бухаре восстании народных масс, предприняло попытку свергнуть власть эмира; но, как обнаружилось, трудящиеся ханства, и в частности самой Бухары, были еще не подготовлены к выступлению против эмирской деспотии, чему в значительной степени способствовало огромное влияние реакционного духовенства на народные массы и выявившаяся полная оторванность младобухарцев от народа. 25 марта 1918 г. Советским правительством Туркестана было заключено с эмиром Кизылтепинское соглашение, по которому эмир, в частности, обязывался не предпринимать враждебных действий против Советского Туркестана.

Однако в дальнейшем Алим-хан нарушил эти обязательства и стал лихорадочно готовиться к тому, чтобы уничтожить советскую власть в Туркестане, для чего он вошел в сношения с английскими империалистами и действовавшими в Закаспии белогвардейцами, получая от них оружие, боеприпасы, военных инструкторов.

Военные приготовления эмира, сопровождавшиеся усилением налогового гнета, мобилизацией населения, введением различных повинностей и чрезвычайных сборов, вызвали глубокое недовольство среди трудящихся масс. В декабре 1918 г. была создана Бухарская Коммунистическая партия, которая, работая в глубоком подполье, взяла на себя задачу подготовки революционной борьбы трудящегося населения ханства против феодального строя. В течение двух лет бухарские коммунисты, опираясь на братскую помощь коммунистов Туркестана и Российской Федерации в целом, настойчиво и терпеливо готовили народные массы для свержения эмирской деспотии; с ноября 1919 г. бухарские коммунисты в своей деятельности руководствовались советами и указаниями Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, во главе которой стояли такие выдающиеся деятели партии, как В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, Ш. З. Элиава. Летом 1920 г. в Бухаре создалась революционная ситуация, а 28 августа 1920 г. началось народное восстание, поддержанное войсками Красной Армии под командованием М. В. Фрунзе. 2 сентября революция победила, сильно укрепленный город Бухара был взят штурмом, эмир со своими приближенными бежал в Восточную Бухару, а затем в Афганистан.

В октябре 1920 г. на первом съезде (курултай) народных представителей Бухары была провозглашена Бухарская Народная Советская республика в границах бывшего Бухарского ханства. Исключительная экономическая и культурная отсталость страны, отсутствие в ней сформировавшегося рабочего класса не позволили непосредственно после переворота преобразовать Бухару в социалистическую республику. Такая возможность появилась лишь через четыре года, в результате хозяйственных и культурных успехов; в сентябре 1924 г. на V Всебухарском курултае народная республика была преобразована в Бухарскую Советскую Социалистическую Республику.

Вскоре после этого, а именно в ноябре 1924 г., в связи с национально-государственным размежеванием Средней Азии, Бухарская республика была ликвидирована и ее территория вошла в состав вновь созданных Туркменской ССР, Узбекской ССР и Таджикской АССР; в 1929 г. Таджикская АССР была выделена из Узбекской ССР, преобразована в союзную социалистическую республику и, наряду с Узбекской и Туркменской республиками, стала полноправным членом Союза ССР.

Определение границ Бухарского ханства для конца 80-х годов прошлого столетия приводит А. Галкин.⁷ Более подробную характеристику границ ханства мы находим у Д. Н. Логофета,⁸ описание которого отличается еще и тем, что указывается более определенно восточная граница, которая во времена А. Галкина еще не была уточнена. Линия этой границы совпадает и с данными И. П. Магидовича,⁹ приводимыми для бывшей Бухарской республики, территория которой, как известно, совпадала с территорией ликвидированного в 1920 г. Бухарского ханства.

Граница на северо-западе ханства начиналась на правом берегу Аму-Дарьи (по Логофету, у урочища Мешекли, в 70 верстах выше города Петро-Александровска; по Галкину, у урочища Уч-Учак), продолжалась в восточном направлении по степи через колодцы Узун-Кудук и Амантай, затем отклонялась к юго-востоку и шла в этом направлении, оставляя к юго-западу город Нур-Ата, до Нуратинского хребта, а затем, описав петлю, направлялась на юг, пересекая р. Зеравшан вблизи бухарского города Хатырчи, и далее проходила по Зерабулакским высотам; от колодца Искандер (километрах в 60 к северо-востоку от г. Карши) граница поворачивала на восток, от кишлака Джам шла по Самаркандско-Шахрисябским горам; далее на восток граница шла по водоразделу главных хребтов — Гисарского и Алайского — до перевала Гадай-Юлы в Алайском хребте. Затем граница отклонялась к югу и шла сначала в юго-восточном, потом в южном направлении; она пересекала Алайскую долину ниже урочища Катта-Карамук, реку Мук-Су ниже урочища Алтыш-Мазар и далее по недоступным горам направлялась к истокам реки Язгулем, а затем шла по Язгулемско-Бартагскому хребту до реки Пяндж. Южная граница проходила по реке Пяндж-Аму-Дарье до кишлака Ак-Кум между городами Келиф и Керки. Здесь граница переходила на левый берег Аму-Дарьи, вдоль которого следовала на северо-запад, местами отдаляясь от реки на расстояние до 15 км, и таким образом достигала указанной вначале северо-западной оконечности Бухарского ханства.

На западе, севере и востоке Бухарское ханство граничило с русскими владениями, а именно с Закаспийской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областями, на юге — с Афганистаном.

Территория ханства, по данным А. Галкина, составляла 184 800 кв. верст, по В. И. Масальскому — 178 750 кв. верст, по исчислениям И. П. Магидовича — 182 193 кв. км.¹⁰ Как видно, все эти данные мало расходятся между собой. Д. Н. Логофет же определяет площадь ханства более высокой цифрой — в 400 000 кв. верст,¹¹ однако эту цифру он выводит чисто условно, принимая длину территории ханства с запада на восток в 800 верст, а ширину с севера на юг в 500 верст и перемножая эти цифры. Следует полагать, таким образом, что данные И. П. Магидовича, подтверждающие сведения других авторов, могут быть приняты

⁷ А. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства. Военный сборник, 1890, № 11, стр. 180.

⁸ Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I. СПб., 1911, стр. 44 и след.

⁹ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 1. Бухара—Ташкент, 1926, см. приложенную карту.

¹⁰ А. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства, стр. 181; В. И. Масальский. Туркестанский край. Россия, т. XIX, СПб., 1913, стр. 649; Материалы по районированию Средней Азии..., стр. 149.

¹¹ Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 1, стр. 61.

как вполне реальные и соответствующие действительности и что территория Бухарского ханства составляла не многим менее 200 000 кв. км.

В литературе, посвященной Бухарскому ханству, при рассмотрении его природных условий принято делить всю его территорию на две или на три части. Так, например, Галкин указывает, что по строению поверхности ханство можно разделить на две части: равнину на западе и горную страну на востоке; границей между этими двумя частями служит линия, проходящая через Джамский перевал и города Карши и Керки.¹² Такого же деления придерживаются В. И. Масальский, проводящий границу между двумя частями ханства по линии Нур-Ата—Карши—Керки,¹³ и Н. Л. Корженевский (линия Хатырчи—Карши—Керки).¹⁴ Другие авторы, как например П. Шубинский, делят территорию ханства на три части: западную — равнинную, среднюю — со сравнительно невысокими горами и восточную — высокогорную.¹⁵ Мы в дальнейшем будем придерживаться деления ханства на Западную Бухару и Восточную Бухару.

Западная Бухара представляла собой «совокупность равнинных пространств со средним гипсометрическим уровнем около 250 м, полого падающих на юго-запад» (Н. Л. Корженевский). Лишь невысокие горные хребты — на севере Нуратинский, в средней части Шахрисябзско-Самаркандские горы — прорезают эти равнинные пространства. Два крупных оазиса — долина нижнего Зеравшана и бассейн Кашка-Дарьи, отделенные друг от друга Шахрисябзско-Самаркандским хребтом, — занимают срединную часть этой равнины. С севера, запада и юга эти оазисы окаймляются песчаными и глинистыми пустынями и полупустынной степью. Эти пустынные и степные пространства подходят почти вплотную к оазисам, причем нередко пески вторгались и в культурные, возделанные местности. С юго-запада Западно-Бухарская равнина окаймляется огромной дугой Аму-Дарьи, вдоль которой культурная местность тянулась узкой полосой. Обе реки, дававшие жизнь Бухарскому ханству, — Зеравшан и Кашка-Дарья — не доходили до Аму-Дарьи, в сторону которой было направлено их течение, и терялись в песках. Недостаток воды ощущался в Западной Бухаре за пределами указанных оазисов повсеместно. В связи с этим на всех главных караванных путях в пустынной и степной части устраивались искусственные водоемы — колодцы и водохранилища (сардоба) — огромные постройки с куполообразной крышей, внутри которых в бассейнах, выложенных кирпичом, скоплялась вода от дождей, проходивших здесь обычно зимой и весной. Климат территории Западной Бухары континентальный, очень жаркий и сухой летом и достаточно суровый, нередко с сильными морозами зимой. Иногда зимой выпадает снег, который лежит обычно недолго. Ранней весной, в период дождей, степь обычно покрывается обильной травой, но вскоре (обычно уже в мае) трава высыхает. Древесная растительность встречается лишь по берегам рек, в оазисах много фруктовых посадений и виноградников.

Восточная Бухара в природном отношении сильно отличалась от Западной. Она представляла собой типичную горную страну с резко повышающимися с запада на восток абсолютными высотами. С севера Восточную Бухару окаймляют два мощных горных хребта — Алайский на востоке и Гисарский на западе; в своей западной части Гисарский

¹² А. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства, стр. 181.

¹³ В. И. Масальский. Туркестанский край, стр. 649.

¹⁴ Материалы по районированию Средней Азии..., стр. 17.

¹⁵ П. Шубинский. Очерки Бухары. Исторический вестник, 1892, № 8, стр. 380.

хребет расходится веером и дает многочисленные отроги, наиболее мощный из которых, известный, в частности, под именем Байсун-Тау, направляется к югу и разделяет бассейны Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи. Территория западной части Восточной Бухары представляет собой ряд широких долин — Ширабад-Дарьи, Сурхан-Дарьи, Кафирнигана (вдоль верхнего течения обеих последних рек располагается широкая и плодородная Гисарская долина), Вахша и Кизыл-Су, которые отделены друг от друга сравнительно невысокими горными хребтами; вся же восточная часть заполнена двумя мощными первоклассными хребтами — Петра I и Дарвазским, которые покрыты вечными снегами и в своей наиболее высокой, восточной части несут огромные ледники. Хребет Петра I отделяется от Алайского хребта долиной реки Сурхоба, верхнего течения Вахша, носившей название Каратегин, а Дарвазский хребет отделяется от хребта Петра I долиной реки Хингоу, которая вместе с побережьем Пянджа к югу от Дарвазского хребта называлась Дарвазом. На крайнем востоке бывшего Бухарского ханства простираются еще два коротких, но высоких и мощных хребта — Ванджский и Язгулемский, причем первый из них отделяется от восточной части Дарвазского хребта долиной реки Вандж, а Ванджский хребет от Язгулемского отделяется долиной реки Язгулем.

Местности по низовьям рек Сурхан-Дарьи, Кафирнигана и Вахша еще в значительной степени напоминают по своим природным условиям Западную Бухару. Вся остальная часть Восточной Бухары отличается обилием воды, стекающей с гор в виде многочисленных ручьев и рек, а также развитой естественной растительностью, имеющей, как и везде в горах, зональный характер развития. Широкие горные долины отличаются умеренным, здоровым климатом с обильными осадками, главным образом зимой и весной, в виде снега и дождя; снега выпадает довольно много, и он держится в течение всей зимы; долины эти весьма благоприятны для земледелия. Характерной особенностью Восточной Бухары была изолированность отдельных долин, связь которых с внешним миром поддерживалась через высокие и труднодоступные перевалы. Горные массивы Восточной Бухары изобилуют хорошими альпийскими пастбищами.

Территория бывшего Бухарского ханства богата различными полезными ископаемыми, однако в период существования ханства сведения о них были скудными, потому что сколько-нибудь серьезных мероприятий по разведыванию недр не проводилось. В ханстве имелись месторождения каменной соли, особенно в южных районах, которые подвергались разработке. По горным рекам и речкам Восточной Бухары встречалось золото в россыпях, или так называемое шлиховое золото, которое намывалось кустарным, весьма примитивным способом.

В Бухарском ханстве не существовало никакой статистики, не было точного учета населения. Те исчисления, которые производились, преследовали исключительно фискальные цели и никогда не отличались сколько-нибудь достаточной степенью точности. По этому поводу еще в 40-е годы прошлого столетия Н. В. Ханьков писал: «Определить число каждого из выше названных племен мы совершенно отказываемся потому, что это неизвестно и самому эмиру... К несчастью, статистика земель мусульманских весьма мало обработана, и потому трудно сказать подобно тому, как мы делаем в Европе при оценке народонаселения какого-нибудь государства, виденного нами проездом, сколько можно положить жителей

на каждую квадратную милю». ¹⁶ Впрочем, сам Ханыков для своего времени полагал, что население ханства составляет от 2 до 2.5 млн человек. ¹⁷

А. Галкин на основании, естественно, весьма неточных оценочных данных также придерживается минимальной цифры, принятой Ханыковым, а именно 2 млн человек. П. Шубинский указывает, что население Бухары превышает 1½ млн человек. ¹⁸ Однако ориентировочные цифры Ханыкова, Галкина и Шубинского не могут сопоставляться с более поздними данными, поскольку территория ханства в те времена еще не получила полной стабилизации. Поэтому обратимся к тем сведениям, которые приводят более поздние авторы, писавшие в XX в., когда ханство имело уже окончательные, указанные нами выше границы.

Д. Н. Логофет дает, на наш взгляд, слишком завышенную цифру населения, определяя его в 3 млн человек; однако так как исчисление им площади ханства также превышает другие исчисления более чем в два раза, то средняя плотность населения получается очень незначительная, всего 6 человек на кв. версту. ¹⁹ В. И. Масальский определяет количество населения ханства в 2½ млн человек, а среднюю плотность населения — в 14 человек на кв. версту; ²⁰ однако сведения Масальского, по его собственным словам, имеют приблизительный характер.

Более точные данные были собраны уже после Октябрьской революции, в ходе работ, производившихся в связи с национальным размежеванием Средней Азии. Эти данные относятся собственно уже к Бухарской Народной Советской Республике, однако территория этой последней совпадала с территорией Бухарского ханства последнего периода его существования. Общая цифра населения, полученная в результате обследования и подсчета, значительно меньше цифр, приведенных выше, и составляет 1531015 человек. ²¹ Однако столь резкое расхождение не должно казаться странным. Дело в том, что за десятилетие, предшествовавшее только что указанным работам, в связи с бурными политическими событиями (падение эмирата, военные действия, басмаческое движение) произошли значительные переселения, а разруха, голод и эпидемические заболевания вызвали огромное увеличение смертности. По существу спокойная жизнь населения начала налаживаться лишь после национального размежевания, т. е. уже после окончания указанных работ.

Исходя из всех вышеприведенных данных и высказанных нами соображений, можно полагать, что общее количество населения Бухарского ханства в начале XX в. составляло около 2 млн человек или несколько более. В годы же гражданской войны и разрухи оно сократилось примерно на 25%, чем и обосновываются те данные, которые были собраны в середине 20-х годов.

Распределение населения по территории ханства было далеко не равномерным, что, естественно, объяснялось природными особенностями ханства, где наряду с культурными оазисами имелись обширные пустынные или полупустынные пространства, пригодные лишь в качестве пастбищ для скота кочевников. В Восточной Бухаре сравнительно густо

¹⁶ Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 75—76.

¹⁷ Там же, стр. 76—77.

¹⁸ А. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства, стр. 191; П. Шубинский. Очерк Бухары, стр. 380—386.

¹⁹ Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 1, стр. 187.

²⁰ В. И. Масальский. Туркестанский край, стр. 649.

²¹ М. П. Магидович. Население. Материалы по районированию Средней Азии..., стр. 149.

заселенные горные долины также чередовались с пустынными пространствами высокогорий, пригодных только для выпаса скота оседлого населения долин или скота, пригоняемого сюда на лето кочевниками равнин.

Наиболее густо населенными являлись следующие территории: долина Зеравшана, принадлежащая ханству в нижнем течении, затем обширный оазис бассейна Кашка-Дарьи, отделенный от долины Зеравшана невысокими горами и пустыней, далее Гисарская долина с северной частью долины Сурхан-Дарьи, полосы отдельных оазисов, расположенных вдоль Аму-Дарьи, и, наконец довольно густо заселенные горные долины Восточной Бухары, в частности долины Сурхоба, Хингоу, Кизыл-Су и Ях-Су. А. Галкин дает следующую примерную схему распределения населения. Из 2 млн жителей, по его словам, 300 000 живет в Зеравшанском оазисе (с плотностью до 100 человек на кв. версту), 500 000 — в Кашкадарьинском оазисе (также с плотностью до 100 человек на кв. версту), до 200 000 — в Гисаре и в верховьях Сурхан-Дарьи (с плотностью до 50 человек на кв. версту) и 500 000 — в Амударьинских оазисах (с плотностью до 70 человек на кв. версту). Все эти оазисы занимают немного более одной десятой части территории ханства, а на все остальное пространство приходится, по словам Галкина, не более 300 000 человек, из них до 100 000 живет в долинах Ширабад-Дарьи и Куитаг-Дарьи.²²

Нам представляется, что приведенные выше соображения А. Галкина в некоторой мере отображают действительное расселение жителей ханства. Следует лишь указать, что им не упоминаются еще указанные нами выше густонаселенные долины Восточной Бухары, где проживало, по-видимому, никак не менее 250—300 тысяч человек. С другой стороны, автор, по-видимому, несколько преувеличил количество населения в Кашкадарьинском оазисе и преуменьшил его в Зеравшанском оазисе.

И. П. Магидович в своих материалах по районированию, по данным указанного выше обследования, проверенным и дополненным контрольными материалами, приводит распределение населения в бывшей Бухарской Республике. Он дает таблицу распределения населения по административному признаку, исходя из существовавших в Бухарской Республике областей — вилайетов, а затем приводит таблицу распределения населения по географическим районам, указывая площадь, количество населения и его плотность. В данный момент нас будет интересовать вторая таблица — с учетом упомянутых выше оазисов и горных долин Восточной Бухары. Так, для долины Зеравшана (с площадью выше 7000 кв. км) указывается 474 000 человек (мы округляем данные до тысяч) при плотности 65.5 человек; для бассейна Кашка-Дарьи (с площадью 13 000 кв. км) — 192 000 при плотности в 14.8 человек; Гисарская долина и бассейн Сурхана рассматриваются отдельно, вместе же население в них составляет (при площади 165 000 кв. км) 172 000 при плотности свыше 10 человек; долина Аму-Дарьи ниже Термеза (при площади в 6000 кв. км) имеет 193 000 с плотностью 31.6 человек; наконец, горные районы Восточной Бухары (площадью около 45 000 кв. км) имеют 353 000 населения при плотности 7.9 человек.²³

Таким образом, в указанных оазисах и горных долинах в общей сложности насчитывается 1 384 000 населения из общего количества 1 531 000, т. е. здесь на территории, составляющей менее половины страны — около 90 000 кв. км, — живет подавляющая часть ее населения. Однако здесь следует внести некоторую поправку: И. П. Магидовичем, по-види-

²² А. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства, стр. 192.

²³ Материалы по районированию Средней Азии..., стр. 149 и 158 (см. таблицы).

мому, взяты географические районы в широком смысле, в то время как население компактно проживает на более узких пространствах; так, например, районы Восточной Бухары, рассматриваемые автором и занимающие около 45 000 кв. км (т. е. четвертую часть всей площади страны), фактически населены далеко не равномерно, густо заселенные долины занимают здесь сравнительно небольшую площадь, при огромных пустынных пространствах высокогорья. Поэтому, как нам представляется, закономерным является вывод, что подавляющая часть населения страны была сосредоточена на площади, составлявшей лишь четверть или треть ее территории.

Наряду с названными густо населенными районами в своей второй таблице И. П. Магидович выделяет огромные пустынные районы — такие, как Кызылкумский район с площадью 46 000 кв. км и с плотностью населения в 0,4 человека на 1 кв. км, а также срединную степь с площадью в 24 000 кв. км и плотностью населения в 1,2 человека.

Столь неравномерное распределение населения на территории Бухарского ханства имело, естественно, большое влияние на занятия жителей и на экономику страны в целом. Значительные степные и полупустынные пространства, а также обильные травами горные склоны и плоскогорья способствовали сохранению до самых последних лет существования Бухарского ханства кочевого образа жизни некоторой части его населения. По сведениям А. Галкина, оседлое население Бухарского ханства составляло до 65% всего населения и проживало главным образом в равнинных областях; к этому следует добавить, что значительная его часть жила в горных районах Восточной Бухары. В основном, конечно, это были жители селений и городов указанных нами выше оазисов. Полукошевого населения А. Галкин считает до 15%, при этом оно было сосредоточено в долине Аму-Дарьи, в Восточной Бухаре и на склонах Гисарских гор. Остальные 20% населения составляли настоящие кочевники, жившие на склонах высоких гор Восточной и Средней Бухары, а также в степях Западной Бухары.²⁴

Решение вопроса о соотношении оседлого, кочевого и полукошевого населения в ханстве представляет большие трудности. Прежде всего следует указать на то обстоятельство, что это соотношение никогда не оставалось стабильным и что хотя медленно, но неуклонно шел процесс перехода кочевого и полукошевого населения, в основном узбеков, к оседлости.

П. П. Иванов указывает, что, по словам современников, еще в начале XIX в. в долине Зеравшана скотоводство было распространено очень широко и что в районе Мианкала и Самарканда кочевников было столько же, сколько и оседлых. По словам одного из русских исследователей 20-х годов XIX в., в Бухарском ханстве с его 2½ млн населения около 1 млн вело кочевой образ жизни. Сравнение этих свидетельств со свидетельствами авторов середины XIX в., по словам П. П. Иванова, показывает, что процесс перехода к земледелию и оседлости происходил крайне медленно. Далее П. П. Иванов указывает, что в рассматриваемый период говорить о чисто кочевом скотоводческом хозяйстве не приходится и что речь идет о полукошевых, которые в силу недостатка скота и пастбищ были лишены возможности вести кочевое хозяйство, а с другой стороны из-за недостатка земли были лишены возможности перейти к оседлому земледелию.²⁵

²⁴ А. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства, стр. 193.

²⁵ П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—25 гг. Труды Института востоковедения АН СССР, кн. 12, М.—Л., 1937, стр. 17—19.

Таким образом, по-видимому, уже в 60-х годах прошлого века количество чистых кочевников в Бухарском ханстве было весьма невелико. В то же время полукочевой образ жизни, характеризующийся, естественно, различной степенью сохранности кочевания, не позволял зачастую характеризовать ту или иную группу населения с точки зрения принадлежности к оседлому или кочевому населению. Отметим, например, что до самого последнего времени горные таджики, оседлые земледельцы, на лето перегоняли свой скот на высокогорные пастбища, причем часть населения жила во временных помещениях, сооружаемых на этих пастбищах.

Это обстоятельство, по-видимому, и дало повод Д. Н. Логофету, исчислявшему все сельское население ханства в 2 700 000 человек, утверждать, что лишь 500 000 из них являются оседлыми, столько же — кочевниками, а 1 700 000 человек ведут полукочевой образ жизни.²⁶

На основании приведенных выше данных следует все же считать вероятным, что количество кочевого населения в ханстве было относительно невелико и вряд ли превышало 15%.

Трудно определить и процент городского населения в Бухарском ханстве. Здесь также приходится сталкиваться с тем обстоятельством, что значительные группы населения, проживая в пределах городской черты, в то же время занимались земледелием. Кроме того, многие поселения, особенно в пределах Зеравшанского и Кашкадарьинского оазисов, могли рассматриваться и как города и как большие селения, следовательно, население причислялось исследователями или к той, или к другой группе.

Д. Н. Логофет определяет количество городского населения в ханстве в 300 000 человек.²⁷ Однако И. П. Магидович дает почти в три раза меньшую цифру, а именно 115 000 человек. Вместе с тем он делает оговорку, что соотношение городского и сельского населения в 1924 г. характеризует страну в момент разорения, а также указывает, что «процент городского населения (7,5 проц.) должен быть признан чрезвычайно низким, если вспомнить о том, что говорили все путешественники о многолюдности и оживленности важнейших бухарских городов».²⁸

Характеризуя далее соотношение городского и сельского населения, И. П. Магидович пишет: «Тем не менее, даже в случайных цифрах 1924 года проявляется известная закономерность в пропорции городского и сельского населения в различных частях Бухары. Восточная, горная ее часть с редким населением, разбросанным по небольшим изолированным долинам, была и, по-видимому, долго еще будет настоящей крестьянской страной с незначительным по численности городским населением, играющим небольшую роль в общей экономике страны». И далее: «Большое скопление городского населения наблюдается в густонаселенных оазисах Западной Бухары — Бухарском, Каршинском и Шахрисябском. Здесь почти все города, кроме Кагана (Новой Бухары), недавно основанного русскими, образовались естественным путем, в результате длительного исторического процесса и являлись важнейшими экономическими и культурными центрами».²⁹

²⁶ Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 1, стр. 187.

²⁷ Там же, стр. 186.

²⁸ Материалы по районированию Средней Азии..., стр. 149 (см. таблицу) и стр. 158. — О. А. Сухарева считает, что население четырех наиболее крупных городов Бухарского ханства на рубеже XIX и XX вв. составляло: Бухара — 85—90 тыс. чел., Карши — 15—20 тыс. чел., Шахрисябз — 18 тыс. чел., Китаб — 6 тыс. чел., т. е. всего 125—135 тыс. чел. (К истории городов Бухарского ханства, стр. 73, 118, 131).

²⁹ Материалы по районированию Средней Азии..., стр. 159—160.

Что касается национального состава населения Бухарского ханства, то можно полагать, что за последние десятилетия существования ханства он мало изменился и что материалы по районированию 1924 г. в целом дают достаточно полное представление об этнографической карте ханства.

Основными по своей численности национальностями в ханстве были узбеки, таджики и туркмены. Преобладающей народностью были узбеки, которых насчитывалось около 778 000 человек, что составляло 50.7% от общего числа населения. Второй по величине группой являлись таджики, их насчитывалось 476 000 человек — 31.8% от общего числа населения.³⁰ Таким образом, эти две народности составляли около 82%, т. е. подавляющее большинство населения Бухары.³¹ Наконец, третью более или менее многочисленную группу составляли туркмены — 165 000 человек (около 10%).

Далее материалы по районированию указывают еще две сравнительно большие национальные группы: 47 000 арабов и 24 000 казахов. Остальные национальные группы — каракалпаки, киргизы, бухарские евреи, русские, иранцы, индусы, армяне и проч. — составляли ничтожный процент населения, который по существу не отражался на характеристике национального состава Бухары.

Исходя из преобладания вышеуказанных этнических групп в Бухаре, И. П. Магидович³² делит всю территорию Бухары на три части — узбекскую, таджикскую и туркменскую; граница между первой и второй проходит по меридиану несколько восточнее города Юрчи в долине Сурхан-Дарьи; что же касается туркмен Бухары, то они отделены от узбеков линией, тянущейся вдоль правого берега Аму-Дарьи, на расстоянии в среднем около 40 км от нее, и начинающейся несколько выше города Келифа. Такое деление в общем характеризует распределение основных национальных групп на территории Бухары. Так, округляя цифры, укажем, что на территории, населенной таджиками, проживало 360 000 таджиков и 60 000 узбеков, на узбекской территории 675 000 узбеков и 115 000 таджиков, а на территории, где преобладали туркмены, — 140 000 туркмен и около 40 000 узбеков.

В «таджикской» Бухаре узбеки расселены на юго-западе, в верховьях Сурхан-Дарьи и в Гисарской долине, в низовьях Кафирнигана, Вахша и в бассейне Кизыл-Су. Всю северо-восточную и восточную часть (за исключением верховьев Сурхоба, где живут киргизы) «таджикской» Бухары занимают таджики.

В «узбекской» Бухаре районы таджикского поселения встречаются в виде небольших оазисов, главным образом в горных местностях — в верховьях Ширабад-Дарьи, в Байсунских горах, в верховьях Кашка-Дарьи, наконец, отдельным островком в Нуратинских горах. Таджики составляют также значительный процент населения города Бухары и городов Кашкадарьинского оазиса, отдельные их селения встречаются в долине Зеравшана, главным образом в окрестностях города Бухары.

³⁰ Там же, стр. 164—168.

³¹ Всего в СССР в 1924 г. было зарегистрировано 3764 тыс. чел. узбеков и 871 тыс. чел. таджиков. Таким образом, основное население Бухарского ханства и Бухарской Народной Советской Республики — узбеки и таджики — не составляло даже третьей части обоих этих народов, проживавших до революции также в пределах Русского Туркестана и Хивинского ханства (мы здесь не касаемся большого числа зарубежных узбеков и таджиков).

³² Материалы по районированию Средней Азии... (см. карту и приложение к главе V).

В «туркменской» Бухаре, наряду с районами, которые сплошь населены туркменами, встречаются и районы со смешанным туркмено-узбекским населением.

Основным занятием населения Бухарского ханства являлось земледелие. Вследствие климатических особенностей повсеместно в равнинной части Бухары развитие земледелия было тесно связано с необходимостью искусственного орошения полей — земля без воды здесь превращалась в безжизненную пустыню. Примитивная техника, не дававшая возможности устраивать крупные и высококачественные ирригационные сооружения, вместе с господством отсталых социально-экономических отношений приводила к тому, что количество используемых под посевы земель здесь было ограничено.

«Возможности дальнейшего расширения земледелия в долине Зеравшана, — пишет П. П. Иванов, — являлись вообще ограниченными, так как упирались в малоземелье, или точнее — в недостаток орошенной земли. Это обстоятельство, не утратившее вполне своего значения и в период последовавшего затем господства в краю капитализма, особенно болезненно отражалось на крестьянском хозяйстве в рассматриваемую эпоху с ее чрезвычайно примитивной техникой».³³

Вместе с тем было бы, по-видимому, ошибкой утверждать, что сельское хозяйство в ханстве находилось в упадке. Трудолюбие населения, выработавшиеся веками земледельческие навыки, народный опыт, умение использовать буквально каждый клочок орошенной земли — все это при богатой почве и теплом климате давало свои результаты, и земледелие обеспечивало основные средства существования населению ханства.

«Вид с перевала Тахта-Карачи на цветущую долину верховьев Кашка-Дарьи, — пишет В. В. Бартольд, — произвел такое же впечатление на Белявского в 1889 г., как на Петровского в 1872 г.; о богатстве оазиса Шихрисябза и Китаба говорит и Рикмер-Рикмерс, приезжавший туда в 1898 г. и 1906 г. с юга. Цветущая культура была и по низовьям Кашка-Дарьи; от Карши до кишлака Никаз на севере (12 в.) и до кишлака Яныкент на юге (26 в.) тянулась при Гейере сплошная культурная полоса. Плодородием, по словам Гейера, отличалась и местность вдоль Ширабад-Дарьи, где от Ляйлекана начинались рисовые плантации...».³⁴

Основными земледельческими районами являлись упомянутые нами выше оазисы Западной Бухары и западной части Восточной Бухары. Еще в 70-х годах Н. Стремоухов³⁵ отмечал, что лучшие и наиболее обработанные земли в Бухаре расположены по Зеравшану, а вторыми по качеству являются земли в Шахрисябзской долине и отчасти в окрестностях города Карши. А. А. Галкин указывает, что первое место среди земледельческих областей занимает долина Шахрисябза с прилегающими Чиракчинским и Гузарским бекствами, откуда избыток хлебных продуктов пополняет недостаток хлеба не только в Каршинском бекстве, но в значительном количестве вывозится в Бухару. Второй областью с избытком хлеба А. Галкин называет бекства северной части Сурханской долины и Гисарское.³⁶

Земледелие в горных долинах Восточной Бухары, благодаря значительно более обильным в этом краю осадкам, разделялось на поливное и так называемое богарное, т. е. посевы под дождь, которые в Восточной

³³ П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков..., стр. 15.

³⁴ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 247.

³⁵ Н. Стремоухов. Поездка в Бухару. Русский вестник, 1875, № 6, стр. 673.

³⁶ А. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства, стр. 402.

Бухаре производились главным образом не в самой долине, а на горных склонах. Однако более суровый климат и в значительной части малоплодородная, каменистая почва ограничивали размеры земледелия в этой части ханства.

Общее количество поливной земли в Бухарском ханстве В. И. Масальский определял в 1 600 000 десятин.³⁷ Однако поливное земледелие сталкивалось с большими трудностями. Так, например, годовой режим Зеравшана совершенно не отвечал потребности полива в весенние месяцы, потому что весной приходилось сокращать поливы до минимума и производить их с опозданием, что уменьшало урожайность, а также не давало возможности заранее решать, какую культуру следует высевать. Последнее зависело также от того, каково будет количество воды. В связи с очередностью подачи воды земледельцам приходилось то закрывать головные сооружения, то восстанавливать их по нескольку раз в год, что требовало огромного количества труда.³⁸

Характер чередования посевов и оставления части земли под паром зависел от местных условий, как природных, так и экономических, и сильно варьировал по районам. Так, Н. Стремоухов сообщает о трехпольной системе.³⁹ Нередко с одного участка снималось за сезон два урожая, из которых первый назывался кук, а второй ак.⁴⁰

Унавоживание полей широко применялось в Бухаре, при естественном плодородии распространенной почти повсеместно лёссовой почвы. Помимо навоза, количество которого было ограничено (на танап, равный 600 кв. аршин, шло от 100 до 150 ослиных вьюков навоза),⁴¹ применялось также удобрение илом, а кроме того тем же лёссом, свозимым на поля с холмов, бугров и других мест, где этот лёсс не был истощен посевами; нередко на удобрение разбирались также старые глинобитные стены.

Применявшиеся населением ханства земледельческие орудия были весьма примитивными. Одним из основных орудий был кетмень, орудие типа мотыги, весьма удобное и имевшее универсальное значение. Для вспашки земли употреблялась простейшего типа деревянная соха с железным лемехом, носившая на равнине название омач, а в таджикских горных районах — сипор. Для бороньбы употреблялась длинная доска, посредством двух тяжей прикреплявшаяся к ярму и носившая название молá, а также сплетенный из ветвей щит — чапар. Эти же два орудия применялись и при молотьбе. Другой способ вымолачивания зерна заключался в том, что по разбросанным на току снопам гоняли быков, которые своими копытами вымолачивали зерно. Для жатвы употреблялся железный серп — урок (в таджикских районах — дос) — с деревянной рукояткой. Для молотьбы и других работ употреблялись также деревянные вилы — панджшох — и деревянные же лопаты. В равнинных районах для перевозки зерна, соломы и навоза служила арба с большими колесами, а в горных районах арбы не знали и ее заменяли своеобразные сановолокуши, называвшиеся чигина́. Этим, собственно, почти и исчерпывалось все разнообразие сельскохозяйственных орудий, применявшихся в Бухарском ханстве.⁴²

³⁷ В. И. Масальский. Туркестанский край, стр. 427—428.

³⁸ Материалы по районированию Средней Азии..., стр. 37—39. — В последней главе настоящей работы мы коснемся этих материалов несколько подробнее.

³⁹ В. И. Масальский. Туркестанский край, стр. 434—435; Н. Стремоухов. Поездка в Бухару, стр. 673.

⁴⁰ Н. Стремоухов. Поездка в Бухару, стр. 673.

⁴¹ Там же.

⁴² См.: А. Шахназаров. Очерки сельского хозяйства в Туркестанском крае. СПб., 1898, стр. 52—56; А. Шинцов. Сарты, ч. 1. Сборник материалов для статистики

Число разводившихся в Бухарском ханстве земледельческих культур было достаточно велико, и их ассортимент разнообразился в зависимости от местности, природных условий, степени влияния рынка. Естественно, что наибольшего разнообразия земледельческие культуры достигали на равнине, где жаркий климат допускал произрастание культур, свойственных не только умеренному поясу, но и субтропической зоне. Напротив, в горах число культурных растений сводилось к минимуму. Так, например, в высокогорных областях из числа злаков культивировался лишь один ячмень, а также сеялись некоторые сорта бобовых растений.

Основной культурой в ханстве являлись злаки — пшеница, ячмень, рис, просо обыкновенное и итальянское, джугара (сорго) и макка-джугара (кукуруза). Первое место принадлежало бесспорно пшенице, которая, как и ячмень, разводилась и на поливных, и на богарных землях; посевы пшеницы поднимались высоко в горы, и только на значительных высотах, как уже указывалось, их место занимали посевы ячменя. Большое значение имели посевы риса, возможные только в низких, богатых водой местах. Широкое распространение имели бобовые, из числа которых культивировались горох, бобы, фасоль, чечевица, маш, нухуд, люби и чина. Из масличных культур выращивались кунжут (сезам), лен, конопля и некоторые другие растения. Посевы льна на волокно не практиковались, лен использовался исключительно для выделки масла.

Значение хлопка и количество посевов последнего все возрастали вместе с повышением спроса на хлопковое волокно, при этом местные сорта хлопка с нераскрывающейся коробочкой и грубым коротким волокном постепенно стали вытесняться американским хлопком.

Однако на темпы развития хлопководства влияли различные местные условия. Так, например, хлопководство на Зеравшане зависело от водоснабжения и потому больше всего было развито в Зияутдинском бекстве, выше других расположенном по Зеравшану и получавшем большее количество воды.⁴³ Препятствием для развития американского хлопка взамен местного являлось, между прочим, и то обстоятельство, что американские сорта широко раскрывают коробочки и волокно легко выдувается, в то время как сбор хлопка нельзя было начинать до осмотра урожая сборщиком податей.⁴⁴

Значительное место в севообороте занимали посевы люцерны, дававшей несколько укосов в год и обогащавшей почву перед посевами других культур.

Распространенные в обиходе огородные растения — морковь, лук, свекла, репа, красный перец, тыква — разводились в основном для нужд собственного хозяйства.

Климатические условия способствовали высокому развитию в ханстве садоводства. Фруктовый сад являлся неотъемлемой принадлежностью каждого хозяйства, как в селениях, так и в городах. Высококачественные сорта различных фруктов — абрикосов, яблок, груш, персиков, гранатов, вишней, ягод, айвы, а также различные сорта винограда почти повсеместно выращивались населением ханства. Следует упомянуть и бахчевые культуры — арбузы, дыни, а также насаждения грецкого ореха,

Сыр-Дарьинской области, вып. XI, Ташкент, 1904, стр. 205—213; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). Труды АН Тадж. ССР, т. XLIII, 1957, стр. 27—48.

⁴³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 245.

⁴⁴ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство. Известия РГО, т. LV, 1919—1923, вып. 2, стр. 38.

шелковицы, черешни, вишни. Продукты садоводства потреблялись не только в своем хозяйстве, но имели важное товарное значение.

Помимо фруктовых насаждений, в садах и на приусадебных участках выращивались декоративные деревья — пирамидальный тополь, платан (чинар), вяз, ива. Все эти деревья, при бедности края лесами, имели большое значение в хозяйстве в качестве поделочного строительного материала, а также и топлива.

Отметим, что наличие шелковичного дерева явилось необходимым условием развития в ханстве шелководства.

Несмотря на низкую культуру шелководства, последнее было распространено весьма широко, и вырабатываемый шелк, довольно невысокого качества, служил одним из основных видов сырья для кустарных текстильных промыслов.

Как уже указывалось, скотоводство в ханстве носило двоякий характер. У небольшой части населения, сохранявшей кочевой или полукочевой образ жизни, оно являлось основным занятием. Кочевники круглый год пасли стада лошадей, верблюдов, овец и коз, зимой кочуя на равнине, а летом подымаясь со скотом на горные пастбища, богатые хорошими и сочными травами.

В. В. Крестовский сообщает о кочевниках узбеках родов Каранайман и Сарай в окрестностях Джама (на северной окраине Кашкадарьинского оазиса), все богатство которых состоит исключительно из скота; главными статьями дохода этих кочевников были шерсть, войлок, выделка подпруг и переметных сум и продажа скота на убой; пределом богатства отдельных лиц являлось 2000 баранов.⁴⁵ Скотоводство, по словам современников, было сильно развито и в Гисарском крае, в подтверждение чего сообщается, что с одних баранов там ежегодно собиралось до 250 тысяч таньга (около 50 000 рублей) налога; край славился также своими лошадьми, особенно у узбеков-локайцев.⁴⁶ В долине Сурхандарьи, в Денаусском и Юрчинском бекствах скотоводство также было высоко развито; больше всего разводили овец, в меньшем количестве коз, рогатый скот и лошадей; в Байсунском бекстве разводили главным образом овец и коз, в Ширабадском бекстве — овец и верблюдов; везде в этих районах имелся избыток скота, который угоняли на продажу.⁴⁷

Приведенные свидетельства относятся к 80-м годам XIX в. Но и для более позднего времени (второе десятилетие XX в.) исследователи отмечают широкое развитие скотоводства. По словам М. А. Варыгина, в Кулябском бекстве благодаря обильным пастбищам развито скотоводство, которым занимаются исключительно кочевники: «Стада баранов бродят по горам, поднимаясь до снежных полей и уходя за пределы бекства, в Бальджуан и Дарваз; здесь же находятся косяки эмирских лошадей, состоящие в ведении беков; казии, ишаны и вообще богатый люд также являются обладателями большого количества скота, в чем здесь и выражается зажиточность жителя: „у такого-то столько голов разного скота“».⁴⁸

У оседлого населения скотоводство являлось подсобной отраслью хозяйства по сравнению с земледелием. Население разводило лошадей,

⁴⁵ В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира. СПб., 1887, стр. 86.

⁴⁶ Кап. Лилленталь. Гиссарское и Кабадианское бекства, стр. 318.

⁴⁷ Подполк. Галкин. Военно-статистический очерк Средней и Южной частей Сурханской долины. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 57, 1894, стр. 375—376.

⁴⁸ М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства. Известия РГО, т. LII, 1916, вып. 10, стр. 778.

ослов и в небольшом количестве верблюдов в качестве транспортных животных, молочный скот — коров и коз. Рабочим скотом повсеместно являлись волы, с помощью которых производились все земледельческие работы. Для получения мяса и шерсти в большом количестве разводилась овца, особенно славилась так называемая гисарская овца, больших размеров и имевшая крупный сальный курдюк, и каракульская овца, дающая ценные шкурки новорожденных ягнят. Побольше скота старались держать в целях получения более значительного количества навоза.

Однако и в оседлом хозяйстве скотоводство носило отсталый характер. На зиму, как правило, заготавливалась в качестве корма лишь люцерна, в основном для лошадей, прочий же скот кормили соломой или выпасали в местах, где не было снега вблизи селений. Трав на зиму заготавливали мало. Летом скот отгоняли на горные пастбища, если селения находилось вблизи гор; крупные скотопромышленники иногда посылали своих овец на высокогорные пастбища за много десятков, а иногда и сотню километров.

В Бухарском ханстве фабрично-заводской промышленности не существовало, если не считать нескольких хлопкоочистительных заводов (до 15 в последние годы существования ханства), а также мелких винокуренных заводов, маслобойного завода в Керках и двух мукомольных мельниц. Все остальные предприятия были крайне мелкими и представляли собой по существу кустарные мастерские по переработке местного сырья. Из числа ископаемых богатств кустарными способами разрабатывали золото, железо, серу и соль в крайне незначительных размерах.⁴⁹ Отдельные предприятия, которые пытались организовать в ханстве представители русского и иностранного капитала в самом конце XIX и в начале XX в., сколько-нибудь заметного влияния на экономику края не имели.

Кустарные промыслы в Бухарском ханстве были широко развиты с незапамятных времен и сохранили в целом свое значение вплоть до последнего времени существования ханства. Следует при этом отметить, что кустарные промыслы были развиты не только в городах и селениях среди оседлого населения, но также и среди кочевников. Обмен продуктами и кустарными изделиями как в Бухарском ханстве, так и в других областях Средней Азии между оседлым населением и кочевниками установился очень давно и составлял специфику хозяйственной жизни Средней Азии.

Среди кочевников особенно было распространено изготовление различных изделий из кожи и шерсти — войлоков, шерстяной одежды, мешков, переметных сум, веревок, наконец, ковров, кожаных бурдюков и т. п.

У оседлого населения одно из первых мест занимало производство различного вида и качества материй из хлопчатой бумаги, а также шелка; очень распространены были полупшелковые ткани; вспомогательными отраслями этого производства являлись приготовление пряжи и окраска тканей. Следует отметить еще вышивку, главным образом разноцветными шелками по бумажной ткани, а также набойку — на материю, обычно невысокого качества, набивался узорный орнамент при помощи особых штампов. Производство тканей было распространено повсеместно в ханстве, но особенно славилась этим производством район Бухары, район Карши, а также Гисар. Однако и ряд других районов был известен

⁴⁹ Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 1, стр. 265 и след.

своими тканями. Так, например, М. А. Варыгин пишет: «Кулябский полушелк, выработанный кустарным способом для халатов, считается первым по доброте, он превосходит гиссарский».⁵⁰

В горных районах Восточной Бухары среди оседлого населения было развито производство шерстяной ткани для халатов и штанов, вязание цветных шерстяных чулок и других изделий из шерсти.

Кустарное керамическое производство было распространено повсеместно в ханстве. В городах и ряде больших селений существовали кустарные гончарные мастерские, где глиняные изделия производились при помощи гончарного круга; изготовлялись изделия из простой глины, как глазурованные, так и неглазурованные, а также фаянсовые изделия с глазурной росписью. Еще в середине XIX в. бухарские мастера изготовляли высококачественные художественные изделия, но затем наблюдается упадок керамического ремесла, что было связано с появлением в крае фабричной посуды русского производства. Развито было также производство глиняных печей для выпечки хлеба и обожженного кирпича для строительства жилищ. В глухих горных районах было распространено производство грубой глиняной посуды, изготовлявшейся вручную, без гончарного круга.

Кожевенное производство удовлетворяло потребности населения в обуви, шубах, кожаных шароварах, шапках, сбруе и других предметах обихода. Дубление кожи производилось местным примитивным способом. Удовлетворению спроса населения в предметах обихода служило и деревообделочное производство; кустари деревообделочники изготовляли деревянные части юрт, арбы, седла, детские колыбели, сундуки, гребни, деревянные блюда, чашки и т. п. В Бухарском ханстве высокого мастерства достигла резьба по дереву, которой покрывались двери, столбы и другие части жилища, а также различные бытовые предметы.

Обработка металлов составляла целый ряд производств; существовали кузнецы, производившие гвозди, подковы, лемехи для сох, кетмени, топоры и т. п.; медники, изготовлявшие главным образом посуду, — особенно славилась своими медниками Бухара и Карши; оружейные мастера производили холодное и огнестрельное оружие, — производством клинков и ножей был известен Гисар; наконец, весьма распространено было ювелирное производство — изготовлялись главным образом изделия из серебра, причем наилучшие ювелирные изделия производились в городе Бухаре.

Существовал ряд других кустарных ремесел и промыслов, например, производство свечей, мыла, крупорушек, мукомольных мельниц, толчей для очистки риса, установок для выжимки растительного масла и др.

Все упомянутые кустарные производства полностью удовлетворяли потребности местного населения, однако с течением времени, особенно после завоевания Туркестана русскими, в ханство все в большем количестве начинают проникать фабрично-заводские товары, в первую очередь текстильные изделия (русские ситцы и другие материалы), а также посуда, железные орудия и другие предметы обихода.

В первую очередь привозные фабрично-заводские изделия проникали в города и в селения на равнины, в то время как в наиболее глухих и удаленных уголках ханства, как например в Восточной Бухаре, местная кустарная продукция еще почти не встречала конкурента в привозных товарах.

⁵⁰ М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства, стр. 779.

Тем не менее в целом торговля в Бухарском ханстве, как внутренняя, так и внешняя — с иностранными государствами, была весьма оживленной. Многие исследователи и путешественники второй половины XIX в., говоря о торговле в ханстве, подчеркивают значение таких торговых центров, как Бухара, Карши и Гузар. Галкин отмечает, что Бухара и Карши являлись центрами оптовой торговли привозными и вывозными товарами, торговли с Россией, Индией, Афганистаном и Персией; годовой оборот торговли ханства, по его словам, составлял до 32 млн рублей, причем ввоз несколько превышал вывоз; первое место в торговле с Бухарой принадлежало России, второе Индии; русские купцы уплачивали в два раза меньшую пошлину, чем купцы других государств, что безусловно содействовало успеху русской торговли в Бухаре.⁵¹ По словам Шубинского, предметами вывоза из Бухары являлись хлопок, шелк, сухие плоды, рис, кубовая краска, бязи, бирюза низших сортов, мерлушки, меха, ковры и кошмы; из России ввозились ситец, шелковые материи, сукна, парча, кожа, чугун, железо, бакалейные товары, предметы роскоши, из Афганистана и Индии — шали, индийская кисея, парча, лекарственные вещества, кубовая краска и индийские варенья, из Персии — шали, английские ситцы, коленкор, кисея, из Кашгара шли фарфор, чай, китайские шелковые материи.⁵²

Весьма развита была и внутренняя торговля. И. Бекчурин и А. Кун для 70-х годов сообщают о торговле Шахрисябзского края с Бухарой (а также отчасти с соседним Самаркандом, входившим уже в русские владения): ввозили в Шахрисябз чай, сахар, различные мануфактурные товары, как бухарские, так и русские, железные и москательные товары; вывозили много рису, фрукты, хлебные продукты, шелк-сырец, шерстяную материю, изготовлявшуюся кочевниками.⁵³

Об оживленной торговле даже в отдаленных бекствах в начале XX в. также свидетельствуют различные путешественники. Так, Р. Ю. Рожевич говорит о большом базаре в Бальджуане, который славился изделиями из тисненой кожи и железными посеребренными изделиями; этот же исследователь говорит о массе скупщиков-ростовщиков, привозящих в край различные товары, которые они обменивают на пшеницу, шкуры и скот у местного населения, закабалия последнее и превращая множество бедного люда в своих неоплатных должников.⁵⁴ М. А. Варыгин рассказывает о базарах Куляба и крупных селений Кулябского бекства; в обычные дни торговля на этих базарах невелика, но в базарные дни она очень оживляется, особенно много продается скота, для торговли которым построен скотопригонный двор и караван-сараи.⁵⁵ П. Гаевский отмечает, что из Кургантюбинского бекства вывозится хлеб, хлопок, каракулевые шкурки и фисташка.⁵⁶

В. В. Бартольд ссылается на Гейгера, говорившего о десятках тысяч пудов льна, доставлявшихся на маслобойные заводы Каршей из восточных бекств ханства. Карши вообще славились как центр привоза земле-

⁵¹ А. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства, стр. 194—195.

⁵² П. Шубинский. Очерки Бухары, стр. 380—386.

⁵³ И. Бекчурин. Шахрисябзское владение. Материалы для статистики Туркестанского края, Пб., 1873, стр. 87; А. Кун. Очерки Шахрисябзского бекства. Записки РГО по отделению этнографии, т. VI, 1880, стр. 229—230.

⁵⁴ Р. Ю. Рожевич. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г. Известия РГО, т. XLIV, 1908, вып. 9, стр. 624—625.

⁵⁵ М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства, стр. 774—777.

⁵⁶ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 55—56.

дельческих продуктов, тогда как Гузар являлся центром торговли скотом.⁵⁷

Базары в городах и крупных селениях обычно устраивались не каждый день, а раз или два в неделю, в определенные дни, причем в соседних пунктах базарные дни обычно чередовались, что позволяло разъездным торговцам объезжать базары один за другим.

Интенсивность внутреннего торгового обмена в ханстве была результатом далеко зашедшего разделения труда, что в свою очередь объяснялось значительным разнообразием природных условий. Такое разнообразие обуславливало различную специализацию отдельных районов по земледельческим культурам, соприкосновение кочевников с оседлым населением, обменивавшихся производимыми продуктами, специализацию ремесла по отдельным городам и селениям, вызванную наличием соответствующего сырья, близостью к рынкам, а также веками сложившимися традициями и навыками.

⁵⁷ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 245, 246—249.

Глава вторая

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

1. Классы и сословия бухарского общества

Эмиры бухарские выдвинулись из среды родовой знати узбекского племени мангыт. Узбекская родовая знать по существу и явилась основной, ядром господствующего феодального класса Бухарского ханства. При этом, поскольку узбеки еще в XVIII и даже в XIX в. сохраняли свое родо-племенное деление и родо-племенные традиции, основная борьба среди господствующего класса принимала характер межплеменной борьбы. Так, например, веками тянувшаяся борьба между мангытами и шахрисябзским племенем кенегес являлась по существу борьбой за господство в ханстве между племенной знатью обеих названных групп и закончилась победой мангытов. Характер этой борьбы мало изменился от того, что узбекские племена на протяжении четырех столетий своего пребывания в Средней Азии постепенно оседали на землю и фактически превратились из скотоводов-кочевников в оседлых земледельцев.

П. П. Иванов, анализируя социально-экономические отношения в Бухарском ханстве в 20-е годы XIX в., отмечает, что «фактическими распорядителями общинно-родового имущества являлись особые представители родовой знати, носившие звание биев (или беков), обычно передававшееся по наследству»; далее, характеризуя борьбу за власть и влияние, П. П. Иванов пишет: «В период, когда центральная власть колебалась, бии крупных узбекских родов достигали значительной степени самостоятельности и даже полной независимости в пределах своего рода. По этой причине центральное правительство стремилось приблизить к себе наиболее влиятельных биев, а когда это не удавалось, то противопоставить им кого-либо из своих сторонников».¹ Несколько далее тот же автор прямо называет узбекскую военно-феодальную аристократию господствующим классом Бухарского ханства.²

Все вышеизложенное дало основание Н. В. Ханыкову при рассмотрении сословий в ханстве выделить сословие ругдар, или уругдар, в качестве высшего сословия; этот автор пишет, что к нему «относятся все узбеки и вообще, как показывает их имя, имеющие род, т. е. предков, ознаменовавших себя постоянной службой и усердием бухарским ханам».³ Термин «ругдар» мы встречаем в литературе и позднее, а именно у В. В. Крестовского,⁴ хотя вероятнее всего, что этот автор свои рассуждения о бухарских сословиях заимствовал у Н. В. Ханыкова; В. В. Крестовский при этом употребляет выражение «родовитые узбеки», что

¹ П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков..., стр. 24.

² Там же, стр. 33.

³ Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 182.

⁴ В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 108 и примеч. к стр. 285—286.

в данной ситуации имеет как бы двойкий смысл и может быть понято и как определенная группа населения, среди которой еще сохранилось родо-племенное деление, и как родовитость в смысле знатности и государственных заслуг предков.

Можно предположить, что если в более ранние времена все узбеки противопоставлялись не-узбекам как люди, не утратившие еще родо-племенного деления, то постепенно это социальное качество «родовитости», вместе со всеми привилегиями и социальными преимуществами, стало признаваться лишь за представителями узбекской родо-племенной знати.

Н. В. Ханыков, а вслед за ним и В. В. Крестовский отмечали, что сословию уругдар (ругдар) противопоставляются все таджики, персы, а также освобожденные рабы и вообще люди низкого происхождения.⁵ Другими словами можно сказать, что узбекам, сохранявшим родо-племенное деление, в середине XIX в. в Бухаре противопоставлялось население других национальностей, не имевшее родо-племенного деления.

Таким образом, узбекская родо-племенная знать составляла основу господствующего класса феодального общества в Бухарском ханстве, — как мы увидим далее, класса, эксплуатирующего непосредственного производителя. Однако с течением времени состав этого класса стал изменяться. Процесс этот шел по линии пополнения высших слоев общества государственными должностными лицами, государственными чиновниками, выходцами не из узбекской родо-племенной аристократии, а из перодовитой части населения, нередко даже из рабов-персов. Этот процесс начался, по-видимому, уже давно. Во всяком случае, уже для 20-х годов XIX в. П. П. Иванов отмечает, что «система внутривидовых взаимоотношений в рассматриваемое время существует параллельно с той официальной системой эксплуатации и угнетения, которая была представлена центральным эмирским аппаратом и его агентурой на местах. Родовая верхушка в официальном бухарском аппарате была представлена в общем довольно слабо, в связи с тем недоверием, какое испытывала по отношению к ней эмирская власть. В массе представители эмира состояли из посторонних роду людей...».⁶ Если проникновение представителей перодовитых слоев в органы власти наблюдалось уже в первой половине XIX в., то оно безусловно должно было усиливаться во второй его половине, а еще более в последние годы существования ханства. А. А. Семенов хотя и отмечает, что первенствующее положение в государственном аппарате занимали узбеки, а таджикам за редким исключением доступ к правительственным должностям был закрыт,⁷ в другом месте той же работы говорит, что «кадры бухарского чиновничества формировались главным образом из среды интеллигенции (узбеков, таджиков, арабов и др.)» и что специальными поставщиками кадров для центрального аппарата ханства были, с одной стороны, родовитые духовные представители, принадлежавшие к группе джуйбарских ходжей, а с другой стороны, как это ни странно, рабы-персы, которые покупались эмирами и за свои качества и заслуги достигали различных чинов и званий, даже не будучи юридически освобожденными от рабства.⁸

⁵ Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 182; В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 285—286, примеч.

⁶ П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков..., стр. 26.

⁷ А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, Труды АН Тадж. ССР, т. XXV, 1954, стр. 14.

⁸ Там же, стр. 66—67.

Все вышеизложенное дало возможность А. А. Семенову игнорировать деление, приводимое Н. В. Ханыковым, и говорить, что правящий класс в последнее время существования ханства делится на должностных лиц светского звания — амальдор и духовных — улямо.⁹

Прежде чем перейти к характеристике обеих групп правящего класса, как духовной, так и светской, остановимся на характеристике главы государства — эмира бухарского. В Бухаре этот титул утвердился за верховными повелителями со времен прихода к власти последней правящей династии Мангытов, в то время как до этого бухарские владыки носили титул «хан». Бухарских эмиров обычно титуловали «джаноби оли» (высочайший господин) или «хазрати амир» (святейший эмир). Поскольку эмиры бухарские возводили свою родословную к самому пророку Мухаммеду (знатные люди на мусульманском Востоке стремились жениться на девушках из потомков пророка, причем родство таких лиц с пророком в ряде случаев трудно было доказать), то они прибавляли к своему титулу также эпитет «сейид», который обычно ставился в начале титула.¹⁰

П. Шубинский называет эмира главой ханства, который был, однако, ограничен каноническим мусульманским правом — Кораном и шариатом.¹¹ Однако А. А. Семенов утверждает, что эмиру принадлежала неограниченная власть.¹² По словам очевидцев, эмир был окружен пышностью и униженным почитанием его особы, что свойственно восточным деспотам. В присутствии эмира никто не имел права садиться, входящие должны были приближаться к эмиру чуть ли не ползком и удаляться, пятясь задом, чтобы находиться к нему все время лицом, а не поворачиваться спиной. Весьма любопытным является описание церемоний у эмира бухарского В. В. Крестовским в цитированной выше книге «В гостях у бухарского эмира».¹³

Являясь владыкой деспотического государства, эмир бухарский в то же время был и одним из богатейших людей в нем. Как увидим далее, казна эмира не была отделена от государственной казны и поэтому он мог безгранично и бесконтрольно распоряжаться огромными ценностями, поступавшими в виде налогов, крупных торговых и прочих сборов. Отсутствие у эмира крупных личных земельных владений (размеры владений эмира далеко уступали «Мургабскому государеву имению», на что указывали В. И. Масальский и — со ссылкой на него — В. В. Бартольд)¹⁴ объясняется, конечно, спецификой земельных отношений в Средней Азии и, в частности, в Бухаре и отнюдь не говорит о том, что

⁹ Там же, стр. 59.

¹⁰ Там же, стр. 20.

¹¹ П. Шубинский. Очерки Бухары, стр. 125.

¹² А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 21.

¹³ См. также описание А. А. Семеновым выезда эмира Абдулахада в 1902 г. из Старого Чарджуя к железнодорожной станции, когда за коляской эмира и около нее бежали все высшие сановники ханства, а толпившийся вдоль дороги народ при приближении коляски эмира падал ниц; тем же автором описан прием в Зияуддине эмиром некоторых правителей областей в 1907 г., сопровождавшийся столь же удивительными церемониями (Очерк устройства..., стр. 21—23). Один из наших информаторов (Хабибулло Нурджанов), лично видевший выезд эмира, рассказал следующее. Впереди эмирского поезда шел джарчи, за ним саломогасы, возвещавший о появлении эмира, по сторонам эмира шли два удайчи с золотыми палками и два пагаула — с серебряными, а также шесть шотир, которые собирали подаваемые жалобы и прошения — араз. Шотиры были одеты в дорогие халаты, перетянутые поясами с колокольчиками; на голове у них были нарядные шапки, на ногах — афганские туфли. За эмиром шли музыканты и солдаты, следом вели семь лошадей в роскошной упряжи с золочеными шарами на хвостах.

¹⁴ В. И. Масальский. Туркестанский край, стр. 420; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 247.

эмира бухарского нельзя рассматривать как крупнейшего феодала-земле-владельца. В. В. Бартольд подчеркивает, что эмир являлся одним из крупных промышленников своего государства, владельцем нескольких хлопкоочистительных заводов, на которые население вынуждено было сдавать хлопок по значительно пониженным ценам. Эмир также скупал каракуль и ежегодно отправлял его в Москву на 15 млн рублей.¹⁵

В Бухарском ханстве принадлежность к правящему классу, как правило, была связана с определенным чином, присваиваемым эмиром или — в отношении мелких чинов — его наместниками в провинциях. Все сословие лиц, имевших чины, носило название сипо, а лицо, имевшее тот или иной чин, называлось амальдор. Первоначально, по-видимому, термин «сипо» обозначал собственно военных, свидетельствуя о том, что и чины имели скорее всего характер военных званий. «Амальдор» буквально означает «имеющий амаль», а это последнее слово переводится как «дело», «действие», «практика» или же «служба».

Относительно чинов в Бухарском ханстве сообщает еще Н. В. Ханьков. Он пишет, что различным чинам были присвоены знаки отличия, каковыми являлись ярлыки, посохи, ножи, сабли, топоры, бармы, латы, шлем, знамя, бунчук, литавры. Чины, по словам Н. В. Ханькова, давались служащим в войске или при самом эмире. Первым военным чином является аляман, или простой солдат; из рядов свиты эмира производят в дях-баши или пияджа-баши (т. е. в десятские и пятидесятские). Затем следуют собственно чины, которые даются по ярлыкам, а именно: чури-агасы, мирза-баши, инбочи, караул-беги, мирахур, ишик-агасы, чагатай-беги, туг-соба, додха, инак, первоначи, диван-беги, аталык.¹⁶

В. Л. Вяткин, изучавший бухарские документы 20-х годов, также называет некоторые из чинов, приводимых Ханьковым; так, у него мы встречаем чины: джебачи, чухра-агасы, мирахур; он указывает, что производство чаще всего шло в таком порядке: караул-беги, мирахур, токсаба, дадха, инак, перваначи, диван-беги. При этом автор отмечает, что из документов трудно уловить, насколько простых солдат (нукеров) удерживала на службе возможность повышения, так как знатные люди сразу награждались высокими чинами и так как фактически должность не была связана с чином и в ряде случаев старшие чины служили под командой младших чинов. В. Л. Вяткин прибавляет, что все перечисленные чины, за исключением диван-беги, считались командными.¹⁷

В. В. Крестовский также рассматривает бухарские чины в основном как военные. Он пишет, например, что дахта есть военный чин, соответствующий генерал-майору, а чин бия равняется бригадиру. В. В. Крестовский добавляет, что все чины, начиная с мирахура и выше, могут въезжать в ограду эмирского дворца верхом, в то время как все нижестоящие чины обязаны сходить с лошадей и входить пешком.¹⁸

О бухарских чинах в отдаленных от Бухары бекствах сообщают П. Гаевский и М. А. Варыгин. Первый также приравнивает бухарские чины к русским военным чинам, а именно чин тохсаба к чину подпол-

¹⁵ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 247.

¹⁶ Н. В. Ханьков. Описание Бухарского ханства, стр. 183—185. (Здесь и ниже наименования чинов даны в транскрипции приводящих их авторов).

¹⁷ В. Л. Вяткин. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов. Известия Среднеазиатского отдела РГО, т. XVIII, Ташкент, 1928, стр. 17—20.

¹⁸ В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 100, примеч.

ковника, а чин дахта к чину генерал-майора. Он указывает, что в бекстве имелись чиновники в чинах чарагасы, джевахи, мирза-баши, караул-беги, мирахура, токсаба и что более высоких чинов в бекстве нет; в военной и гражданской службах чины в общем одинаковы.¹⁹ М. А. Варыгин сообщает, что у кулябского бека при его дворе было несколько мирахуров, караул-беги, джевахи и прочих чиновников. Автор прибавляет, что в Бухаре чины даются не за образование и не за службу, а за принадлежность к известному роду или за родство с важным лицом; даются они эмиром правительственным чиновникам при указе, беки же раздают чины до караул-беги включительно на месте за деньги.²⁰

Из приведенных выше свидетельств о чинах в Бухаре уже до некоторой степени можно вывести заключение, что чины эти не были тесно связаны с какими-либо должностями. А. А. Семенов, большой знаток бухарского быта и бухарских порядков, пишет об этом с полной категоричностью. «В Бухаре новейшего времени, — говорит он, — происходила та же самая эволюция с должностями и чинами, что и в бывшей Российской империи XIX—XX столетий, где чины отнюдь не были связаны с определенными должностями».²¹ Другими словами, как нам представляется, не будет ошибкой утверждать, что бухарские чины следует рассматривать как определенную привилегию, которая давала носителю чина или чиновнику различные права и выгоды и в то же время почти не связывала его какими-либо обязанностями. По-видимому, лица, занимавшие те или другие должности, обычно получали и чины, но наличие того или другого чина не было связано с необходимостью исполнять какую-либо должность.

А. А. Семенов приводит следующие данные относительно бухарских чинов последнего времени. Всего было 15 чинов светского (гражданского) звания, или так называемых амальдоров. Первый из них — бахадур; второй — чихра-окоси, или чухра-око-баши (начальник придворных пажей; по словам автора, лица в этом чине в последнее время не имели определенной должности); третий — мирзо-боши (лица в этом чине исполняли различные незначительные обязанности); четвертый — джибачи, или дживачи (латник); пятый — кароул-беги (начальник караула); шестой — мир-и-охур, или мирохур (начальник конюшни); седьмой — туксоба (начальник войскового подразделения, имеющего свое знамя — тук); восьмой — ишик-око-боши (главный хранитель высокого порога); девятый — бий; десятый — додхо (радеющий о правосудии); одиннадцатый — инбк (очень близкое к властителю страны лицо); двенадцатый — парвоначи (выдающий писанный царский указ); тринадцатый — девон-беги (начальник дивана, или заведующий финансовыми делами); четырнадцатый — кулл-и куш-беги; пятнадцатый — оталик (заступающий место отца).

Первые восемь чинов имели титул муборазат-панох, т. е. «убежище войны», следующие пять — иморат-панох, т. е. «убежище начальствования» (их получали правители областей — беки или миры), последние два — титул вазорат-панох, т. е. «убежище министерской власти».

Далее А. А. Семенов сообщает, что возводившееся в той или иной чин лицо получало при этом жалованное платье — сарупо, а также через парвоначи получало от эмира особый указ — ярлик, написанный на лощеной кокандской бумаге; этот указ вставлялся в чалму пожалованному

¹⁹ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 59—61.

²⁰ М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства, стр. 796.

²¹ А. А. Семенов. Очерки устройства..., стр. 64.

лицу, и тот должен был три дня ходить с воткнутым в чалму указом, чтобы все это видели и знали.

Сведения о бухарских чинах записаны нами от информатора Кори Олима,²² много лет работавшего в бухарских канцеляриях, в частности в канцелярии бухарского главного судьи. По его словам, в ханстве различали гражданские чины — мансаби паукари и военные чины — мансаби аскари. При этом военных чинов было меньше и почти все лица, носившие их, имели также один из соответствующих светских чинов. Он назвал следующие гражданские чины: 1) чехраокасы, 2) мирзобоши, 3) джевачи, 4) караулбеги, 5) мирахур, 6) токсаба, 7) ишикагабоши, 8) бий, 9) додхо, 10) инók, 11) парвоначи, 12) диванбеги, 13) кушбеги. Первые семь из них имели титул муборазат-панох, с восьмого по двенадцатый — иморат-панох, а тринадцатый носил титул вазорат-панох. Как видим, названия чинов и порядок их совпадают с приведенными у А. А. Семенова, за исключением самого низкого из них — бахадура и самого высокого — аталыка. Не причисляя последнего к бухарским чинам, Кори Олим упомянул его в той связи, что это почетное звание могло быть присвоено только узбеку из родо-племенной знати, и то в случае, если его отец, дед и прадед были беками (хаким), в то время как чина кушбеги мог достигнуть простой раб-иранец.

По словам Кори Олима, военных чинов было пять: дахбоши, чехраокасы, юзбоши, саркарда и лашкарбоши; юзбоши обычно имел также светский чин караулбеги или мирахура, а саркарда мог быть в чине токсаба, ишикагабоши или бия.

Повсеместно в бухарском ханстве лицам, имеющим чины, предоставлялось особое право кормления за счет трудящегося крестьянства, что носило название танхо. Бухарское чиновничество было неразрывно связано с пожалованием танхо, которое являлось его социальной привилегией. Здесь мы не будем касаться вопроса о взаимоотношениях феодала с крестьянином, отданным ему в танхо, о формах и степени эксплуатации непосредственного производителя, что является предметом рассмотрения в других разделах этой работы.

По сообщению Кори Олима, танхо получали гражданские чиновники, в то время как лица, имевшие военные чины, получали жалование или денежное вознаграждение — олик. Однако бесспорно, что военные, особенно высшие, получая, как указывалось, и гражданские чины, имели также и танхо.

Духовенство в Бухарском ханстве представляло собой весьма многочисленный и влиятельный класс, оно вместе со светскими феодалами эксплуатировало трудовое население. Духовенство весьма часто происходило из привилегированных групп — так называемых сейидов, ходжей и миров (о них см. ниже), многие представители этих групп являлись потомственными улемами, т. е. мусульманскими учеными, знатоками шариата, мусульманского права, и поэтому замещали в государстве должности судей, толкователей закона, преподавателей и т. п.

Духовенство, исправлявшее те или другие обязанности и объединявшееся под общим названием уламо, получало духовное звание или чины. Н. В. Ханьков для 40-х годов прошлого столетия называет большое количество духовных чинов, при этом некоторые из них, по его словам, давались только ходжам, а некоторые простым людям; однако этот автор

²² Записано в Гиждуване в 1959 г.

в числе духовных чинов упоминает и такие, как муфти, кази и другие, которые на самом деле являлись не чинами, а должностями.²³

Официально в ханстве было три духовных звания или чина — урок, судур и садр.²⁴ По словам нашего информатора Кори Олима, мулла, кончивший духовную школу — медресе, мог получить должность кази (судьи) или райса (см. ниже); после нескольких лет пребывания в должности ему жаловали чин урока, затем судура и даже садра. Лицо, имевшее последнее, самое высшее духовное звание, могло занимать высокие духовные должности — такие, как кази калон, муфти-аълам, ахун (о них см. ниже).

Указанные выше духовные чины наряду со светскими феодалами-чиновниками получали танхо.

А. А. Семенов указывает, что к сейидам относились потомки Мухаммеда; так как они происходили от двух внуков пророка — Хасана и Хусейна, то прибавляли к своему имени слова «хусейни» или «хасани» и титуловались сиёдат-панох, т. е. «убежище сейидского достоинства». Ходжами назывались потомки первых арабских завоевателей, мирами же назывались потомки первых трех преемников пророка — Абу-Бекра, Омара и Османа, при этом титул «мир» ставился перед именем лица; как миры, так и ходжи назывались исолат-панох — «убежище благородного происхождения».²⁵

Характеризуя ходжей, А. А. Семенов сообщает следующее: «Сплоченную и довольно замкнутую группу составляли ходжи, потомки арабских завоевателей привилегированного положения, которые не выдавали в жены местному населению своих женщин, но сами свободно брали таковых у всех местных мусульман. Ходжи иногда образовывали целые селения; к ним принадлежали многие дервишские общины и их ишаны; ходжи встречались среди духовенства, представителей чиновного и коммерческого люда».²⁶ С. Айни, описывая бухарский кишлак Соктаре, указывает, что там было много ходжей (ходжагон), которые делились на 4 группы.²⁷

Большую силу представляли также разнообразные дервишские ордена с возглавлявшими их ишанами, которые сами сплошь и рядом являлись крупными феодалами, владели земельными угодьями и имели в своих руках многочисленные танхо. Примером такого крупного и влиятельного ишана может служить описанный нами в специальной работе ишан Султан.²⁸ Этот ишан, проживавший в долине Хингоу (Восточная Бухара), имел чин судура и многочисленные танхо; он являлся потомственным ишаном, унаследовав ишанство от отца и деда.

Относительно силы и влияния духовенства в Бухаре А. А. Семенов пишет, что духовенство часто заставляло эмира изменять то или иное решение, заявляя свой протест, что, естественно, ставило эмира в неприятное положение. Эмиры пытались в ряде случаев игнорировать влияние духовенства, но такие попытки всегда оканчивались для них неудачно. Автор сообщает, что особенно крупные разногласия с духовенством были у эмира Абдулахада, который последние 13 лет своей жизни

²³ Н. В. Ханьков. Описание Бухарского ханства, стр. 189—193.

²⁴ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 59—61; см. также: В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 108.

²⁵ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 64—65.

²⁶ Там же, стр. 14.

²⁷ Садриддин Айни. Воспоминания. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 11—12.

²⁸ Н. А. Кисляков. Ишан-феодал Восточной Бухары. Труды Таджикистанской базы АН СССР, т. IX, 1940, М.—Л., стр. 3—27.

не жил в Бухаре, так как поклялся, что ноги его не будет в городе с таким беспокойным и властолюбивым духовенством. Для осуществления своих целей духовенство использовало настроение студентов многочисленных медресе Бухары, настойчивые требования которых нередко решали участь высокопоставленных лиц. Бухарское студенчество разделялось на две группы — талабаи тумани (уроженцы Бухары и ее округов) и талабаи кухистони (уроженцы горных, восточных областей ханства), между которыми нередко возникали споры, причем каждая группа выдвигала своих кандидатов на тот или иной пост в государстве, и эмирское правительство вынуждено было с этими требованиями считаться.²⁹

В. В. Крестовский пишет, что духовенство (муллы), к которому могли принадлежать люди всех сословий в силу полученного ими образования, стоит в обществе совершенно отдельно и самостоятельно.³⁰

Вполне естественно, что в таком теократическом мусульманском государстве, каким являлась Бухара, студенчество, т. е. учащиеся высших духовных школ (медресе), было весьма многочисленно. Большое количество учащихся медресе было не только в Бухаре, но также и в других городах и даже крупных селениях ханства. Однако нельзя сказать, что учащиеся медресе составляли какую-либо привилегированную группу. Не касаясь здесь подробно вопроса о школе в Бухаре, укажем лишь, что в медресе попадали молодые люди из различных слоев общества, многие из них в продолжение всего периода обучения сильно нуждались и жили впроголодь, а по окончании обучения вынуждены были довольствоваться местом школьного учителя или писца.³¹

Если бухарские чиновники-феодалы вместе с высшим духовенством, также имевшим, как мы видели, чины, могут быть отнесены к правящему, эксплуататорскому классу бухарского общества, то низшее духовенство, как и учащиеся медресе, составляли в Бухаре своего рода интеллигенцию, т. е. промежуточную социальную прослойку общества.

Кроме низшего духовенства и студенчества, к бухарской интеллигенции можно отнести различных писцов-секретарей, так называемых мирзо, которые выполняли канцелярскую работу при дворе эмира, беков, амлоков и других административно-должностных лиц.

К промежуточной социальной группе нужно отнести также и многочисленных в Бухаре наукари кишлак. Наукарами, или кишлачными наукарами, назывались лица, исполнявшие различные мелкие поручения при эмире и феодалах — в качестве чинов личной охраны, курьеров, посыльных, служащих при дворе и т. п. Эти лица, получая за свою службу очень незначительное вознаграждение или же случайные подачки, пользовались тем преимуществом, что не должны были платить налогов со своего хозяйства и со своей земли.

Такой же льготой пользовались так называемые тархун и дуогу; самый термин «тархун» вообще означает лицо, пользующееся льготой, не несущее повинностей. Тархунами были различные мастера, оказывавшие услуги как односельчанам, так и феодалам, лица, так или иначе выдвинувшиеся из простолюдинов. Термин «дуогу» применялся обычно к низшему духовенству и обозначал собственно «произносящий молитвы».

Особо следует выделить торговое сословие, а также нарождавшийся в недрах крестьянства новый социальный класс, уже капиталистической

²⁹ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 67—68.

³⁰ В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 285—286, примеч.

³¹ Богатейшие сведения о медресе дают «Воспоминания» С. Айни.

формации, — кулачество, или байство. Последнее, равно как и торговое сословие, безусловно по своей природе принадлежало к группе эксплуататоров, однако эта группа стояла особняком, поскольку она не принадлежала к господствующему классу феодального общества и не пользовалась его привилегиями. Баи, равно как и торговцы, нередко являлись тархунами и на этом основании пользовались льготами, т. е. были освобождены от налогов со своего хозяйства, хотя и должны были выплачивать налоги за торговлю (см. ниже).

А. А. Семенов пишет, что купцы, ремесленники и представители прочих сословий при обращениях к ним именовались *иззатджох* — «достопочтенный» и еще при эмире Музаффаре отличались друг от друга некоторыми особенностями одежды.³²

Среди массы сельского населения мы встречаем и некоторые другие привилегированные группы. Так, например, М. А. Варыгин сообщает, что в Кулябском бекстве проживает большое количество выходцев из Бадахшана, так называемых *ша*, которые пользуются значительными льготами и по существу никаких налогов не платят, за исключением не большого сбора с каждого двора. «Эта плата так незначительна, — говорит автор, — по сравнению с тем, что дает бухарец, что о ней не приходится говорить». Далее он сообщает, что бухарские правители заигрывают с бадахшанцами, вероятно, по политическим или экономическим соображениям, так же как и с узбеками-локайцами, которых они оставляют в покое, не взимая с них подати за разведение лошадей.³³

Следует остановиться еще на положении в ханстве «иноверцев», к числу которых относились местные евреи (так называемые бухарские евреи) и индусы. Несмотря на то, что индусы были главным образом ростовщиками и менялами, а среди местного еврейского населения, наряду с мелкими кустарями-ремесленниками, было много и зажиточных людей, главным образом торговцев, положение тех и других в Бухарском ханстве было униженным и они подвергались различным ограничениям. Евреи и индусы «жили в специальных кварталах, одевались в черные подержанные халаты, подпоясывались веревкой (*зуннар* — символ неверия). В городах не имели права ездить верхом на лошади, а за городом могли ездить только на осликах и при встрече с мусульманами должны были слезать. Все не-мусульмане платили особую подать — *джизья*, за что они сохраняли свою религию».³⁴ В. В. Крестовский следующими словами характеризует положение иноверцев в ханстве: «Евреи же и *кяфыры* всяких наименований стоят вне сословий, они только терпимы, но прав не имеют, ибо права принадлежат только мусульманину».³⁵

Переходя к краткой характеристике эксплуатируемой части населения Бухарского ханства, отметим, что наиболее многочисленным классом, производившим основные ценности и являвшимся объектом феодальной эксплуатации, было крестьянство. В отличие от правящего феодального класса — *сипо* или *амальдор* — к крестьянству в целом применялось название *фукаро* или *факры*, а также *дехкон* (сельский житель, поселенин). Крестьянство уплачивало налоги и различные сборы в эмирскую казну или же своим *танхохур* (владельцам *танхо*), выполняло различные трудовые повинности, как в пользу государства, так и в пользу отдельных

³² А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 65.

³³ М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства, стр. 792—794.

³⁴ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 13.

³⁵ В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 285—286, примеч.

феодалов. Естественно, что крестьянство не представляло собой однородной массы. Имущественная дифференциация, существовавшая и в прежние времена, значительно усилилась в последние десятилетия существования Бухарского ханства, особенно после прихода в Среднюю Азию русских и проникновения в ханство, хотя еще и в слабой степени, капиталистических отношений. Начинается концентрация земли в руках зажиточной верхушки кизлака, в то время как все более широкие слои сельского населения лишаются своей земли и пополняют ряды малоземельного и безземельного крестьянства.

Безземельные и малоземельные крестьяне вынуждены были арендовать землю у ее владельцев или же наниматься в качестве батраков к зажиточным крестьянам. Не следует, однако, считать, что крестьянин — арендатор земли в условиях Бухарского ханства появился лишь в результате имущественной дифференциации крестьянства, вызванной возникновением капиталистических отношений в последний период существования ханства. Известно, что арендатор-издольщик существовал в Средней Азии с давних пор, уже в средние века. Еще предстоит внимательно рассмотреть те характерные черты, которые отличают издольщика феодальной эпохи от издольщика периода возникновения капиталистических отношений, как и от наемного рабочего, батрака. Помимо того, и сами местные термины недостаточно точны в смысле обозначения работника той или другой категории и, по-видимому, со временем значение и употребление этих терминов изменялось.

П. П. Иванов говорит, что среднеазиатский термин «чайрикер» в своем основном значении обозначил издольщика, работавшего на чужой земле из одной четверти урожая; лица, работавшие на иных условиях издольщины, носили другие названия. Сейчас, как известно, в исторической литературе о Средней Азии иранский термин «чайрикер» обозначает издольщика вообще, независимо от того, из какой части урожая он работает, в то время как согласно старым памятникам понятие издольщика вообще обозначалось иранским же термином «коранда» или арабским термином «шарик»; употреблялись также тюркские термины «ярымчи» (буквально «половинщик») и «кошчи».³⁶

Отметим здесь, что, как показывают новейшие исследования, вплоть до конца существования ханства в различных районах употреблялись различные термины для обозначения как издольщика-арендатора, так и батрака — человека, выполнявшего различные работы на земле и в хозяйстве землевладельца на определенных условиях. Вопросы о положении издольщиков и батраков мы коснемся еще ниже, в следующих разделах.

Многочисленную социальную группу составляли ремесленники, населявшие главным образом города и большие селения. В своей массе ремесленники безусловно являлись частью эксплуатируемого класса, однако здесь также наблюдалась значительная дифференциация и среди ремесленников выделялись кустари-предприниматели, эксплуатировавшие труд подмастерьев и учеников.

Эксплуатируемой группой, стоявшей на самой низкой ступени социальной лестницы, были рабы. Относительно рабов А. А. Семенов пишет, что они составляли особый класс, пополнялись из пленных русских, калмыков и персов и в официальных документах обычно именовались зархарид — «купленный за золото». Их положение было совершенно бесправным и униженным. Работали они с раннего утра до поздней ночи,

³⁶ П. П. Иванов. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии. Известия АН СССР, отделение общественных наук, 1935, № 8, стр. 755—757.

кормили их скудно, раз в год давали ветхую одежду. Их били и над ними издевались. Лишь в большие мусульманские праздники их освобождали от работы и давали им мясную пищу. Только те рабы, которые служили в личном конвое эмира, находились в сравнительно лучших условиях. Их общее число равнялось, вероятно, десяткам тысяч, потому что в одном Самаркандском отделе их было до 10 000 человек.³⁷

Н. Стремоухов для 70-х годов прошлого века сообщает, что в Бухаре по указанию русских властей официальная торговля невольниками была запрещена повелением эмира, нарушители этого запрещения подвергались штрафу и тюремному заключению. Но, несмотря на запрещение, многие лица, большей частью купцы, занимались работорговлей тайно у себя дома. Поставщиками рабов были в основном туркменские феодалы, а рабами — персы. Среди рабов был велик процент женщин, которых увозили даже из русских владений, чем занимались преимущественно татары. Далее автор говорит, что несмотря на запрещение, работорговле тайно покровительствует сам эмир, который даже держит для этой цели тайных агентов и платит им очень значительное содержание. Эмир посредством покупки рабов приобретает себе новобранцев для войска, а также красивых женщин для своего гарема и избавляется от тех женщин, которые ему уже надоели.³⁸

П. Шубинский пишет, что новый эмир Абдулахад, вступивший на престол в 1885 г., издал закон об освобождении рабов и об отмене навсегда рабства в бухарских владениях.³⁹ Однако рабство продолжало существовать и в дальнейшем — фактически вплоть до падения бухарского эмирата.

Чрезвычайно типично для бухарского деспотизма то обстоятельство, что, несмотря на крайне низкое положение рабов в ханстве, живших по существу на положении скота или вещи, из их среды часто выдвигались служащие для эмирского административного аппарата, которые нередко, юридически даже не будучи освобождены из рабского состояния, достигали различных чинов и званий.⁴⁰ Известно, что одну из высших должностей в ханстве — должность кушбеги — иногда занимали персы, возвысившиеся из рабов.

Такова была, в основном, классовая структура бухарского общества. Оно включало два антагонистических класса. Класс эксплуататоров состоял из феодалов, светских и духовных. К нему же тяготели купечество и сельское кулачество — байство, хотя и не пользовавшиеся феодальными привилегиями, но получившие от государства различные льготы. Эксплуатируемый класс составляли крестьянство, ремесленники, рабы. Между этими двумя классами находилась промежуточная социальная группа, в которую входила интеллигенция (низшее духовенство, служащие административного аппарата, студенчество), наукары и некоторые другие элементы, обычно получавшие те или иные незначительные льготы.

2. Административное устройство

Бухарское ханство, столицей которого был город Бухара, где сосредоточилось центральное управление государством, было разделено на ряд округов, или провинций, которые назывались вилайетами. Во главе каж-

³⁷ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 13.

³⁸ Н. Стремоухов. Поездка в Бухару, стр. 620.

³⁹ П. Шубинский. Очерки Бухары, стр. 125.

⁴⁰ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 66—67.

дого вилайета находился правитель — хаким, мир или бек, поэтому в русской литературе эти округа носят название бекств.

Как число бекств в ханстве, так и размеры каждого из них, по-видимому, не были стабильными. Русские исследователи 80-х годов прошлого века отмечали, что величина бекства зависит от местных условий, плотности населения, а также от произвола эмира, который может увеличить или уменьшить территорию бекства, в зависимости от отношения и степени благосклонности к тому или другому беку, так как увеличение бекства сулит беку и большие доходы. Наряду с этим некоторые беки получали права надзора за соседними небольшими бекствами и право взимания с них отдельных сборов. В указанный период наиболее обширными являлись бекства Шаарское, Гисарское и Каршинское, где беками были или родственники эмира, или же лица, пользовавшиеся его полным доверием; менее значительными были бекства Денауское, Ширабадское, Чиракчинское, Китабское и ряд других; наконец, некоторые, как например Келифское, состояли из городка и нескольких небольших селений, приписанных к нему.¹ П. Шубинский для начала 90-х годов указывает, что из всех округов (бекств) главными считаются 11, из них богатейшим — бекство Гисарское, уплачивающее в казну эмира около полумиллиона рублей, а беднейшими — Калифский и Уч-Учакский округа, дававшие в год лишь по 8000—10 000 рублей.

Количество бекств все же, по-видимому, — во всяком случае для позднейшего времени, — было более двух десятков. Упомянутый только что П. Шубинский говорит, что в ханстве было 28 бекств; А. Губаревич-Радобильский считает для начала XX в. в Бухарском ханстве 24 бекства, 7 отдельных амлокторств и 10 тюменей.² В 1920 г., последнем году существования Бухарского ханства, по данным полномочного представителя РСФСР в Бухаре, в ханстве было 28 бекств, не считая приамирских районов Шугнана и Рушана, фактически находившихся в русском управлении.³

Бекства эти были следующие. На севере ханства, в Нуратинских горах — Нурата; в бассейне Зеравшана вниз по течению по правому берегу — Хатырчи и Багикалян, по левому берегу — Зияуддин и Кермине, в нижнем течении — Бухара; в долине Аму-Дарьи (ниже устья Сурхана) вниз по течению — Келиф, Керки, Бурдалык, Чарджуй, Усты; в бассейне Кашка-Дарьи в верховьях — Китаб, Шахрисябз, Якабаг, на Гузар-Дарье — Гузар, ниже по течению Кашка-Дарьи — Чиракчи и Карши; в бассейне Ширабад-Дарьи — Байсун и Ширабад; в бассейне Сурхана и Кафирнигана — Гисар, Кабадиан, Денау, Сырыджуй; в бассейне Пянджа — Дарваз, Каратегин, Бальджуан, Курган-Тюбе, Куляб.

Приводящий все эти сведения И. П. Магидович также отмечает, что деление это было неустойчивым по причинам, указанным нами выше; в качестве примера он приводит тот факт, что в 1920 г. бекства Багикалян, Зияуддин и Хатырчи были подчинены одному беку; этот автор указывает, что более стабильными были границы отдаленных от столицы бекств Восточной Бухары, где беки пользовались большей независимостью от центральной власти. Как правило, можно отметить, что восточные бекства и территориально были крупнее, — в частности, например, по сравнению с бекствами долины Зеравшана, что до известной степени объясняется и большей плотностью населения в этих последних бекствах.

¹ А. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства, стр. 414.

² См.: Материалы по районированию Средней Азии..., стр. 64.

³ Там же, стр. 64—65.

Следует отметить, что, как обычно считается, Гисарское бекство занимало особое положение в административном управлении ханства, являясь как бы резиденцией наместника эмира в Восточной Бухаре. В действительности же дело обстояло не совсем так. После покорения Гисарского края эмиром в 1869—1870 гг. в Гисар был назначен правителем сын эмира, который разорел край своими наборами, а жестокостями вызвал недовольство среди населения и ряд восстаний. Вследствие этого в 1885 г. в Гисар правителем был назначен любимец нового эмира Астанкул-бек, который и правил краем до 1906 г. Именно он персонально как бы являлся наместником Восточной Бухары. Он получил чин аталыка, и специально для него эмир расширил пределы Гисарского бекства.⁴ Кроме того, из числа всех беков единственно ему было присвоено право вынесения и исполнения смертных приговоров, в то время как другие беки должны были на этот счет получать санкцию эмира.⁵ После смерти Астанкула все его преемники в должности гисарского бека уже не обладали таким влиянием и такими полномочиями, как он, и само Гисарское бекство утратило значение резиденции наместника Восточной Бухары.

До появления Астанкул-бека в Гисаре, еще при эмире Музаффаре, привилегированное положение в Восточной Бухаре занимал каратегинский бек Худой-Назар, также имевший чин аталыка и получивший от эмира право взимать ряд сборов с соседних бекств. Худой-Назару эмир был обязан покорением Каратегина и Дарваза.⁶

Перейдем теперь к вопросу о центральной власти в Бухарском ханстве, к характеристике центрального административного аппарата.

Выше уже было сказано о положении эмира и том внешнем почете, которым он был окружен. По словам А. А. Семеева, в ханстве почти ничего не делалось без санкции эмира, ему докладывались почти все мелочи административной и бытовой жизни. Эмир постоянно имел при себе двух секретарей, которые вели его личную корреспонденцию; первый из них — мунши — писал все деловые распоряжения и ответы на поступающие эмиру донесения, просьбы и жалобы как от административных, так и от частных лиц. Второй секретарь — мушриф — писал распоряжения о выдаче жалованного платья, оружия и других вещей.⁷ Обычно раз в неделю из всех бекств как от бека, так и кази (судьи) посылались к эмиру нарочные наукары с донесением; ответные письма эмира назывались муборакнома.⁸

Главным и первым помощником эмира во всех делах управления ханством являлся кушбег. Возвышение кушбеги (раньше это звание присваивалось начальнику птичьей охоты) до первого советника государства произошло при Мангытах, когда он стал как бы премьер-министром го-

⁴ Кап. Лиллиенталь. Гисарское и Кабадианское бекства, стр. 315.

⁵ В. И. Липский. Горная Бухара, т. I. СПб., 1902, стр. 103, 108—109. — Об Астанкул-беке см. также: Кап. Стеткевич. Бассейн Каратаг-Дарьи. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 57, 1894, стр. 257; Н. А. Бендерский. О Гисарском крае. Известия Туркестанского отдела РГО, т. VII, 1907, стр. 153.

⁶ Р. Ю. Рожевич. Поездка..., стр. 631; Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 99—105.

⁷ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 24.

⁸ Там же, стр. 25, 29—30; см. также: Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 132 (о еженедельной посылке наукаров к эмиру каратегинским беком).

сударства.⁹ В 70-е годы прошлого века Н. Стремоухов писал, что управление находилось в г. Бухаре и было сосредоточено в руках кушбеги.¹⁰ В. В. Крестовский говорит, что кушбег является первым чином двора и первым после эмира лицом в государственной иерархии, соответствующим великому везиру турок или государственному канцлеру европейских держав; кушбег является ближайшим советником и доверенным лицом эмира.¹¹ П. Шубинский также называет кушбеги ближайшим помощником эмира; по его словам, должность кушбеги может быть приравнена к должности вице-канцлера, кроме того, она сопряжена с должностями коменданта арка, губернатора города Бухары, хранителя государственной печати и казны эмира.¹²

В. В. Крестовский подробно останавливается на обязанностях кушбеги: он является хранителем личной печати эмира, заменяющей в Бухаре государственную печать, он ведал сношениями с иностранными государствами; в его руках находилось заведование финансами и сбор всех таможенных пошлин с торговли, сбор налогов с земель и раздача земельных участков — амлоки; ему же поручен надзор за безопасностью эмирского дворца в Бухаре, где он поэтому и живет постоянно, а в случае отъезда эмира из города он занимает особо устроенное для него место в воротах дворца, где и находится до возвращения эмира; ему ежедневно вечером приносят ключи от всех одиннадцати ворот города, запирающихся на ночь, а поутру к нему снова являются за получением ключей; по отношению к городу Бухаре и его округе кушбег пользуется правами бека. Автор прибавляет к этому, что если кушбег не может по каким-либо причинам при отъезде эмира сидеть в воротах дворца, то вместо него садится его помощник — тунчибеги; точно так же ввиду сложности своих обязанностей кушбег передает управление городом и округой одному из своих помощников. По своему званию бека Бухары кушбег имеет право ездить везде в пределах города, но не за его чертой.¹³

А. А. Семенов, подтверждая то обстоятельство, что кушбег во время отсутствия эмира не имел права покинуть арк, указывает, что при длительных отлучках эмира — и, в частности во время тринадцатилетнего отсутствия эмира (см. выше) — кушбег превращался буквально в узника. А. А. Семенов пишет, что кушбег был не только правителем бухарского вилайета, но вместе с тем и высшим начальником всех прочих миров (или беков) ханства; к нему сходились все поступавшие на имя эмира донесения и жалобы, а из его канцелярии исходили все указания и все распоряжения центральной власти. Приводя далее перечень обязанностей кушбеги, которые мы только что изложили по сообщениям двух других авторов, А. А. Семенов прибавляет, что такое разнообразие государственных дел, возложенных на кушбеги, объясняется тем обстоятельством, что бухарскому управлению не было свойственно распределение функций государственного аппарата по отдельным ведомствам или министерствам; тем не менее кушбег делал все с ведома эмира, которому он ежедневно представлял доклады в письменной или устной форме.¹⁴

⁹ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 54.

¹⁰ Н. Стремоухов. Поездка в Бухару, стр. 685.

¹¹ В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 285—286.

¹² П. Шубинский. Очерки Бухары, стр. 139.

¹³ В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 286—287.

¹⁴ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 55. — По словам наших информаторов, кушбег имел в арке отдельный дом — хаули.

Весьма примечательным фактом является то, что как уже пришлось указывать выше, нередко кушбеги, несмотря на высокое положение лиц этого звания, выдвигались из числа неродовитых лиц, иногда даже из персидских рабов. В. В. Крестовский в этом факте видит доказательство того, что «древние законодатели и организаторы государственной власти Бухары, предоставляя высшую после самих себя власть людям достойным ее не в силу одних лишь преимуществ своей родовитости, но прежде всего в силу ума, способностей и личных достоинств, обладали совершенно правильным взглядом на государственное дело».¹⁵ На самом же деле совершенно очевидно, что выдвигание людей низшего происхождения и даже рабов на должность кушбеги объясняется не чем иным, как политическими соображениями эмиров, которые боялись предоставить эту высшую должность в государстве тому или другому представителю влиятельной и часто оппозиционно настроенной по отношению к эмиру родовой аристократии и предпочитали видеть на этом месте человека из низшего сословия, обязанного своим возвышением эмиру и потому всецело преданного ему.

Главный кушбег ханства назывался верхним кушбег — кушбегин боло, в отличие от другого сановника, носившего титул нижнего кушбеги — кушбегин пойон, являвшегося верховным закятчи (лицом, ведавшим сбором закята) и сидевшего в помещении у подножья дворца (отсюда и его название нижнего кушбеги). Нижний кушбег имел звание диванбеги, как обычно назывались чиновники, существовавшие также и в бекствах, ведавшие хозяйством и финансами. Нижнему кушбеги, или бухарскому диванбеги (он же верховный закятчи), подчинялись все диванбег бекства.¹⁶

В 70-е годы прошлого столетия, по свидетельству Н. Стремоухова, должность главного закятчи исполнял сын кушбеги, который в то же время был и казначеем эмира. Этот автор говорит, что, поскольку торговля составляла одну из доходнейших статей для эмира, в крае существовали многочисленные закятчи с целым штатом помощников и всех их возглавлял главный закятчи.¹⁷

При дворе эмира находился также сановник, который ведал военными делами и, в частности, артиллерией, вследствие чего он назывался тупчибоши.

Как П. Шубинский, так и В. В. Крестовский называют одного тупчибоши, при этом первый автор говорит, что он был начальником артиллерии бухарской армии, а второй называет его начальником дворцовой артиллерии и лицом, которое замещало кушбеги в тех случаях, когда последний при отъезде эмира не мог сидеть по каким-либо причинам во дворце.¹⁸ Однако А. А. Семенов сообщает, что существовало два тупчибоши. Один из них назывался тупчибошин ляншкар, он был начальником гарнизона Бухары и по существу являлся как бы военным министром (нередко его называли вазири харб), так как ему подчинялись началь-

¹⁵ В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 285.

¹⁶ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 54 и 57; см. также: П. Шубинский. Очерки Бухары, стр. 139—140. — Наличие кушбеги пойон для последних лет существования Бухарского ханства подтверждается и нашими информаторами из Бухары (Гулом Изомин): когда эмир уезжал в путешествие, на его место садились кушбегин боло, а на место последнего — кушбегин пойон; он же ведал «нижней кладовой», в которой хранились поступления от сбора закята. Существовала, кроме того, «верхняя кладовая», находившаяся в ведении верхнего кушбеги, в ней хранились драгоценности, а также те товары, которыми торговал эмир.

¹⁷ Н. Стремоухов. Поездка в Бухару, стр. 662—663.

¹⁸ П. Шубинский. Очерки Бухары, стр. 140; В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 287, примеч.

ники всех воинских частей. Другой тупчибоши являлся комендантом цитадели столицы и поэтому назывался тупчибоши дарвозаи арки оли (т. е. «начальник артиллерии ворот высочайшей цитадели»); этот тупчибоши и был тем лицом, которое замещало в случае необходимости кушбеги в наблюдении за дворцом и цитаделью.¹⁹

П. Шубинский, говоря о кушбеги, главном закятчи и тупчибоши, подчеркивает, что все эти лица имеют лишь местное значение, так как во главе армии и администрации стоит сам эмир, который всем распоряжается и непосредственно сносится с беками и отдельными начальниками войсковых частей, а по делам внешней политики — с туркестанским генерал-губернатором, с политическим агентом в Бухаре и с соседними властителями.²⁰

Охрана порядка в Бухаре была поручена полиции. Полицейская власть была сосредоточена у миршаба, которому одновременно подчинялись все миршабы других городов ханства. А. А. Семенов приводит любопытное описание организации полиции в Бухаре. Весь город делился на два сахмá, каждый из которых в свою очередь делился на шесть джарибов; сахмá ведало лицо, называвшееся бобо (его канцелярия называлась бобохопа), а джарибом — дахбоши, в распоряжении которых были полицейские — шабгард. Полиция функционировала лишь ночью, когда она совершала обходы и забирала всех подозрительных лиц, а также тех, кто без нужды ехал или шел по городу. Задержанных отправляли, не взирая на положение и звание, чистить банные печи, а утром отпускали домой.²¹

По словам наших информаторов,²² движение в городе прекращалось после последней молитвы — намази хуфтан (вскоре после наступления темноты). К этому времени запирались все одиннадцать ворот города, а также ворота арка, над которыми сидел тупчибоши; ключи от всех ворот отсылались к кушбеги. К каждому воротам было приставлено по два стражника — дарвозавон. Миршаб ночью объезжал город, от своих людей он получал сведения о том, в каком квартале и в каком доме происходит пирушка, игра в карты и другие азартные игры; он отправлялся туда со своими людьми, задерживал провинившихся и штрафовал, в случае неуплаты штрафа грозил тюрьмой. Даже такие празднества, как свадьбы, должны были заканчиваться к установленному времени, или же участники празднества оставались в доме до рассвета.

Выше мы характеризовали представителей высшей административно-гражданской власти. Однако Бухарское ханство являлось государством теократическим, в силу чего духовные лица здесь занимали высокое положение и ведали такими отраслями, как суд, наблюдение за благочестием, образование.

Все гражданское правосудие в Бухаре, как стране мусульманской, совершалось по шариату и было в ведении духовных судей, называвшихся кази. Функции кази и их прерогативы кратко сформулированы А. А. Семеновым в его очерке центрального управления. Верховный судья, или кази калон, являлся главным судьей столицы и одновременно начальником всех остальных кази ханства. Кази калон имел право в Бухаре назначать себе помощника для отправления правосудия. Избирался он эмиром из числа наиболее ученых судей; кази калон носил титул

¹⁹ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 59.

²⁰ П. Шубинский. Очерки Бухары, стр. 140.

²¹ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 48.

²² Полевые записи от Гулома Изомина, Кори Абдурахима (Бухара, 1959 г.).

шариат-панох — «убежище шариата» — и единственный из всех сановников имел право приходить к эмиру не подпоясанным.²³ Следует отметить, что все последние верховные судьи Бухары были родом из Куляба и происходили из одной семьи, поддерживаемой партией учащихся медресе, называвшейся кухистони (см. выше).

Кази ведали собственно делами гражданскими, в то время как отправ-ление правосудия в области уголовных дел находилось в руках администрации — эмира и уполномоченных им на это лиц, а на местах — в руках беков.

По рассказам наших информаторов, канцелярия верховного судьи — казихона — находилась не в арке, а в городе. Верховный судья разбирал все жалобы и дела жителей города, вплоть до самых мелких, как говорили наши информаторы, то хаули — «до (каждого) двора». Если же дело становилось очень серьезным — джанджол калон шавад, то оно перешло непосредственно к кушбеги. Посредствующим звеном между верховным судьей и населением были квартальные старосты — аксакал.²⁴

При судьях — кази — обычно находились лица, называвшиеся муфти; это были люди, хорошо знавшие право (фикх), мусульманские предания (хадис), отличавшиеся в этом отношении значительной ученостью. Муфти в столице назначались эмиром или кази калоном в числе 14 человек. Они составляли основанные на шариате постановления — фетва или ривоят, которые затем представлялись верховному судье, и последний на основании этих постановлений выносил решения. Нередко муфти являлся одновременно и преподавателем медресе, поскольку жалование муфти было невелико, а преподавание в медресе требовало фактически тех же знаний, какими обладал муфти. Высший муфти носил название аълам, он прикладывал печать на фетвы, составлявшиеся рядовыми муфтиями.²⁵

Весьма характерной фигурой в системе бухарского управления являлся раис. Это была должность полудуховного-полусудейского порядка. В Бухаре имелся главный раис, а в провинции — свои местные раисы. Обязанностью раиса было наблюдение за нравственностью и благочестием населения, за тем, чтобы мусульманами исполнялись все правила и молитвы, предписанные им религией; в его же обязанности входило и наблюдение за порядком в торговле, на базарах, за тем, чтобы продавцы не обвешивали и не обмеривали покупателей. Раисы постоянно совершали обходы города и базаров, проверяли правильность весов и других мер, следили за благопристойным поведением жителей на улицах. Раис мог задать встреченному им человеку какой-либо вопрос религиозного характера или заставить его наизусть прочитать ту или другую молитву. Провинившиеся или не сумевшие ответить на вопросы раиса нередко тут же подвергались наказанию: сопровождавшие раиса служители, так называемые мулозимы, производили по указанию раиса экзекуцию — били провинившегося палками или плеткой.

В. В. Крестовский пишет, что раис два раза в день, утром и под вечер, объезжает город и базары, он имеет право остановить каждого прохожего и проэкзаменовать его, заставив читать наизусть фарзегани — главу из Корана, и если спрашиваемый не знает или даже ответит, но неудо-

²³ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 30—31; о нем же см.: П. Шубинский. Очерки Бухары, стр. 140—141.

²⁴ Полевые записи от Гулома Изомина, Кори Абдурахима.

²⁵ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 41. — По словам нашего информатора Кори Олима, в Бухаре было 12 муфтиев, 1 аълам и 1 ахун (муфти ахун считался выше муфти аълама).

влетворительно, то раис может приказать своим джигитам отдубасить его палками, — однако дать ему не свыше 39 ударов.²⁶

А. А. Семенов так описывает наказание раисом провинившегося на базаре: «Уличенного в обмане с весами били: один из мулозимов брал купца за руки, оборачивался к нему спиной и, нагнувшись, быстро и ловко скидывал его к себе на спину; другой закидывал халат и рубаху кверху, спускал штаны, а третий бил (число ударов раисов определялось обычно нечетное); если купец начинал кричать, то раис назначал удары сначала. Затем купец, со слезами, завязывал штаны, благодарил раиса „за науку и исправление“, целовал ему руку. Ни возраст, ни положение во внимание не принимались».²⁷

Раис свои функции выполнял днем, ночью же, как говорилось, охрана порядка и спокойствия ложилась на полицию. Главный раис назывался ишан-раис, или раис-уш-шариат. Главному раису подчинялись местные раисы, он их аттестовал перед эмиром.²⁸

Кушбеги, верховный судья, главный раис и бухарский миршаб в Бухаре назывались все вместе чор хоким — «четыре правителя».²⁹

П. Шубинский сообщает, что при эмире имелся совет из духовных, гражданских и военных лиц, который собирался в случае необходимости обсуждения каких-либо важных реформ. Из числа духовных лиц в этом совете заседали ходжа калон (т. е. кази калон), шейх-ул-ислам, накиб и раис.³⁰ Шейх-ул-ислам когда-то был первым духовным лицом в государстве, но впоследствии функции его свелись к разбору жалоб и заявлений, касавшихся вопроса происхождения от пророка и его преемников, а место шейх-ул-ислама фактически занял кази калон.³¹ Все указанные духовные лица обязательно происходят из сейидов и ходжей.³² Из числа светских лиц в совете, по-видимому, заседали кушбеги, главный закятчи, тупчи-боши и другие высшие сановники.

При особе эмира состоял и придворный штат, в составе которого следует отметить удайчи — церемониймейстера и махрамов — нечто вроде камергеров европейских дворов.³³

Характеризуя централизацию власти в Бухарском ханстве, А. А. Семенов пишет, что в административном отношении Бухара играла первенствующую роль (губернатор Бухары — первый министр ханства и генерал-губернатор по отношению ко всем начальникам областей, начальник полиции Бухары заведовал всем полицейским делом, главный судья столицы — глава всех судей ханства, и т. п.), была создана чудовищная централизация, не было места для проявления административной инициативы; централизация «убивала все живые силы народа, воспитывая его в невероятном бесправии, на примерах возмутительных насилий и в полной неуверенности в своем бюджете, так как ни население, ни чиновничество, кроме эмира и близких к нему лиц, не имело понятия о приходно-расходных росписях страны...».³⁴ Эти слова крупнейшего знатока бухарского управления А. А. Семенова чрезвычайно ярко характеризуют политический строй Бухарского ханства как абсолютную деспотию.

²⁶ В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 180, примеч. — По сообщению нашего информатора Гулома Изомина, раис назначал от 7 до 39 ударов.

²⁷ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 46.

²⁸ Там же, стр. 46.

²⁹ Полевая запись от Гулома Изомина.

³⁰ П. Шубинский. Очерки Бухары, стр. 140.

³¹ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 30—31.

³² П. Шубинский. Очерки Бухары, стр. 140.

³³ Там же, стр. 141.

³⁴ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 65—66.

тию, в которой все покорно воле верховного владыки — эмира, где проявление какой-либо инициативы со стороны высших сановников, равно как и управляющих отдельными провинциями — беков, было вовсе исключено.

Единственное, в чем проявлялась эта инициатива, — невероятные злоупотребления и насилия в отношении народа, которые практиковали власть имущие для своего обогащения и которые они старались всеми способами скрыть от эмира. Неоднократно цитировавшийся нами автор 70-х годов прошлого века Н. Стремоухов говорит о том, что хотя кушбеги в центре и беки на местах имеют в лице эмира опасного контролера, однако в силу неправильно организованного государственного управления они всегда в состоянии многое скрыть. И только побывав в Бухаре, прибавляет этот автор, можно понять, до каких утонченных злоупотреблений могут люди дойти. Каждое дело решается в пользу того, кто больше заплатит, вследствие чего беднякам нет никакого исхода. Каждый захватывает, сколько сможет и сколько успеет, чтобы иметь чем задобрить более сильных. Основанием для такого положения является вкоренившийся обычай давать подарки, главным собирателем которых является сам эмир.³⁵

В течение полувекового колониального периода русские исследователи, офицеры-разведчики, коммерческие деятели и просто путешественники неоднократно посещали не только центр ханства — Бухару, но и многие его провинции и оставили довольно многочисленные описания различных бекств, бекских дворов, а также порядков, существовавших в бекствах.

Выше мы уже рассматривали вопрос о количестве бекств в ханстве, а также указывали, что как по территории и количеству населения, так и по своему значению не все бекства были одинаковы: в то время как в крупных бекствах, где правителями обычно сидели родственники или приближенные эмира, существовала некоторая пышность и местный правитель стремился во всем походить на своего принцепала — эмира, в отдаленных, захолустных и более бедных бекствах все было гораздо проще, отсутствовал пышный церемониал, меньше была свита бека и лица этой свиты носили более мелкие чины. Однако, несмотря на все это, структура управления бекств была в общих чертах одинакова.

В литературе сохранилось много материалов, характеризующих бекское управление, власть беков и их полномочия. В. В. Радлов, посетивший долину Зеравшана еще до присоединения Самарканда к русским владениям, говорит, что беки — командующие гарнизонами главных городов ханства, они же в качестве наместников эмира управляют краем с почти неограниченной властью, доставляют эмиру подать с населения и следят за спокойствием в крае; нередко беки, прибавляет он, считали себя самостоятельными владетелями, даже вели между собой войны и восставали против власти эмира.³⁶ В. В. Крестовский приравнивает беков к русским губернаторам, только с еще большими полномочиями; эмир передает беку все права, за исключением права смертной казни. Бек обязан посылать эмиру еженедельные отчеты по текущим делам. Он обладает не только гражданской, но и военной властью, собирает налоги,

³⁵ Н. Стремоухов. Поездка в Бухару, стр. 685—686.

³⁶ В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина. Записки РГО по отделению этнографии, т. VI, 1880, стр. 83.

а также людей для войска в военное время.³⁷ Примерно так же определяет функции бека автор «Очерков Бухары» в первом десятилетии XX в.: по его словам, бек выполняет функции административные, полицейские и финансовые, а в судебных процессах разбирает более сложные дела и утверждает все приговоры, за исключением смертной казни.³⁸

Бек от правительства никакого содержания не получал, поэтому сравнение беков с русскими губернаторами неправильно. Бекство предоставлялось беку в порядке кормления; он должен был собирать с населения налоги и из полученного определенную сумму доставлять эмиру. Таким образом, бек, его приближенные и местная администрация жили на разницу между полученной суммой и той, которая должна была быть представлена эмиру. Естественно поэтому, что как сам бек, так и весь находившийся в его распоряжении административный аппарат стремились выколотить из населения как можно большую сумму налогов. Выше нам уже пришлось указывать, что, желая предоставить тому или другому беку побочные доходы, эмир отнимал у другого бека часть территории с ее доходами и обращал ее в пользу первого бека; при этом иногда, если второй бек был в немилости, сумма взносов, которые он должен был представить эмиру, оставалась прежней.³⁹

Остановимся теперь на краткой характеристике некоторых отдельных бекств и беков, которую можно было составить из различных описаний.

Особенно много внимания исследователи и путешественники уделяли Гисарскому бекству, как одному из самых крупных бекств ханства. Выше уже пришлось указывать, что гисарский бек Астанкул-аталык, правивший до 1906 г., занимал особое положение в ханстве и пользовался исключительными милостями эмира. Капитан Стеткевич пишет, что положение гисарского бека в стране почти независимое и контроля над его действиями нет, за исключением наушничества окружающих его чиновников. Автор говорит, что бек, высылая эмиру определенные суммы, имеет сам значительные доходы, которые гораздо больше того, что требуется на содержание бека и административного аппарата; сборы доводятся до таких размеров, чтобы они только не вызвали открытого восстания.⁴⁰ Исключая высылку эмиру податей и подарков, гисарский бек был полным властелином своего края и, как мы видели выше, даже имел исключительное право выносить смертные приговоры. Гисарский бек имел собственное войско при шести полевых орудиях и большой штат мелких придворных чиновников, число которых превышало сотню. Указывают также, что чиновники гисарского бека получали ежемесячное жалованье, как и личный состав войска.⁴¹ Как известно, гисарский бек имел две резиденции — зимнюю в Гисаре, где была выстроена крепость, и летнюю в Каратаге, а после разрушения последнего в 1907 г. в результате землетрясения — в Дюшамбе.

Крупным бекством было также Кулябское. Р. Ю. Рожевиц пишет, что кулябский бек считается одним из главных беков и носит даже название «большого» бека; это старик, дважды побывавший с эмиром в Петербурге, на вид строгий и важный, держащий себя с достоинством; из всех беков, посещенных автором, кулябский бек единственный, который не

³⁷ В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 100, примеч.

³⁸ Эппе. Очерки Бухары. «Средняя Азия», № 4, 1910, стр. 101.

³⁹ См.: А. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства, стр. 415; Н. А. Бендерский. О Гисарском крае, стр. 154; Материалы по районированию Средней Азии..., стр. 64.

⁴⁰ Кап. Стеткевич. Бассейн Каратаг-Дарьи, стр. 257—258.

⁴¹ А. П. Административное устройство Гисарского бекства. Туркестанские ведомости, 1908, № 112; Н. А. Бендерский. О Гисарском крае, стр. 155—156.

жил в своей крепости, а имел помещение с садом почти в центре города.⁴² А. А. Семенов указывает, что кулябский бек (вероятно, речь идет о том же самом беке) не умел ни читать, ни писать.⁴³ М. А. Варыгин указывает на большую власть кулябского бека, который, по его словам, был «царь и бог».⁴⁴

Кабадианское бекство, напротив, было одним из захолустных. Кабадиан, сообщает Р. Ю. Рожевиц, городом в нашем смысле назвать нельзя, от обыкновенного кишлака он отличается лишь большими размерами, постоянным базарчиком и бекской крепостью. Последняя невелика и построена на искусственном холме.⁴⁵ Таким же захолустным являлось и Кургантюбинское бекство, — как его характеризует П. Гаевский, одно из небогатых бекств. Вследствие этого, пишет он, и чин самого бека невелик, он всего лишь токсаба (подполковник). Самому беку принадлежит административная власть и сбор податей с населения, однако закят со скота он не собирает (сбор заката в Кургантюбинском бекстве принадлежит каратегинскому беку); в бекстве нет также солдат. Чиновники в Кургантюбинском бекстве не имеют чинов выше мирахура.⁴⁶

Переходя к бекской администрации, следует указать, что неременной фигурой при беке являлся есаулбоши. Это человек, наиболее приближенный к беку, его доверенное лицо. В. В. Крестовский называет есаулбоши докладчиками бека и говорит, что эта должность заключается в исполнении отчасти полицейских, отчасти ординарческих обязанностей, в докладе беку прошений и в передаче бекских приказаний; по его словам, у каждого бека было два есаулбоши.⁴⁷ О двух есаулбоши у гисарского бека говорит и А. П.; первый есаул, по его словам, получал и большее содержание; в распоряжении есаулбоши было до 20 есаулов.⁴⁸ Есаулбоши являлся как бы правой рукой бека, его помощником;⁴⁹ как докладчик бека он присутствует при разборе дел и сообщает просителям резолюции бека, утром рапортует ему о том, что произошло ночью, а вечером сообщает о событиях истекшего дня.⁵⁰ Есаулбоши был главой личной охраны бека, он нередко приводил в исполнение бекские приговоры. Обычно есаулбоши имел небольшой чин — караулбеги или мирахура.⁵¹

Независимой от бека была должность судьи — кази в бекстве. Кази назначался непосредственно из Бухары и сменялся также приказом оттуда. Судья обычно следил за действиями бека и обо всем замеченном сообщал тайным образом в Бухару. Ведал он, как уже указывалось, гражданскими делами, но в то же время был как бы членом бекского суда, высказывал при решениях, выносимых беком, свое мнение. Жил судья теми сборами, которые взимал с тяжущихся сторон, а также за различные сделки нотариального характера.⁵²

⁴² Р. Ю. Рожевиц. Поездка..., стр. 620.

⁴³ А. А. Семенов. По границам Бухары. Исторический вестник, 1902, т. III, стр. 973.

⁴⁴ М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства, стр. 793.

⁴⁵ Р. Ю. Рожевиц. Поездка..., стр. 612.

⁴⁶ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 59.

⁴⁷ В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 104—105.

⁴⁸ А. П. Административное устройство Гиссарского бекства.

⁴⁹ М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства, стр. 795.

⁵⁰ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 59.

⁵¹ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 133.

⁵² См.: А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 32; П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 60; Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 133—134.

Непременной фигурой в бекстве был и раис, который выполнял функции, уже описанные нами выше, т. е. наблюдал за благочестием, правами и правильностью мер и весов на базаре.

Важной должностью при беке была и должность диванбеги (сокращенно динбеги). Диванбеги имел большое влияние на бека и оказывал воздействие на мероприятия, проводившиеся последним. Это объяснялось тем обстоятельством, что диванбеги не только ведал казной и хозяйством бека, но и раздачей наград, а также наблюдал за сбором и поступлением налогов; кроме того, в его ведении были сельскохозяйственные работы, которые проводились на землях, находившихся непосредственно в распоряжении бека.⁵³

В некоторых бекствах существовала должность курбоши, заведовавшего арсеналом и являвшегося как бы комендантом крепости.⁵⁴

В распоряжении бека находился еще ряд чиновников для поручений, имевших небольшие чины, один-два секретаря и более или менее многочисленная дворовая челядь, которой обычно ведал есаулбоши.⁵⁵

Чиновники, равно как и бек, жили за счет сборов с населения, а также за счет предоставленных им ленных хозяйств — танхо. Что касается дворовой челяди, так называемых наукар, лавунд, то они кормились при дворе бека и иногда получали небольшое содержание. Их личные хозяйства обычно освобождались от уплаты налогов.⁵⁶

Каждое бекство было разделено на более мелкие административные единицы, носившие название амлок, — слово, которое в Бухаре, да и в других среднеазиатских ханствах имело еще другое значение: им обозначалась особая категория земель, находившихся в пользовании крестьян, но номинально принадлежавших эмиру или государству (см. ниже). Совпадение в терминах здесь, конечно, не случайно. Амлок по существу являлся не только административной, но и административно-податной единицей, а важнейшей должностной функцией административного лица, управлявшего амлоком, или, как его называли, амлокдора, являлся сбор налогов с крестьян, сидевших на упомянутых только что амлоковых землях. Таким образом, самое название указанных административных единиц как бы напоминает об этой основной функции амлоковой администрации.

Амлоки, как и бекства, территориально были различны, а количество их в бекствах также сильно варьировало и, вероятно, довольно часто менялось.

Большое Гисарское бекство, по словам Н. А. Бендерского, было разделено на 23 амлокдорства, по словам А. П. — на 27 амлокдорств. Более ранний исследователь капитан Лилиенталь отмечает, что Гисарское бекство делилось на 21 амлокдорство, а именно: Раумит, Варзоб, Файзабад, Чортан, Кафирниган, Дюшамбе, Гисар, Шурион, Хонако, второе Хонако, Али-Беги, Кара-Таг, Регар, Сары-джуй, Сары-Асия, второе Сары-Асия,

⁵³ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 133.

⁵⁴ Там же, стр. 133.

⁵⁵ М. Хамраев в своей монографии «Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX вв.» (Труды АН Тадж. ССР, т. CXIV, 1959) отмечает, что при гисарском беке были кази, раис, муфти, старший и младший есаулбоши и несколько десятков различных чиновников (стр. 31—37); по нашим полевым записям от Мирзо Аминова (кишлак Камани, 1957 г.), в Каршинском бекстве были диванбеги, кази, раис, миршаб (его канцелярия называлась пайчиног) с шабардами и есаулбоши с есаулами.

⁵⁶ М. Хамраев указывает, что чиновники гисарского бека получали жалованье (Очерки..., стр. 37).

Нурек, Яван, Лякай, Султан-Рават и Гази-Малек.⁵⁷ В то же время, по словам того же исследователя, небольшое Кабадианское бекство делилось всего на два амлокдорства — Бишкентское и Баш-Чорванское.⁵⁸ Курган-Тюбинское бекство состояло из трех амлокдорств — Курган-Тюбинского, Джиликкульского и Сарайского.⁵⁹ Ширабадское бекство делилось на 6 амлокдорств — Талашкан, Салибад, Джар-Курган, Гилям-Баг, Калиморон, Саитабад. Байсунское бекство состояло из четырех амлокдорств — Байсун, Яумчи, Баш-Хурд и Дербент.⁶⁰

В Каршианском бекстве в последнее время было 15 амлокдорств — Камаши, Джейнау, Касби, Майманак, Касан, Пулоти, Парвоза, Файзабад, Бешкент, Потырон, Фазли, Джума-Базар, Хонабад, Чим, Карабог.⁶¹

Своеобразным являлось административное деление Кулябского бекства. Здесь было 8 амлокдорств — Муминабадское, Кульское, Сары-Чашминское, Коврайское, Чубекское, Саётское, Гидры-Курган-Боло и Гидры-Курган-Поён. Кроме перечисленных амлокдорств, были еще девять особых административных единиц: Даулятбад, Тагнау, Кишты, Поён-Дарья, Боло-Дарья, Роги, Сары-Гол, Вори, Ду-Оба; они были населены выходцами из Бадахшана, которые, как уже указывалось выше, пользовались со стороны бухарского правительства значительными льготами и привилегиями.⁶² Во главе их стояли наследственные правители — ша; этот термин обычно применялся ранее к независимым мелким правителям отдельных областей в Каратегине, Дарвазе и в Горном-Бадахшане.⁶³

Отметим также, что были еще амлокдорства, подчинявшиеся непосредственно эмиру; возможно, что такое положение являлось не постоянным, а временным. Так, например, Н. А. Маев для 70-х годов прошлого века, говоря о бекствах Гисарского края, отмечает, что амлокдорства Дербентское, Сарыджуйское и Файзабадское существовали вне бекств и амлокдоры туда назначались непосредственно эмиром.⁶⁴ Мы знаем, что позднейшие авторы называют указанные амлокдорства в составе бекств.

Особо следует отметить амлокдорства, или тюмени, расположенные вокруг самой Бухары. Еще В. В. Крестовский говорил, что к бекству Бухары причисляется ряд местечек и кишлаков; он называет Варданци, Вафкенд, Ромитан, Вангази и Хайрабад.⁶⁵ Однако, как показывают наши полевые материалы,⁶⁶ амлокдорства, расположенные вокруг Бухары, не составляли особого бухарского бекства, а подчинялись непосредственно центральному управлению ханства. Одни информаторы называют семь таких амлокдорств, другие — девять; варьируют также и

⁵⁷ По нашим полевым материалам, Гисарское бекство в позднейшее время делилось на 18 амлокдорств (Суфи Зиё, кишлак Рохаты, запись Н. Н. Ершова, 1957 г.).

⁵⁸ Н. А. Бендерский. О Гисарском крае, стр. 155—156; А. П. Административное устройство Гисарского бекства; Кап. Лилиенталь. Гисарское и Кабадианское бекства, стр. 316.

⁵⁹ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 22—27.

⁶⁰ Кап. Васильев. Статистический материал для описания Бухары. Бекство Ширабадское и часть Байсунского, 1889. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 57, 1894, стр. 399—402.

⁶¹ Полевая запись от Мирзо Аминова.

⁶² М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства, стр. 770—771.

⁶³ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 45 и след.

⁶⁴ Н. Маев. Географический очерк Гисарского края и Кулябского бекства. Известия РГО, т. XII, 1876, стр. 360.

⁶⁵ В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 287, примеч.

⁶⁶ Полевые записи в Душанбе от пожилых бухарцев Саидулло Таджиддинова (1956 г.), Кузи Юлдашева (1956 г.) и Хабибулло Нурджанова (1958 г.), а также от Гулома Изомина в Бухаре (1959 г.), Мусо Хомидова и Кори Олима в Гянджуване (1959 г.).

названия отдельных амлокорств, что может быть объяснено случавшимся перенесением центра амлокорства из одного населенного пункта в другой, а также и тем обстоятельством, что некоторые амлокорства имели по нескольку названий, — например, одно из крупнейших амлокорств, Гиждуванское, носило также название Ходжай Джахон (вероятно, в честь святого Ходжа Абулхолика, гробница которого находится в Гиждуване). Собранные нами сведения позволяют все же установить со значительной степенью достоверности, что бухарских амлокорств было девять: на северо-восток от Бухары были расположены амлокорства Пирмаст (Гаждумак), Вобкенд, Гиждуван и Варгонзи, на север и северо-запад — Шофирком, Зиндане и Ромитан, на запад — Хайрабад (Джондор) и на юго-запад — Каракуль.⁶⁷

Бухарские амлокорства, или тюмени, — очевидно, в силу их близости к столице ханства — имели, по-видимому, большое значение. Здесь амлокорды по существу приравнивались к бекам, назначались самим эмиром или с его ведома. В таком крупном тюмене, как Гиждуванский, были чиновники в чине от токсаба до бия. Если гиждуванского амлокорда повышали в должности, то обычно посылали куда-нибудь в качестве бека. В этих амлокорствах, как и в бекствах, были кази, раис и миршаб, они вместе с амлокордом назывались чор хоким, всех их, как и амлокорда, назначил сам эмир. В каждом амлокорстве был и закетчи, которого назначал кушбег. В Гиждуване, подобно Бухаре, при миршабе состоял бобо, имевший свою бобохона. Амлокорды бухарских тюменей были подотчетны кушбегу, нередко они происходили из местной знати, имели в тюмене дом и землю.

В Гиждуване резиденция амлокорда находилась в специально выстроенной на холме подшохона. При амлокорде имелся немногочисленный штат служащих и прислужников, обычный для амлокорств, входивших в бекство (см. ниже). Амлокор, как и состоявшие при нем люди, жили на доходы, получаемые при сборе налогов с урожая.⁶⁸

Ближайшие к городу Бухаре кишлаки, — как их называли, кишлаки атрофи шахр, — не входили ни в одно из перечисленных бухарских амлокорств. Эти кишлаки составляли несколько мелких административных единиц, управлявшихся особыми чиновниками, помощниками — ноиб — главного бухарского раиса. В состав бухарских ноибств входила и главная бухарская святыня — гробница шейха Бахауддина, расположенная в 12 км от Бухары, с принадлежащими ей земельными угодьями. Помимо главного раиса, в управление ноибствами вмешивался и верховный бухарский судья, он считался старше главного раиса, и поэтому население ноибств иногда, минуя раиса, обращалось непосредственно к верховному судье.⁶⁹ По другим сведениям, эмир отдавал ноибства то в ведение главного раиса, то в ведение непосредственно верховного судьи, вследствие чего там попеременно распоряжались то ноибы раиса, то ноибы судьи.⁷⁰

⁶⁷ В «Истории Узбекской ССР» (т. 1, кн. вторая, Ташкент, 1956, стр. 134—135) из перечисленных нами амлокорств отсутствуют Хайрабадское и Ромитанское, вместо которых указаны Кенимехское и Яртепинское. Несколько отличается список амлокорств и у А. А. Семенова (см. его статью «К прошлому Бухары» в книге Садрриддин Айни. Воспоминания). В работе «Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре» (Советское востоковедение, т. V, 1948) А. А. Семенов отмечает, что в старину тюмень Вобкенд носил названия Комот, Варгонзи — Коми Абу Муслим, Зиндани — Хутфар, Ромитан — Самиджан (стр. 146).

⁶⁸ Полевые записи от Мусо Хомидова, Кори Олима, Кузи Юлдашева, Саидулло Таджиддинова.

⁶⁹ Полевые записи от Гулома Изомина.

⁷⁰ Полевые записи от Мусо Хомидова.

Значение и функции тех амлокдоров, которые стояли во главе амлокдорств, входивших в бекства, были, по-видимому, более ограниченными. В. В. Бартольд утверждает, что амлокдоры «не имели административной власти и только заботились об установлении количества урожая, подлежащего обложению»; по его словам, этот факт был установлен еще Гейером.⁷¹ Однако это утверждение В. В. Бартольда вряд ли может быть принято целиком. Конечно, так называемые фискальные функции являлись самой главной и первостепенной обязанностью амлокдора. Однако в такой же мере они являлись главнейшей обязанностью и некоторых других чинов бухарской администрации, — в частности, самого бека.

Амлокдоры, как правило, являлись людьми, близкими к беку, нередко его родственниками, и сменялись вместе со сменой бека; обычно их положение было в достаточной степени независимо и бесконтрольно в отношении бека, так же как и положение бека в отношении эмира.⁷² По словам одного из исследователей, амлокдор за получение своей доходной должности платил беку и его помощнику определенную сумму денег — как при назначении, так и в первый год сбора налогов.⁷³

Помимо сбора налогов, амлокдоры разбирали различные дела, возникавшие в амлокдорстве, ссоры между жителями, накладывали наказания, штрафовали;⁷⁴ они исполняли как податные, так и полицейские обязанности: следили за спокойствием населения и могли карать за нарушение его или за кражи — палками и арестом.⁷⁵ Тот же круг обязанностей амлокдора отмечен и в Каратегинском бекстве.⁷⁶

Амлокдор также имел свой «двор». При нем нередко состояли есаулы с подведомственными ему людьми — наукарами, или лавунд (Каратегин), диванбеги, непосредственно ведавшим расходами и доходами и главным образом ведущим учет сбора налогов, иногда несколькими чиновниками в небольших чинах. Нередко в амлокдорстве, особенно если оно было большое, имелся также кази или один из помощников судьи бекства — ноиб, а также раис, который в свою очередь являлся как бы помощником или уполномоченным бекского раиса. При амлокдорах состояли также секретари или писцы, иногда лица, наблюдавшие за ирригационной сетью и распределением воды, — мирабы.⁷⁷ В ряде амлокдорств, — однако далеко не во всех, — существовали особые должностные лица, называвшиеся дарга; их обязанность непосредственно заключалась в том, чтобы следить за урожаем на полях крестьян, за его обмоломом и за тем, чтобы зерно с гумна никуда не увозилось до определения его количества на предмет взимания налога. Иногда при амлокдорах имелись и особые чиновники — закятчи, ведавшие сборами со скота и торговли.⁷⁸ В Каратегине лица, наблюдавшие за урожаем, носили название мушриф.⁷⁹

⁷¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 192.

⁷² Кап. Стеткевич. Бассейн Каратаг-Дарьи, стр. 257—259.

⁷³ А. П. Административное устройство Гиссарского бекства.

⁷⁴ Энпе. Очерки Бухары, стр. 102—104.

⁷⁵ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 60.

⁷⁶ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 135.

⁷⁷ Н. А. Бендерский. О Гиссарском крае, стр. 155—156; П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 60; А. П. Административное устройство Гиссарского бекства; Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 136—138.

⁷⁸ Энпе. Очерки Бухары, стр. 102—104.

⁷⁹ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 136. — По нашим полевым записям, например, в Каршинском бекстве амлокдор в киплаке Камашин имел мирзо (писаря), хазиначи (диванбеги) и около 25 человек дарга (запись от Мирзо Аминова).

Следующей ступенью административной лестницы была сельская (кишлачная) администрация; в ряде районов при этом существовали и более мелкие административные единицы.

Еще В. В. Радлов, характеризуя положение в Зеравшанской долине во время прихода русских, сообщает, что бекства разделены на маленькие округа, во главе которых стоят аксакалы, аксакалы же стоят и во главе отдельных селений. Можно полагать, что этому исследователю остались неизвестны амлокдоры, которые в те времена безусловно также существовали. Он пишет, что такие же аксакалы назначались на базары и водопроводы (т. е. вероятно для наблюдения над ирригационной сетью). В. В. Радлову, вероятно, аксакалами называли всех должностных лиц, потому что кроме аксакалов он называет только амина, но и то лишь в качестве управляющего городом, в котором живет бек.⁸⁰

Относительно Шахрисябзского края, в бытность его еще самостоятельным или полусамостоятельным владением, исследователи сообщают, что он делился на два бекства — Китаб и Шаар, каждый кишлак (по другим сведениям несколько кишлаков) имел своего аксакала, а над группой кишлаков стоял серкер, при этом в Китабе было 6 серкеров, а в Шааре 9 серкеров.⁸¹ По словам капитана Лилиентала, в Гисарском и Кабадианском бекствах каждое амлокдорство делилось на саадá, а в селениях каждого саада имелись аксакалы или старосты.⁸² Автор «Очерков Бухары» пишет, что помощниками амлокдоров являются амины, которые существуют, правда, не во всех бекствах; в распоряжении аминов находятся аксакалы селений (старшины), они имеются почти в каждом кишлаке.⁸³ И. П. Магидович, стремясь дать общую картину административного деления ханства, указывает, что бекства делились на амлокдорства, а амлокдорства (или амлоки) — на аксакальства, или аминства, которые и являлись низовыми административными единицами; они обыкновенно состояли из нескольких населенных пунктов с выборными старостами (мингбоши у узбеков, арбоб у таджиков).⁸⁴

Нами при исследовании бывших горных бекств Восточной Бухары было выявлено, что, например, в Каратегине амлокдорства в ряде случаев, — но не всегда, — были разбиты на более мелкие административные единицы, известные под названием миразорств, хотя иногда миразорства не входили в какое-либо амлокдорство, а подчинялись непосредственно беку.⁸⁵

Такое сравнительно пестрое административное деление, вероятно, сложилось исторически, в соответствии с местными особенностями и традициями, и в последнее время уже не вызывалось необходимостью. Миразорства и саада являются, по-видимому, остатками старого административного деления на сотни (сада) и тысячи (хазара); к этому же делению восходит, вероятно, и термин «мингбоши», что значит «главный над тысячей» (минг — «тысяча»).

В связи с указанным разнообразием низового административного деления в различных районах бывшего Бухарского ханства нам представляется необходимым привести здесь некоторые подробности, собранные

⁸⁰ В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина, стр. 89—90.

⁸¹ И. Бекчурин. Шахрисябзское владение, стр. 86; А. Кун. Очерки Шахрисябзского бекства, стр. 228—229.

⁸² Кап. Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства, стр. 316.

⁸³ Энне. Очерки Бухары, стр. 102—104.

⁸⁴ Материалы по районированию Средней Азии..., стр. 63—64.

⁸⁵ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 134—136 (см. там же примечание редактора книги А. А. Семенова: «миразор, собственно — мири-хазор»).

главным образом на месте. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сельская администрация в большинстве случаев может быть подразделена на собственно кишлачную (сельский староста) и лиц, имеющих в своем ведении группу селений (кишлаков) и являющихся как бы промежуточным звеном между амлокдором и сельским старостой, хотя это промежуточное звено существовало не везде и не всегда. Однако и такое деление является в известной степени условным: в крупных кишлаках, особенно с квартальным делением, сельский староста нередко вел отдельным кварталом или приходом (мечетью); в таком случае должностное лицо, являвшееся уполномоченным по всему кишлаку, было уже администратором второго порядка, имевшем в своем подчинении нескольких сельских старост; напротив, если кишлаки были невелики, один сельский староста мог вести двумя-тремя кишлаками.

Согласно нашим полевым материалам, в кишлаках бухарских амлокдорств представителем низшей администрации был аксакал; в каждом кишлаке, — а в больших кишлаках в каждом квартале (мечети), — был один аксакал.

В тех же бухарских районах наряду с аксакалами упоминают и амина как административное лицо, стоящее над группой селений. Аминов также выбирало население, но со стороны вышестоящих властей они должны были получить письменное утверждение. Амины являлись как бы посредниками между населением и властями. Они присутствовали на гумне во время определения амлокдором или дарга урожая с крестьянского поля. По одним сведениям, амин обычно держал сторону крестьянина, т. е. при определении урожая, которое часто производилось «на глаз», он указывал меньшее количество, чем амлокдор. По другим же сведениям, амин в качестве посредника был лицом беспристрастным. Амлокдор или дарга старались преувеличить количество зерна в куче на гумне, а хозяин гумна и защищавший его интересы аксакал — преуменьшить, амин же называл среднюю цифру, близкую к истине; и всегда в тех случаях, когда амлокдор заставлял перевесить зерно, как нам говорили, прав оказывался амин.

Амины в этих районах с поливным земледелием были, по-видимому, также тесно связаны с водопользованием. Так, например, на большом канале Калкон-Руд, орошавшем Гиждувапский тюмень, было два амина: верхний — боло (по течению канала) и нижний — пойон. В распоряжении первого было восемь катаджуй — больших ответвлений канала, в распоряжении второго — семь; на каждом ответвлении канала были земли нескольких кишлаков. Оба амина воду получали поочередно и распределяли по своим каналам. В распоряжении аминов были и помощники, которых нам называли то мирабами, то старшими аксакалами, то также аминами.⁸⁶

Аксакалы и амины имелись также в юго-западных бекствах Бухарского ханства, в частности в Каршинском и Шахрисябзском. Так, например в Камашинском амлокдорстве Каршинского бекства был амин, которого называли ильбег. Последнее название (тюркский термин «иль» — «племя», «народ») говорит о том, что среди населения с сохранившимся родо-племенным делением в данном случае мы пережиточно имеем дело с родовым (племенным) предводителем, старшиной.⁸⁷ В верховьях Кашка-Дарьи нами также отмечено наличие в прошлом аксакалов и аминов. В амлокдорстве Хисорак в каждом кишлаке был аксакал, а если

⁸⁶ Полевые записи от Кузи-Юлдашева, Хабибулло Нурджанова, Мусо Хамидова, Кори Олима.

⁸⁷ Полевая запись от Мирзо Аминова.

кишлак большой — то и два; напротив, два-три мелких кишлака объединялись под главенством одного аксакала. В том же амлокдорстве было три амина: в ведении одного из них находились кишлаки Хисорак, Тамсуш, Сутушар, Чунграк, Сайод; в ведении второго — Дуова, Якта-Хона, Шилби, Нондик, Кизыл-Булак, Кизыл-Имчок; в ведении третьего — Гилян и Куль.⁸⁸

Что касается бекств восточной Бухары, начиная от Гисарского и далее на восток вплоть до Каратегина и Дарваза, то термина «амин» мы здесь не встречаем ни в наших полевых записях, ни в литературе. В Гисарском и Кабадианском бекствах, как уже указывалось, амлокдорства делились на саада; в каждое саада входило несколько кишлаков, которые управлялись арбобами, в кишлаках же были аксакалы.⁸⁹ Один из информаторов указал, что был один амин, но он находился в Дюшамбе, т. е. по существу в городе, являвшемся летней резиденцией бека; его, однако, называли обычно мингбоши.⁹⁰ На наличие мингбоши в качестве чиновника при амлокдоре для Гисара указывает и М. Хамраев, который говорит, что мингбоши назывались один из наукаров при амлокдоре;⁹¹ о мингбоши для амлокдорств Кургантюбинского бекства упоминает П. Гаевский.⁹² В Каратегине и Дарвазе во главе мелких административных единиц — мирazorств — стояли миразоры, старосты же отдельных кишлаков назывались арбобами.⁹³ По-видимому, есть основания сравнивать миразоров горных бухарских бекств с аминами бекств Западной Бухары. Один из новейших исследователей истории Дарваза прямо пишет, что «должности аминов и аксакалов в Дарвазе выполняли миразоры и арбобы».⁹⁴

Официально должности низовой администрации были выборными, фактически же аксакалы, арбобы, а также амины и миразоры всегда были людьми более зажиточными, платившими за свое «избрание» беку или амлокдору. Арбоб и аксакал, как и все высшие административные лица, освобождались от уплаты налогов и сборов со своего личного хозяйства.⁹⁵

Как видно из вышеизложенного, в Бухарском ханстве существовало деление на бекства, амлокдорства и кишлаки как административные единицы, во главе которых стояли старосты — арбобы и аксакалы; в ряде же мест существовало еще и промежуточное звено в лице аминов, арбобов (не кишлачных) и миразоров.

⁸⁸ Полевая запись от Фатхулло Нора (кишлак Кизыл-Имчок, 1957 г.).

⁸⁹ Кап. Лиллиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства, стр. 316; М. Хамраев. Очерки..., стр. 38; полевые записи от Суфи Зиё, а также Бобо Халима Мукимова (Каратаг, 1959 г.).

⁹⁰ Полевые записи от Суфи Зиё.

⁹¹ М. Хамраев. Очерки..., стр. 38.

⁹² П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 58—61.

⁹³ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 134—136; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 82—83; Н. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти. Ученые записки Кулябского гос. педагогического института, вып. 3, 1957, стр. 100—101; А. Маджлисов. Каратегин накануне установления Советской власти. Душанбе, 1959, стр. 23—30.

⁹⁴ Н. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях..., стр. 103. — Тот же автор отмечает наличие в Дарвазском бекстве трех так называемых «мири халки» («народных миров») или «мир-дархуна» («домашних миров», «миров при дверях»), которые являлись непосредственными помощниками бека и назначались из местных людей; вся территория бекства была подразделена между этими тремя мири халки (стр. 99).

⁹⁵ Эпие. Очерки Бухары, стр. 102—104; Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 135—136; А. Маджлисов. Каратегин..., стр. 29; М. Хамраев. Очерки..., стр. 37.

Весь административный аппарат, начиная с бека и кончая арбобом, жил за счет населения. Помимо тех сумм, которые доставались беку и амлокдору от сбора налогов (разница между суммой сбора и суммой, отсылавшейся в Бухару) и которыми эти лица частично делились со своими приближенными, администрация бекства пользовалась и непосредственными поборами с урожая на крестьянских полях (амлокдоры, арбоб, дарга и др.), а также различными сборами за рассмотрение тяжб, жалоб (бек, кази), в виде штрафов (бек, амлокдор, раис), за раздел имущества, регистрацию браков, смертей (кази, мулла) и т. п. Всех этих частностей нам придется еще коснуться в другой связи.

Гражданский суд, как уже указывалось, состоял в ведении кази, хотя кази определял виновность и по другим делам. В уголовных делах определяли наказание мир или амлокдор. Приговоренного к тюремному заключению из амлока обычно отправляли в центр бекства, где имелось и тюремное помещение — бандихона, или зиндон. Ужасные бухарские тюрьмы довольно подробно описаны в литературе. Нередко это была яма или глубокий колодезь, на дне которого содержались заключенные, иногда годами находившиеся там без света и свежего воздуха; эти тюрьмы кишели различными насекомыми, особенно клещами. Срок тюремного заключения не определялся, и осужденный находился в тюрьме, пока его не освобождал бек, обычно после того, как кто-нибудь из местных влиятельных лиц, по просьбе родственников или друзей, сопровождавшейся различными приношениями, заступался за осужденного и просил бека об его освобождении. В таких случаях тюремное заключение нередко заменялось штрафом. Часто на шею и ноги арестованного надевали колодки, запиравшиеся на замок. Кроме тюремного заключения, применялась экзекуция в виде наказания палками. Как уже говорилось, смертный приговор в каждом отдельном случае должен был санкционироваться эмиром; бек посылал запрос в Бухару, излагая в нем степень тяжести преступления, и если эмир соглашался на казнь, то присылал специальный указ, называвшийся муборакномаи купт.⁹⁶ Казни в Бухарском ханстве совершались самым зверским образом: осужденному перерезали горло ножом, иногда отрубали голову топором, душили его или сбрасывали с минарета. Казнь обычно производилась публично. Известно много случаев, когда эмир одним жестом приговаривал какого-либо не угодившего ему сановника к смертной казни и последняя совершалась немедленно, тут же, вблизи места, где находился эмир.

Согласно собранным нами сведениям, в Гиждуване всякие преступления разбирали амлокдор, миршаб и кази. Миршаб обычно брал человека под стражу, а кази вел дознание. Миршаб за мелкие провинности взимал ишкелбоги — небольшую сумму, равнявшуюся цене 30 лепешек. В случае, если преступление было крупным, обращались в Бухару, иногда непосредственно к эмиру. Последний часто обращался за указанием к муфтиям — толкователям закона. Если эмир приговаривал преступника к пожизненному заключению — абади, его везли в Бухару, если же к смертной казни, то осужденного или отвозили в Бухару, или же приговор приводили в исполнение на месте. Местный раис мог приговорить только к наказанию палками в размере от 7 до 11 ударов, т. е. значительно меньше, чем бухарский раис; кази мог испросить у эмира разрешение на присуждение провинившемуся 75 или 99 палок. Если виновный

⁹⁶ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 136—137.

был богатым человеком или же имел связи и влияние, он мог апеллировать к эмиру, который давал верховному судье указание разобраться в деле.⁹⁷

В вопросе об организации в Бухарском ханстве войска нет особенной ясности. Как указывают многие исследователи, войска подразделялись на две части: регулярное войско — аскарыйя, иррегулярное войско — наукарийя, или, по словам А. А. Семенова, милиция.⁹⁸ Речь идет в последнем случае о так называемых наукарах, о которых говорилось выше.

П. П. Иванов еще для первой четверти XIX в. говорит о двоякого рода войске, которое он называет наукары и карачирик. Наукарами, говорит он, в среднеазиатских ханствах называли военных слуг феодалов, числившихся постоянно на службе у своего господина, за что они и получали вознаграждение натурой и деньгами. Из этого определения как будто следует, что наукары начала XIX в. в Бухарском ханстве мало отличались от наукаров последнего времени существования ханства. Однако другая группа — карачирик, — по словам П. П. Иванова, представляла собой ополчение, набиравшееся лишь в военное время, и являлась по существу вспомогательным войском, часто не имевшим ни лошадей, ни оружия.⁹⁹ Из описания П. П. Иванова, таким образом, неясно, существовало ли постоянное регулярное войско помимо наукаров.

Для того же времени мы имеем и другие документы, опубликованные В. Л. Вяткиным.¹⁰⁰ По его словам, войско также делилось на две части: регулярное — нукерия, иррегулярное — карачирик. Характеристика последнего дается почти та же, что и у П. П. Иванова: это было по существу крестьянское ополчение. Что же касается нукерия, то они состояли из собственно наукаров и шагирднеша (успевающих учеников), а по роду оружия делились на мерген (стрелков) и найзадаст (копейщиков). Шагирднеша являлись как бы кандидатами в наукары, проходившими стадию подготовки и обучения. Наукары и шагирднеша получали довольствие натурой (провиант и фураж), деньгами и одеждой. Однако далее говорится, что деньги и одежду они получали от случая к случаю; довольствие натурой давалось в виде части урожая, взимаемой с крестьянских хозяйств; при этом существовала определенная градация: наукары, имевшие низшие бухарские чины — джевачи и чухра-акасы, а также десятские получали больше, а стрелки, копейщики и другие рядовые получали меньше. Далее говорится, что в Каршинском округе каждая народность и каждый род должны были поставить определенное количество людей в войско наукаров и карачирик и что больше всего поставляли мангыты.¹⁰¹

⁹⁷ Полевая запись от Кори Олима.

⁹⁸ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 59.

⁹⁹ П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков..., стр. 41—42.

¹⁰⁰ В. Л. Вяткин. Каршинский округ..., стр. 15—19.

¹⁰¹ И. Бекчурин указывает на военное ополчение из наукаров, собиравшихся во время войны в Шахрисабзских бекствах в годы их независимости (Шахрисабзское владение, стр. 86); кап. Лилисенталь для 80-х годов прошлого века в отношении Гисара указывает на отсутствие там регулярного войска, место которого занимает конное ополчение из наукаров, собиравшихся по распоряжению бека (Гиссарское и Кабадианское бекства, стр. 319). Сообщение В. В. Радлова в отношении бекств по Зеравшану также следует понимать так, что там существовало ополчение из наукаров, хотя он же сообщает и о регулярном войске, в которое входило много русских и афганцев (Средняя Зеравшанская долина, стр. 88).

Из материалов В. Л. Вяткина можно сделать заключение, что наукары составляли регулярное, постоянное войско. Если мы сопоставим этот вывод с тем определением, которое дает А. А. Семенов, то придется сделать заключение, что за последние сто лет существования Бухарского ханства наукары из регулярного войска превратились в иррегулярное, своего рода милицию или дружину того или другого правителя; возможно также, что здесь мы имеем дело с изменением значения самого термина, применявшегося ранее к регулярному войску; наконец, можно сделать и такой вывод, что настоящая, регулярная армия в ханстве была организована позднее, возможно — с приходом в Туркестан русских или вскоре после их прихода.

Известно, что некоторые реформы в отношении армии были проведены эмиром Абдулахадом. Так, П. Шубинский сообщает: «Следующей реформой эмира было сокращение штата бухарской армии, которую он довел до 13-тысячного состава (штат бухарской армии состоит в настоящее время из 13-ти батальонов пехоты по 1000 человек в каждом, 800 человек артиллерии при 155 орудиях, 2000 иррегулярной конницы и одного кавалерийского 4-х сотенного полка. Пехота содержится в сокращенном составе, вследствие чего общая цифра армии не превышает 13 000 человек).¹⁰²

Однако и регулярная армия в Бухарском ханстве последнего периода отличалась плохой организацией, недостаточной строевой подготовкой, отсутствием дисциплины и порядка.¹⁰³

По словам одного из наших информаторов, в последние годы существования ханства войско в Бухаре размещалось в казармах, как в самом городе, так и вне его стен. Артиллерия помещалась в бухарском арке, здесь находилась тупхона — стояли пушки. Солдаты занимались обучением всего лишь один раз в неделю; для каждого рода войск или подразделения был отведен определенный день.¹⁰⁴

Вопрос об образовании в Бухарском ханстве неоднократно освещался в литературе, поэтому останавливаться на нем мы здесь не будем.¹⁰⁵ Напомним лишь, что образование в ханстве было духовное, изучались главным образом религиозные книги — Коран, собрания священных преданий и различные толкования к ним. В начальной школе (мактаб) детей учили читать и писать на основе арабского алфавита, а также читать арабские религиозные тексты, которых они, как правило, не понимали. В высшей школе (медресе) проходили множество предметов, но и они были связаны с мусульманской догматикой. В медресе существовали факультеты богословско-юридический, филологический (изучение арабского языка) и житейской мудрости, на котором изучали логику, естествознание, астрономию, медицину, математику, метафизику, философию, риторику.

В мактабах занятия вел обычно мулла, причем все ученики занимались в одном классе, независимо от степени знаний и успеваемости. Определенного срока обучения не было, ученик посещал школу до тех пор,

¹⁰² П. Шубинский. Очерки Бухары, стр. 126.

¹⁰³ См., например: Кап. Стеткевич. Бассейн Каратаг-Дарьи, стр. 268; Р. Ю. Рожевич. Поездка..., стр. 621.

¹⁰⁴ Полевая записка от Гулома Изомина.

¹⁰⁵ См., например: В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира, стр. 345—354 и примеч. на стр. 341; П. Шубинский. Очерки Бухары, стр. 635—636; Садриддин Айни. Воспоминания.

пока не усваивал курс науки. Учителя-муллы жили за счет того вознаграждения, которое давали им родители учеников — частично деньгами, а частично натурой (хлеб, блюдо плова, халат, чалма и т. п.).

В отличие от мактабов, которые находились в частных руках и нередко были делом частной инициативы, медресе обычно содержались на средства, завещанные богатыми жертвователями с богоугодной целью (так называемый вакф). Медресе представляли собой здания, в которых были не только учебные помещения, но и общежития — худжра. Преподаватели медресе — мударисы — имели обычно высшее богословское образование и получали за свой труд вознаграждение из тех же средств вакфа, на которые содержалась медресе. Определенную плату получал также заведующий медресе — мутавалли — и обслуживающий персонал. Учащиеся медресе получали стипендию, размер которой зависел от решения совета попечителей медресе, распорядившихся средствами вакфа. Обычно каждый поступающий в медресе покупал у своего предшественника, окончившего курс и выбывающего из медресе, комнату. Во многих медресе Бухары торговля комнатами стала прибыльным занятием, их стали скупать и перепродавать богачи, даже не имевшие отношения к медресе. При этом сделки оформлялись фиктивно, под видом покупки какого-либо инвентаря.¹⁰⁶

Мактабы существовали повсеместно в городах и кишлаках. Количество медресе также было очень значительно, особенно много было их в самой Бухаре, которая считалась центром мусульманской учености и образованности.

3. Аграрные отношения

Проблема землевладения в Средней Азии, в частности в Бухарском ханстве, уже неоднократно являлась объектом исследования, об этом имеется довольно значительная литература. Многие исследователи, начиная еще с Н. В. Ханыкова в 40-х годах прошлого столетия, пытались разобраться в том, какие земельные категории с точки зрения права собственности, владения и пользования существовали в дореволюционном Туркестане; вопрос о категориях или формах земельной собственности в свою очередь неразрывно связан с распределением прибавочного продукта, непосредственным производителем которого были широкие слои трудящегося крестьянства, другими словами — с вопросом о формах эксплуатации непосредственного производителя.

Насколько была запутана эта проблема еще в первом десятилетии колониального периода, видно из высказываний одного из ранних туркестанских деятелей, А. П. Хорошхина, относительно мельковых земель. «Толкование о происхождении мельков, — пишет этот автор, — весьма разнообразно. Сначала показалось, что владельцы мельков (мелькдор) суть по большей части ходжи и сеиды... администрация не могла не заинтересоваться их оригинальными преимуществами относительно податей; ... было приступлено к разъяснению прав их владельцев на звание ходжа и сеид, причем сделаны были даже некоторые генеалогические изыскания о потомстве пророка, как неожиданно возникло новое толкование о происхождении мельков. Старожилы рассказали, что... бухарские эмиры... жаловали приближенным кази, сеидам и ходжам право на получение с известных участков сборов хераджа и других поземельных податей... По смерти тех, кому были пожалованы сборы, наследники их,

¹⁰⁶ См.: Садриддин Айни. Воспоминания, стр. 194—196 (глава «История превращения келий в бухарских медресе в частное владение»).

вместо того, чтобы возратить право сбора в казну, противузаконно перепродали его, и в документах о перепродаже участки были названы мильками, т. е. собственными, хотя самые земли все-таки не были проданы, а уступлено было за известную плату только право сбора с них хераджа и других податей... Вопрос, как видно, совершенно переменялся. Но прошло несколько времени, и явилось третье суждение, а именно: что в настоящее время мильк — название, обусловливаемое исключительно ни свободой земли от сбора, ни даже правом собственности, ибо теперь этим именем стали называться земли, поставленные в весьма разнообразные условия владения или пользования...»¹

Приведенная нами, хотя и в отрывках, довольно длинная выписка весьма наглядно характеризует те трудности, с которыми встретила русская царская администрация, взявшая на себя задачу упорядочить землевладение во вновь завоеванном крае. Эти трудности очень хорошо показаны у крупнейшего знатока дореволюционного Туркестана — А. А. Семенова. «Было ясно, — пишет он, — что законодатель, вводя в новой стране нормы русского права, в земельном вопросе стремился их связать с нормами мусульманского и отчасти местного обычного права во избежание ломки устоев, существовавших здесь в течение долгих столетий. И тем не менее это не охранило русскую власть от тех разочарований и неприятных явлений, которые потом встали перед ней так неожиданно и повлекли неудачи в земельном вопросе».² Рассматривая некоторые статьи «Положения об управлении Туркестанского края», А. А. Семенов пишет: «В результате нередко оказывалось, что отведенные по грамоте эмира или хана тому или иному лицу мюльковые или государственные населенные земли во временное пользование (везде курсив автора, — Н. К.), или земли, составлявшие *танхои* (см. ниже, — Н. К.) офицера или саванника, с жившим на них населением или арендаторами, утверждались новой властью за этими лицами, благо, что в предъявленных ими документах не указывалась обычно срочность их землевладения в нашем смысле. Население таких земель оказывалось юридически совершенно не оформленным и потому зависимым от нового собственника или его наследников, к которым оно раньше не имело иного отношения, кроме уплаты ему определенной подати или доли урожая. Теперь создавался кадр безземельных крестьян, живших на чужой земле, пользовавшихся ею из известной доли урожая (как *чайрикеры*, *арымчи* и проч.) и могущих быть с нее выселенными».³

В своей работе, посвященной истории и социально-экономическим отношениям одного из бывших бекств Восточной Бухары,⁴ разбирая вопросы землевладения и землепользования применительно к этому бекству, мы уже указывали на тот факт, что большинство писавших по этому поводу русских авторов в основном исходило из мусульманских норм и взглядов на землю и землепользование, в результате чего речь шла об абстрактных земельных категориях, имеющих часто мало общего с теми нормами и поземельными отношениями, которые сложились в тех или иных районах Средней Азии. Этот факт еще раньше был отмечен А. А. Семеновым, который указывает, что «прежние

¹ А. П. Хорошкин. Долина Заравшана. Военный сборник, 1870, № 7, стр. 126—128.

² А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Труды Средне-Азиатского гос. университета, серия II, вып. 1, Ташкент, 1929, стр. 42.

³ Там же.

⁴ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 151—152.

исследователи быта Средней Азии, стремясь определить местное землепользование, делали различную, более или менее далекую от истины юридическую формулировку таких земель».⁵

В упомянутой нашей работе была сделана попытка показать те реальные земельные категории, которые бытовали в Каратегине в последний период существования бухарского ханства. Однако то, что оказалось сравнительно легким для небольшой, ограниченной территории, значительно сложнее для всего Бухарского ханства в целом, где, — как показывают, с одной стороны, имеющиеся в нашем распоряжении литературные данные и опубликованные рукописные источники, а с другой стороны, полевые материалы, собранные за последние годы, — существовали значительные различия в земельных отношениях по отдельным районам, обусловленные, по-видимому, весьма разнообразными и многочисленными причинами.

Поскольку вопрос об изучении форм землевладения, как говорилось, имеет длительную историю, необходимо здесь хотя бы вкратце остановиться на высказываниях отдельных исследователей.

Уже Н. В. Ханыков указывал, что земля, рассматриваемая как имущество, различается мусульманами по подати, взимаемой с нее. Сам он различает земли ушри и хираджи в соответствии с двумя родами налогов, взимаемых с земли. Вслед за этими двумя категориями он называет мильковые земли, которые обелены от всяких налогов, а затем земли амляковые, по мнению автора, бывшие когда-то мильками, но на которые соответствующая дарственная запись утратилась; однако сохраняются некоторые законные доказательства прежних льгот, поэтому налог с амляковых земель хотя и уплачивается, но в меньшем размере. Автор пытается исторически обосновать наличие указанных категорий земли, связывая их образование с приходом в страну арабов и введением мусульманства.⁶ Как увидим дальше, земельные категории Н. В. Ханыкова, а в особенности его попытки выявить происхождение этих категорий, в значительной степени надуманы; однако не следует забывать, что Н. В. Ханыков посетил Бухару еще задолго до присоединения края к России и самые возможности для исследования у этого крупнейшего востоковеда своего времени были крайне ограничены.

После присоединения Средней Азии к России, как уже отмечалось нами выше, возникла необходимость, в целях упорядочения дела взимания налогов с местного земледельческого населения, разобраться в существовавших в крае нормах землепользования и землевладения. Поэтому первые туркестанские деятели пытались изучить этот вопрос; насколько удачны были эти попытки — можно судить по приведенному выше отрывку из работы А. А. Семенова.

Высказывание одного из первых туркестанских деятелей, оставившего ряд интересных работ, написанных в первые годы присоединения края к России, А. П. Хорошхина,⁷ относительно неясности понятия «мильк» приведено выше; помимо мильков — земель, обеленных от налогов, — А. П. Хорошхин упоминает вакуфные земли, с которых доход шел учреждениям (имеются в виду мусульманские учреждения), остальные земли все облагались земледельческой податью — хераджем, которая составляла от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$ доли урожая.⁸

⁵ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 19.

⁶ Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 114—119.

⁷ А. П. Хорошхин погиб в бою с кокандцами под Махрамом в 1875 г.

⁸ А. П. Хорошхин. Долина Заравшана, стр. 126.

5 Н. А. Кисляков

А. Ф. Костенко подразделяет все земли на хераджи и ушри, первые из которых в основном орошаемые, а вторые — так называемые богарные, т. е. орошаемые атмосферными осадками; с первых платится от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ урожая, со вторых — $\frac{1}{10}$ часть; третью категорию составляют земли хурухалис, не платящие податей.⁹ В своей более поздней работе А. Ф. Костенко называет земли ушри, хераджи и мамлекатные, или амляковые; все они облагаются различными налогами; первые из них суть земли, розданные в качестве поместий завоевателям, вторые — оставленные местному населению, третьи — предоставленные государством в пользование или сданные в аренду; земель хурухалис здесь автор совсем не упоминает, зато называет категорию вакуфных земель.¹⁰ А. Гребенкин для долины Зеравшана приводит подразделение земли на три категории: амляк, мульк и вакф. Первую он считает собственностью ее владельцев, лишь платящих в казну известную часть с действительного дохода. Вторая категория подразделяется в свою очередь на мульк (с которого платили небольшой налог) и мульк-хур (с которого ничего не платили); мульком могла быть земля с уже сидящими на ней производителями или же никем не занятая земля; в обоих случаях мульк являлся даром со стороны эмира какому-либо из его подданных за услуги, причем в первом случае одаряемый имел право лишь на платимые с этой земли подати, во втором случае он становился собственником земли.¹¹ Для Зеравшанской же долины писавший также в первой половине 70-х годов Л. Н. Соболев указывает, что все земли делились на следующие категории: амиляк, вакф, мильк-хераджи, мильк-ушри, мильк-хурри-халис; освобождались от уплаты податей лишь вакфы и земли мильк-хурри-халис, с мильк-ушри берется $\frac{1}{10}$ часть урожая, с мильк-хераджи подать берется по особому расчету. Относительно амиляковых земель автор сообщает, что таких большинство, однако о размерах их обложения он ничего не сообщает; автор прибавляет, что на мильки правительство выдает особый документ, с указанием, на каких правах состоит эта земля, относительно амиляков же сообщает, что по шарияту эти земли передаются другому лицу с ведома правительства, но на самом деле это не соблюдается.¹²

Особая работа посвящена видам земельной собственности М. Ростиславовым. Автор указывает, что на основании шарията вся земля по владению (собственности) подразделяется на два вида: государственную — амляк, частную — мильк; последняя в свою очередь делится на три категории: освобожденную от всяких государственных и иных повинностей — хурри-халис, уплачивающую $\frac{1}{10}$ часть доходов — ушри, отравляющую хераджную повинность хлебом — хераджи. Владельцы собственных земель, или мильков, могут распоряжаться ими по своему усмотрению, владельцы амляков не имеют такого права. Однако автор далее сам же вносит поправки в предложенную им классификацию; так, он утверждает, что поскольку амляковая земля оплачивается полностью всеми видами податей, то она также называется землей хераджи (от херадж — «подать»); названную им в начале категорию мильки-ушри

⁹ А. Ф. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871, стр. 64—65.

¹⁰ А. Ф. Костенко. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа, т. III. СПб., 1880, стр. 9—10.

¹¹ А. Гребенкин. Заметки о видах землевладения в Зеравшанском округе. Туркестанские ведомости, 1873, № 3.

¹² Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. Записки РГО по отделению статистики, т. IV, 1874, стр. 317—319.

в дальнейшем он рассматривает как подразделение мильки-хераджи (которая якобы делится на ушри и даяк, хотя известно, что оба эти названия означают «десятую долю», одно по-арабски, другое по-таджикски).¹³

А. Кун для Шахрисабзского бекства указывает, что все земли делились на мильки хур — земли, находящиеся в пользовании (и, очевидно, платящие налоги); мильки халис — земли обеленные; вакуфные, т. е. завещанные духовным учреждениям.¹⁴ Академик А. Ф. Миддендорф, издавший обширное сочинение по Ферганской долине, формулирует положение в землепользовании и землевладении, встреченное русскими в Туркестане, следующим образом. Вся земля делилась на две категории: а) пустошная или непригодная к земледелию и вследствие этого никому не принадлежавшая, или, другими словами, являвшаяся предметом общего пользования (в качестве пастбищ, участков для сбора топлива и т. п.); б) годная к культуре, которая в свою очередь делилась на невозделанную (находящуюся в распоряжении государства) и возделанную. Далее указывается, что если тот или другой участок земли перестает возделываться, то его владелец теряет на него всякое право. Затем автор указывает, что право владения землей всегда резко отличается от права пользования. Виды владения землей, или мильки, разнообразны. Мильк хура-халис (или чистый мильк) свободен от налогов, он приобретался уплатой государству капитала или посредством уступки государству части земельного владения (ср. ниже материалы, приведенные П. П. Ивановым и О. Д. Чехович). Свободны от налогов также вакфы, или церковные имения. Затем автор называет мильки ушри и мильки херадж, которые облагаются налогами, но которыми их владельцы могут свободно распоряжаться. Все остальные возделываемые земли, которых большинство, А. Ф. Миддендорф рассматривает как лены (мамлякат и амляк); они дают лишь право пользования, и владелец не может ими свободно распоряжаться, хотя они и переходят от отца к сыну; эти земли, облагаемые налогом от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{2}$ урожая, доставляют главное средство существования знати.¹⁵

Упомянем еще автора, писавшего в последние годы XIX в., — Н. Ф. Ситняковского, который, рассказывая о своих впечатлениях при поездке по бухарской части Зеравшанской долины, отмечает резкую разницу между благоустроенными, чистыми и богатыми кишлаками на мильковых землях, освобожденных от всяких налогов (или платящих незначительные), и кишлаками на амляковых землях, а также на землях вакуфных; к этому автор прибавляет, что мильковых земель в области нижнего Зеравшана весьма много.¹⁶

Из числа более поздних авторов, писавших уже в начале XX в., о формах земельной собственности говорит Д. Н. Логофет. Однако, как правильно отмечает А. А. Семенов, Логофет в основном повторяет определение, данное Н. В. Ханьковым, без ссылок на источник.¹⁷ В. И. Масальский, не вдаваясь в подробности вопроса, классифицирует земли на три главных разряда — государственная (амляк), владельческие (мильк)

¹³ М. Ростиславов. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. СПб., 1879, стр. 5—13.

¹⁴ А. Кун. Очерки Шахрисабзского бекства, стр. 230.

¹⁵ А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882, стр. 415—419.

¹⁶ Н. Ф. Ситняковский. Заметки о бухарской части долины Зеравшана. Известия Туркестанского отдела РГО, т. I, вып. 2, 1899, стр. 154 и 159.

¹⁷ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 19.

и земли духовные и благотворительных учреждений (вакф), — причем указывает, что мильки делились на хур, ушри и херадж, в зависимости от их происхождения и обложения налогами.¹⁸ Отметим еще классификацию, данную П. Гаевским в его описании Кургантюбинского бекства. Он пишет, что все земли ханства подразделяются на следующие категории: мильк — земли, свободные от податей, находящиеся в собственности их владельцев; однако, прибавляет автор, таких земель в Кургантюбинском бекстве нет; вакуфные земли — сборы и доходы с них идут на содержание духовенства и религиозно-благотворительных учреждений; таких земель в бекстве тоже нет; земли незапашные и неорошаемые, — они порой числятся за кишлаками, но могут быть возделаны и орошены и тогда отойдут во владения тех, кто их возделает, и с них будет уплачиваться подать эмиру; наконец, земли хераджные, или малиатные (по существу в Кургантюбинском бекстве единственно возделываемые земли), право собственности на которые принадлежит эмиру, а право владения — жителям, уплачивающим эмиру налог — херадж.¹⁹

Академик В. В. Бартольд в своей книге, посвященной культурной жизни Туркестана, рассматривая мероприятия русских колониальных властей, касается также и вопросов, связанных с землепользованием и землевладением. В этой связи он указывает, что в среднеазиатских ханствах, как и во всем мусульманском мире, существовал институт свободных от податей частных владений, которые носили название мильк-и-хурри халис, или сокращенно просто мильк. Далее автор отмечает, что русскими исследователями мильки противопоставлялись землям амляк, хотя второе слово лишь множественное число от первого. Однако термином «мильк» обозначался исключительный, термином «амляк» — обычный тип землевладения; эта последняя земля считалась в теории собственностью государства, но фактически находилась в бессрочном и наследственном пользовании обрабатывающих ее лиц, которые свободно распоряжались ею. В. В. Бартольд указывает, что по распоряжению Кауфмана мильковые земли стали облагаться податями наравне с амляковыми (здесь речь идет, конечно, о землях, вошедших в территорию Туркестанского края). Автор подчеркивает тот факт, что мильки все же не составляли крупных землевладений; так, например, обстоит дело в Ферганской долине. Что касается долины Зеравшана, то В. В. Бартольд отмечает, что число мильков в Самаркандском районе значительно меньше, чем в Бухарском, и что отмена милькового права в Самаркандском районе, вошедшем в состав русских владений, не вызвала никаких волнений. В качестве примера сравнительно крупного земельного собственника В. В. Бартольд приводит в Амударьинском отделе некоего Матнияза, единственного, права которого на землю были утверждены Кауфманом; его земли составляли немногим более тысячи десятин.

Помимо мильков и амляков, В. В. Бартольд называет еще вакфы, указывая, что некоторые вакуфные владения были довольно велики.²⁰

Следует отметить, что все вышеназванные авторы, включая и академика В. В. Бартольда, специально не занимавшегося вопросами землевладения, особенно последних столетий, не имели дела с земельными документами, большое количество которых собрано в архивах и, вероятно,

¹⁸ В. И. Масальский. Туркестанский край, стр. 417—418.

¹⁹ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 63—64.

²⁰ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 187—188, 193—194, 247.

еще большее количество находилось на руках у населения, обычно бережно сохраняясь и передаваясь по наследству. Значение такого рода документов трудно переоценить, так как в них засвидетельствованы определенные сделки на землю, земельные пожалования, а также указываются права и обязанности земледельцев и землепользователей. Однако нельзя основываться только на этих документах и строить на них одних изучение земельных отношений, поскольку, как известно, они отражают главным образом юридические нормы, а в условиях мусульманского Востока — нормы, согласующиеся с шариатом. Как нельзя более наглядно об этом свидетельствует юридическая уловка, выражавшаяся термином «сукнийат».

Один из крупнейших советских исследователей в области новой истории Средней Азии, П. П. Иванов, рассматривая вопрос о государственных землях, указывает, что земли эти не подлежали ни продаже, ни дарению, ни завещанию. «Фактически, однако, — пишет П. П. Иванов, — сделки купли-продажи земель мемлеке совершались постоянно, как об этом свидетельствуют наши документы. В целях узаконения такого рода порядка, при наличии которого только и могла быть обеспечена беспрепятственная обработка земель мемлеке, а следовательно, и поступление с них налога — ренты, мусульманскими законодателями была выдвинута, как известно, концепция, согласно которой все сделки на куплю-продажу такого рода земли рассматривались в качестве сделок не на самую землю, а на то, что сделано было на ней личным трудом владельца, например произведена посадка деревьев, возведены постройки, проведены оросительные каналы и т. д. Все такого рода постройки, сооружения, насаждения, вплоть до посевов... на не принадлежащей юридически владельцу государственной земле обозначались в наших документах „сукнийат“». ²¹

При изучении земельных документов следует все время помнить об этом обстоятельстве.

Лишь в советское время началось изучение земельных отношений в Средней Азии с привлечением соответствующих архивных документов. Начало этому исследованию положено трудами П. П. Иванова. По вопросу о земельных отношениях мы находим сведения и высказывания в основном в трех его крупных работах; одна базируется главным образом на нарративных источниках, ²² другие две — на архивных документах хозяйственного характера, различных списках, дарственных грамотах, актах купли-продажи земли и т. п.; первая из этих двух работ связана с Хивинским ханством, ²³ вторая — с Бухарским. ²⁴ Все эти три работы представляют выдающийся интерес для наших целей, поскольку земельные отношения в Хивинском ханстве в значительной степени были схожи с таковыми в Бухарском ханстве.

В своей работе, посвященной восстанию китай-кипчаков, П. П. Иванов касается социально-экономических и, в частности, земельных отношений в первой четверти XIX в. в Бухарском ханстве. Он отмечает, что все земли в Бухаре делились на три основные категории: государственные (мемлеке-и-султани), частновладельческие (милък-и-хусуси) и ва-

²¹ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954, стр. 32—33.

²² П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков..., стр. 15—22, 33—38.

²³ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Изд. Гос. публичной библиотеки, Л., 1940; см. также его более раннюю статью: «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана Хивинского (1856—1865). Записки Института востоковедения АН СССР, т. VI, 1937, стр. 27—59.

²⁴ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 22—48.

куфные. Он указывает при этом, что такая же структура земельной собственности существовала в Хивинском и Кокандском ханствах и что она была характерна не только для данной эпохи, но и для предыдущего и последующего времени. П. П. Иванов отмечает, что «определить с какой бы то ни было точностью удельный вес каждой из указанных категорий земель при эмире Хайдаре нет возможности», так как соответствующие аграрные документы не исследованы. Автор характеризует каждую из трех указанных категорий. Он пишет, что большая часть государственных земель была во владении крестьян, которые уплачивали непосредственно государству налог-ренту; земля эта находилась у крестьян на правах как бы пожизненной аренды, они передавали ее по наследству и даже могли продавать. Эти государственные земли были главным источником, из которого пополнялся фонд земель частновладельческих, последние автор называет мильками, или амляками; они составляли собственность местной знати, возникали они в силу ханских пожалований, но могли затем отчуждаться и входить в общий оборот наравне с другим государственным имуществом. Относительно вакуфных земель автор говорит, что число их в рассматриваемый период значительно возросло.²⁵ Иногда частновладельческие земли образовывались вследствие того, что их собственник сделал их пригодными для обработки путем орошения: в таких случаях он нередко освобождался и от уплаты в казну налогов с данной земли.²⁶

В работах, посвященных рассмотрению земельных отношений в Хиве, также относящихся к XIX в., П. П. Иванов указывает, что основную категорию земель в ханстве составляли земли государственные и мемлеке-и-падшахи, несколько позднее называвшиеся мемлеке-и-падшалык; эти земли юридически были арендованы их владельцами у государства, и с них уплачивали в казну поземельный налог деньгами — салгыт. Частновладельческие земли, освобожденные от всякого рода феодальных повинностей, назывались малек-и-халиси и мазра-и-хусуси. Наконец, третью категорию составляли вакуфные земли.²⁷

Большой интерес для нашей темы представляют суждения П. П. Иванова по вопросам землевладения и землепользования в связи с его описанием архива джуйбарских шейхов, относящегося к Бухаре более раннего периода, а именно к XVI—XVII вв.

Как сообщает автор, документы джуйбарских шейхов, крупных земельных магнатов своего времени, показывают, что наиболее распространенной на всей территории Бухарского ханства была категория земель, называвшихся мемлеке-и-падшахи или мемлеке-и-султани (или, наконец, просто мемлеке). Это государственные, казенные земли, верховным собственником которых юридически был глава государства. Владельцы этих земель (крестьяне) являлись лишь арендаторами и юридически не имели права распоряжаться этой землей; однако это правило обходили с помощью сукнийат, т. е. земля продавалась, завещалась и т. п. под видом продажи и завещания находившегося на ней имущества и даже посевов. Как показывают документы из архива джуйбарских шейхов, наряду с указаниями на то, что на землях мемлеке обычно сидели крестьяне, значительное количество этих земель скупалось и крупными землевладельцами, в частности джуйбарскими шейхами, которые, по-видимому,

²⁵ П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков..., стр. 33—35.

²⁶ Там же, стр. 16.

²⁷ П. П. Иванов. «Удельные земли»..., стр. 41 и след.; см. также: Архив хивинских ханов XIX в., стр. 24.

затем сдавали их от себя в аренду непосредственным производителям — крестьянам, работавшим уже в качестве издольщиков. Таким образом, говорит автор, на этом примере мы можем убедиться, что «на данной категории земель, составлявших формально собственность верховной власти, между этой властью и непосредственными производителями существовало еще посредствующее звено в лице крупного землевладельца». Далее он пишет: «Таким образом, здесь налицо типичная для феодализма раздробленная и иерархическая форма земельной собственности».²⁸

Затем автор переходит к характеристике так называемых земель мульк. Однако вопрос о мульках в изложении автора, что безусловно зависит и от состояния самих источников, очень сложен.

Прежде всего П. П. Иванов говорит о мульковых землях как об особой категории, под которой «подразумевались земли, составлявшие безусловную, т. е. не связанную службой хану, частную собственность отдельных феодалов и других лиц, свободно отчуждаемые и передаваемые по наследству. Подавляющее большинство мульковых земель во второй половине XVI в. ... было сосредоточено в виде крупных земельных массивов в руках представителей высшей феодальной знати...».²⁹ Эти землевладения, по словам автора, возникали вследствие ханских пожалований, приобретались путем оживления «мертвых» земель и покупкой. Мульками же назывались, говорит автор, удельные земли правящей династии.³⁰ Приводя все эти рассуждения о мульках, автор здесь прямо не говорит, каковы были эти мульки с точки зрения уплаты налогов или освобождения от них, речь об этом идет дальше, однако можно полагать, что охарактеризованные выше мульки, во всяком случае такие, которые составляли земли правящей династии, были освобождены от уплаты различных налогов.

Далее П. П. Иванов говорит: «Было бы неправильно, однако, представлять себе на основании изложенного, что понятие мульковых земель ограничивалось исключительно крупным землевладением местных феодалов».³¹ В подтверждение этого положения автор приводит пример продажи одним лицом (сыном мауляна) своей земли, размером около 30 тапапов, в трех небольших участках. «Таким образом, под мульком могла пониматься и земля непосредственно производителя, если она была его собственностью и ни от кого не зависела».³² Тут же приводятся и другие примеры; автор говорит, что мелкое мульковое землевладение существовало, хотя удельный вес его был ничтожен. Однако автор отмечает, что под термином «мульк» понимались не только земли сельскохозяйственного значения, но и городские земли, бывшие, например, под лавками, мастерскими, усадебными постройками и т. п.

Переходя к вопросу о налоговом обложении, автор отмечает, что в изученных им документах этот вопрос остается почти совершенно не затронутым и существуют лишь некоторые общие указания косвенного характера. «Непременным условием для перехода обыкновенного мулька в категорию мульков „очищенных“ („обельных“) являлось специальное постановление верховной власти, обычно оформлявшееся в виде особой пожалованной грамоты, выдававшейся на имя владельца мулька». Такие «обельные» земли назывались мульк-и хурр, или мульк-и халис (т. е. «мульк очищенный»). Поскольку сведения об обелении мульков в источ-

²⁸ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 32—33.

²⁹ Там же, стр. 40.

³⁰ Там же, стр. 40—41.

³¹ Там же, стр. 41.

³² Там же.

никах встречаются довольно редко, можно полагать, что фонд земель этой категории был вообще невелик.³³

Затем П. П. Иванов приводит любопытный пример своеобразной сделки между одним крупным кази (судьей) г. Самарканда и представителем бухарской верховной власти. Владея большим количеством как орошаемой, так и неорошаемой земли, этот кази заключил соглашение о том, что $\frac{3}{4}$ своей земли он передает в распоряжение государства, за что оставшаяся у него $\frac{1}{4}$ его прежних земельных владений превращается в обеленный мулк. Автор приходит к выводу, что такого рода сделки следует рассматривать как «одновременную уплату собственником мулька всех причитающихся с него в пользу государства налогов и ренты вперед на все будущее время» и что на этом основании можно прийти к заключению, что «доля государства может достигать до $\frac{3}{4}$ общей стоимости земли, а следовательно и приносимого ею урожая».³⁴

Кроме перечисленных, П. П. Иванов упоминает также о категории вакуфных земель.

Несомненно огромное значение для изучения вопросов землевладения и землепользования в Бухарском ханстве имеют документы, или, как они названы, «акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв.», опубликованные О. Д. Чехович.³⁵ Автор посвящает публикуемым документам небольшую вводную статью, в которой подчеркивается факт концентрации больших массивов земли в руках крупных феодалов. В сборнике имеются документы, говорит автор, свидетельствующие об освобождении крупных земельных магнатов (каким был, например, в XVII в. Ялангуш-бий) от налогов с их земель, что оформлялось посредством особого ханского указа. Такие крупные феодалы проявляли энергичную деятельность, чтобы еще больше увеличить свои владения, скупая находящиеся по соседству с этими владениями земли вместе с сидящими на них крестьянами. «Как видно из документов, — говорит О. Д. Чехович, — земли могли приобретаться путем наследования, покупки за деньги, а также путем превращения государственных земель в обеленные частные имения. В первых двух случаях переходила в другие руки уже ранее существовавшая частная земельная собственность, и только в последнем случае мы имеем возможность наблюдать ее образование».³⁶

Далее автор приводит примеры (аналогичные вышеуказанному примеру в работе П. П. Иванова), свидетельствующие, что в целях обеления своих земель крупные земельные собственники отдавали часть их в распоряжение государства. Так, в одном из документов указано, что Имамкули-хан продал за 15 000 таньга одному крупному сановнику земельные угодья с селениями на них и что проданные земли были ранее государственным, или замиши мамлака. После этого говорится, что Имамкули-хан принял обратно от покупателя два из трех проданных участков земли «взамен полагавшегося по закону поземельного налога (харадж)» с земель третьего участка и вследствие этого последний впредь становится милки хурр (обеленное свободное имение) и подлежит освобождению от налогов. В сборнике приводится целый ряд других документов, свидетельствующих о том, что подобным же образом поступали и последующие бухарские ханы и эмиры Аштарханидской и Мангытской династий.

³³ Там же, стр. 45.

³⁴ Там же.

³⁵ Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. 1. Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович. Ташкент, 1954.

³⁶ Там же, стр. XV.

Перечисляя множество подобных фактов, О. Д. Чехович высказывает предположение, что, вероятно, в ряде случаев такие сделки были чисто фиктивными и по существу здесь имела место не продажа земли, а пожалование земель (подарок), потому что в соответствующих документах упоминаются не деньги, уплаченные за землю, а «экземпляр Корана». «По-видимому, — прибавляет автор, — купленная земля считалась более прочной собственностью, чем пожалованная, и потому феодалы старались оформлять получение государственных земель казийскими документами, в которых ханы выступают как продавцы».³⁷

О. Д. Чехович подчеркивает, что многочисленные документы, начиная с XVI и вплоть до XIX в., — в частности, купчие и ханские (эмирские) указы, — свидетельствуют о том, что на протяжении всего этого времени крупные массивы государственных земель постепенно переходили в руки частных собственников. Автор считает, что в Бухарском ханстве крупные феодальные земельные владения, так называемые милки халис, значительно расширились за счет государственных земель, причем расширились в основном именно указанным путем, т. е. путем получения от государства земли и последующего возвращения двух третей (или другой значительной части) обратно и обеления остающейся одной трети. О. Д. Чехович, ссылаясь на один из нарративных источников, а именно на «Убайдулла наме», говорит о том, что таким путем была значительно подорвана широко распространенная ранее система ленного пожалования, так называемого танхо,³⁸ о котором нам предстоит говорить в дальнейшем.

Необходимо остановиться еще на одной работе, в значительной степени основанной на земельных документах, по уже относящихся к последнему периоду существования Бухарского ханства. Имеется в виду работа А. А. Семенова, которую мы уже цитировали в начале настоящей главы. Автор, приводя в тексте своей работы ряд соответствующих документов, считает, что все мюльковые земли подразделялись на три вида. Первые из них — это мюльк-и-хурр-и-халис, или обеленные от налогов земли, на что существовали определенные (время от времени вновь подтверждаемые) грамоты эмира; земли эти в свое время были пожалованы за заслуги, обычно из незанятых, впусе лежащих или выморочных земель, или же искони принадлежали владельцу (и его предкам) и были обелены; земли эти были в полном распоряжении их собственника, который мог поступать с ними по своему усмотрению, причем даже в случае продажи или завещания этих земель другому лицу это обеление оставалось в силе; если на таких землях сидело податное население, то все налоги оно платило их владельцу. Второй вид мюльков был мюльк-и-хараджи, или так называемые хераджные земли; сидевшие на них владельцы уплачивали подать государству в виде определенной суммы или части урожая, в то же время они могли свободно распоряжаться этими землями. Третий вид мюльков — это мюльк-и-'ушри, сравнительно небольшое количество земель, как пишет автор, были во владении первых арабских конкистадоров, потомков пророка и первых халифов, вследствие чего они облагались менее обременительными податями, обычно в размере $\frac{1}{10}$ части доходов; этими землями их владельцы также могли свободно распоряжаться — продавать, завещать, передавать по наследству и т. п.³⁹

³⁷ Там же, стр. XVIII.

³⁸ Там же, стр. XIX—XX.

³⁹ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства... стр. 9—24.

Помимо трех видов мюльков, существовали амляковые земли — замин-и-амляк. Автор считает, что эти земли были образованы из втупе лежащих пустынных земель, которые правителем страны были предоставлены населению с правом орошения и обработки, с уплатой налога, по размерам своим превышающего налог с хераджных земель, — поскольку, по толкованию законододов, с хераджных земель бралась плата только за воду, а с амляковых — за землю и воду; амляковые земли также могли быть предметом разных гражданских сделок, но вместе с тем они составляли также объект разного рода пожалования со стороны государства, сдачи в аренду и прочих временных видов вознаграждения.⁴⁰

Земли, изъятые из гражданского правооборота, так называемые вакуфные земли, составляли четвертую категорию земель ханства; обычно по завещанию они находились в собственности мечетей или мусульманских духовных школ и весь доход с них шел в пользу этих учреждений. Наконец, пятую и последнюю категорию земель составляли земли неорошенные и необработанные, которые охотно предоставлялись государством всякому желающему под обработку, но обычно удаленные от селений или малопригодные; такие земли назывались эмирскими — замин-и-подшохи, замин-и-султони, замин-и-амири.⁴¹

Новейшие сводные работы по истории народов Средней Азии не вносят чего-либо нового в приведенный выше материал. В «Истории народов Узбекистана» мы встречаемся с уже знакомыми нам в изложении дореволюционных авторов категориями — амляк, мильки-хурри-халис, мильки-херадж и т. п.⁴² Во втором издании этого труда, где соответствующий раздел написан О. Д. Чехович, мы находим лишь указание на то, что существовали государственные земли — амляк (мамляка, мамляка-и-падшахи, падшалык), часть которых с течением времени была роздана крупным феодалам и в результате определенных сделок превращалась в обеленные имения, именовавшиеся мильки-хурри-халис.⁴³

Б. Г. Гафуров в своей «Истории таджикского народа» указывает, что земли Бухарского ханства делились на следующие юридические категории: казенные (амлячные), удельные (эмирские), церковные (вакуфные) и частновладельческие (мюльковые); что подавляющее большинство земель принадлежало к первым двум категориям, частновладельческих же земель было немного.⁴⁴

Как видно, большинство исследователей, основываясь главным образом на тех юридических понятиях, которые имели место среди коренного среднеазиатского населения в отношении классификации земель, приходило и приходит к выводам, которые можно формулировать примерно следующим образом.

В Средней Азии до русского завоевания, а после него — в полунезависимых среднеазиатских ханствах существовала основная категория земель, принадлежавшая государству (которое обычно олицетворялось в особе эмира или хапа) и называвшаяся амлюковой (амляковой), амлок (амляк, у Миддендорфа — мамлякат); эта земля была во владении или в пользовании непосредственного производителя — крестьянина, который обрабатывал ее и собирал с нее урожай, отдавая некоторую его часть в натуральной или денежной форме государству; поскольку эмир или же

⁴⁰ Там же, стр. 9, 25 и след.

⁴¹ Там же, стр. 36—41.

⁴² История народов Узбекистана, т. II. Ташкент, 1947, стр. 144—145.

⁴³ История Узбекской ССР, т. I, книга вторая. Ташкент, 1956, стр. 16.

⁴⁴ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа..., стр. 440.

государство в его лице являлось верховным собственником земли, то этот налог следует рассматривать как феодальную земельную ренту.

Затем следуют так называемые мильковые, или мульковые земли, которые большинством исследователей подразделяются на собственно мильки, называемые также часто мильки хурр или мильки халис (иногда мильки хурру халис), мильки херадж и мильки ушр; при этом обычно считалось, что собственно мильки, или мильки хурру халис, являлись безусловной частной собственностью их владельцев, с которой они не платили государству никаких налогов. Что касается земель мильки херадж и мильки ушр, то в отношении этих земель не сложилось определенного мнения; все сходится на том, что с этих земель уплачивались налоги, причем с мильки херадж платили более высокий налог, чем с мильки ушр, — исторически это объяснялось льготами, которыми пользовались некоторые слои населения (по А. А. Семенову, мильки ушр предоставлялись потомкам арабских конкистадоров и т. п.). Таким образом в отношении обложения налогами эти две категории мильков — херадж и ушр — не отличаются по существу от амлоковых земель. Вышеупомянутые авторы видят разницу между этими категориями мильковых земель и землями амлоковыми в том, что первые являются собственностью их владельцев и они могут распоряжаться этими землями по своему усмотрению; но мы видели из того же обзора, что и амлоковыми землями фактически можно было свободно распоряжаться, при этом, как было сказано выше, часто прибегали к форме сукнийат.

Особое место в классификации земель всеми упомянутыми авторами занимает категория вакуфных земель, отчужденных в пользу духовных учреждений. Однако правовое положение этих земель также не совсем ясно, в частности неясен вопрос о том, облагались ли эти земли какими-либо налогами и сборами в пользу государства.

Исследователи, основывающие свои суждения на документах, высказываются менее категорически. Так, П. П. Иванов, констатируя наличие земель амлоковых (которые, как он пишет, в документах называются мемлеке-и-султани) и вакуфных, в отношении мильков, как было показано выше, судит очень осторожно. Он отмечает наличие мильковых земель, с которых взимались налоги, и говорит о том, что эти мильки могли «переходить в категорию обеленных», другими словами — признает две категории мильковых земель. С другой стороны, мы видели, что мильк, даже необеленный, он считает частной собственностью, в отличие от земель мемлеке (амлок), которые являлись собственностью государства. О. Д. Чехович интересуется, в основном, обеленные мильки, пожалованные феодалу эмиром или ханом, хотя ею же приводится известное письмо бухарского кушбеги российскому политическому агенту в 1912 г., где земли Бухары подразделяются на мильки хурру халис, мильки херадж, амлок и вакф.⁴⁵

Как нам представляется, некоторые коррективы в исследование вопроса вносит изучение фактического положения дел на месте; что возможно лишь методами полевой этнографической работы, путем расспроса хорошо осведомленных о прошлом пожилых людей. При этом, вследствие большого многообразия форм землевладения и землепользования, материал, по-видимому, следует излагать детализированно, по районам.

Начнем с восточных районов Бухарского ханства. Во время нашей полевой работы на территории бывшего Каратегинского бекства был записан следующий порядок землепользования и землевладения в прошлом.

⁴⁵ Документы к истории аграрных отношений..., стр. XVIII—XIX.

Все частновладельческие земли, принадлежавшие как крестьянству, так и феодальному сословию, независимо от того, были ли они обложены налогами или нет, носили общее название *мильк* (по-местному *мульк*, *мыльк*) и подразделялись в зависимости от способа получения их владельцем на *мильки мавруси*, или *мильки падари* (т. е. наследственные или бывшие собственностью отца, деда), *мильки зархарид* (т. е. приобретенные покупкой, буквально «купленные за золото») и *мильки альмакап* (т. е. поднятые их владельцем, буквально «распаханная целина»). Таким образом, все эти *мильки* подразделялись на три вида в зависимости от их происхождения, т. е. способа получения непосредственно данным владельцем. При этом нужно отметить, что с точки зрения налогового обложения все они подразделялись (совершенно независимо от их происхождения) на две группы. Те из них, которые находились во владении бухарского чиновничества, начиная с самых низких чинов и включая даже так называемых мелких административных поручения, освобождались от уплаты всяких налогов. Все же остальные *мильки*, бывшие во владении широких масс крестьянства, облагались налогами и различными сборами. Эти факты как нельзя лучше говорят о том, что, во-первых, обеление земли, т. е. по существу переход ее из категории облагаемых налогом земель в категорию необлагаемых, зависело всецело от социального положения ее владельца, — известно, что когда чиновника лишали чина, это влекло за собой переход его земли в разряд облагаемой, и наоборот; во-вторых, принципиальной разницы между обеими категориями *мильков* не существовало: в обоих случаях ее владелец пользовался землей, с которой налог-рента подлежал отчислению государству, и разница была лишь в том, что с тех земель, которыми владели чиновники, этот налог-рента оставался в их пользу, он являлся как бы вознаграждением со стороны государства «за службу»; в-третьих, земли, называвшиеся в Каратегине *мильк*, по существу соответствовали тем землям, которые официально, в частности в документах, именовались *амлок*, и это вполне закономерно, поскольку в представлении местного населения, хотя верховным собственником земли и являлся эмир, земля находилась во владении и распоряжении частного лица, вне зависимости от того, являлся ли он непосредственным производителем — крестьянином или представителем местной знати, чиновником и т. п., не обрабатывавшим землю собственными руками.

Помимо этой основной категории земель — *мильк*, или *амлок*, в Каратегине были также земли *вакуфные*, затем так называемые земли *мирские* (*мири*) — сравнительно небольшие участки, обычно обрабатывавшиеся для пужд бека и его двора; об общественных землях — различных пастбищах, пустошах, лесных участках и пр. — будет подробно сказано в следующей главе.⁴⁶

Следует отметить, что таковы не только наши наблюдения, для этих районов, но также и наблюдения других новейших исследователей. Так, например, М. Р. Рахимов, прекрасный собиратель полевого материала и сам местный уроженец, в своей работе, касающейся территории бывшего Дарвазского бекства, присоединяется к нашей классификации земельных категорий, несколько расширяя ее и дополняя различными подробностями. Он также подразделяет все земли на шахские (*мирские*) земли, *вакуфные* земли, *мильки* и *общинные* земли.

⁴⁶ Ср.: Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 153—157.

В отношении мельков он пишет следующее: «Все остальные частновладельческие земли (после мирских и вакуфных, — *Н. К.*) назывались арабским термином „мульк“, или „мельк“ (в местном произношении „мылк“). Эти земли, как выше упомянуто, на местных диалектах назывались по-разному, в зависимости от способа приобретения: „зыминни хьди“ — собственные земли, свои земли; „мылки падари“ — отцовские владения; „мылки бобиги“ — дедовское владение; „мылки мириси“, или „мавриси“, — наследственное владение, „хок“ — земля, имение, двор, родина; „хоки падари, боби“ — отцовская и дедовская земля, и т. д. Земли эти переходили по наследству. Владельцы имели полное право продавать их, отдавать в залог — „гарав“, сдавать в аренду — „иджора“, передавать кому-либо во временное пользование — „орият“. В бассейне р. Хингоу и во всем Дарвазском бекстве земли „падари, бобиги“ находились в частном владении коренного населения, независимо от того, являлся их владелец простым крестьянином, ишаном, шейхом, муллою или чиновником. Каждый, кто снимал урожай со своей земли, если он не был освобожден от всех налогов, податей и повинностей, платил миру $\frac{1}{10}$ часть от всего урожая, называемую „ушр“». ⁴⁷

Один из молодых исследователей, изучавший социальные отношения в Гисарской долине в прошлом, отмечает, что основной категорией земли была земля амлоковая, закрепленная за земледельцами — крестьянами; помимо нее были эмирские земли, общинные земли и земли вакуфные; были и обеленные мельки, однако эмир бухарский всячески препятствовал их увеличению, рассматривая Гисар, как и всю вообще Восточную Бухару, в качестве колонии, которая должна была давать средства на содержание чиновников и эмирского двора. ⁴⁸

Такую же картину для Восточной Бухары рисует Б. Карп, в конце 20-х годов руководивший обследованием социально-экономических отношений в кишлаке; в материалах обследования указывается даже процентное соотношение различных категорий земли для Восточной Бухары: эмирские земли составляли 12.1%, мельки хурру халис, т. е. обеленные мельки, — 1.6%, вакфы — 24.2% и амлоковые земли (т. е. те земли, которые в Каратегине и Дарвазе назывались мельк, мельки падари, бобиги) — 55.8%. ⁴⁹ Здесь очень характерно то обстоятельство, что если для Каратегина и Дарваза мы вообще не встречаем категории мельки хурру халис, то во всей Восточной Бухаре она составляла немногим более $4\frac{1}{2}\%$ всех обрабатываемых земель, т. е. фактически встречалась как исключение. Вспомним также свидетельство П. Гаевского, обследовавшего Кургантюбинское бекство перед самой революцией, который указывает на отсутствие в бекстве мельковых земель, свободных от подати, и на то обстоятельство, что по существу в бекстве была единственная категория возделываемой земли — хераджная, или малиатная.

Амлоковые земли, о которых говорят Хамраев и Карп, точно так же, как и земля хераджная (у Гаевского — малиатная), ничем по существу не отличаются от мельковой земли в Каратегине и Дарвазе, которая находилась во владении крестьян и других лиц и с которой платились налоги. Мы даже склонны выразить сомнение в том, что сами землевладельцы, говоря о своей земле, называли ее амлоковой, хераджной или малиатной (эти понятия скорее характеризуют тот факт, что с этой земли

⁴⁷ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 92.

⁴⁸ М. Хамраев. Очерки..., стр. 49—58.

⁴⁹ Б. Карп. Краткий очерк производственных отношений в сельском хозяйстве Таджикистана. Сб. «Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане», Душанбе—Ташкент, 1930, стр. 19.

уплачивались налоги), и, напротив, допускаем, что термин «мильк» употреблялся крестьянами также в Гисаре и Курган-Тюбе, когда речь шла о земле как об их владении.

Произведенные нами расспросы пожилых людей в различных местах Гисарской долины несколько дополняют изложенное выше. Об обеленных мельках большинство информаторов не слыхало. Так, например, жители кишлака Рохаты заявили, что в их селении обеленных земель (мельки хурр) не было; в соседнем селении Милкан, где проживали ишаны, последние со своих земель платили налог в меньшем размере, чем обычно крестьяне.⁵⁰ В том же селении Рохаты группа стариков рассказала, что мельками называли сады, огороды, т. е. более ценные плодородные участки, которые обычно продавали, покупали и завещали по наследству; с такой земли брали по 20 танга с одного танана. Пахотная же земля вся была богарная, она называлась подшой или амлок и была закреплена за определенными лицами, которые уплачивали с нее налог в размере $\frac{1}{10}$ части стоимости урожая по базарным ценам. Вероятно, в силу того, что этой земли было много и, как неорошенная, она не представляла собой ценности, ее никто не продавал и не покупал; каждый мог взять участок и распахать его, если же он в течение трех лет ее не обрабатывал, то этот участок могло занять под обработку другое лицо.

Как видим, перед нами и в том, и в другом случае облагаемая земля, причем в связи с наличием большого количества свободных земель, расположенных в предгорьях за кишлаком, богарные посевы не закреплялись навечно за владельцами.

Примерно с таким же положением мы столкнулись в кишлаке Чорбог Варзобского района, недалеко от Душанбе, где река Варзоб выходит на равнину и высокие горы сменяются предгорьями с мягкими, доступными для обработки склонами.⁵¹

Земля, которой пользовались крестьяне, была подшой, с нее брали херадж — $\frac{1}{10}$ урожая и другие сборы. Землю эту не продавали и не покупали, она по наследству официально тоже не переходила. Если кто-либо переставал обрабатывать свою землю, то ее мог без всякого спроса взять другой, спор по этому поводу не было, так как земли было много. Дом и сад были в частном владении, но садов было очень мало, их продавали и передавали по наследству. Такие же порядки были ниже, в других кишлаках долины. Напротив, вверх по долине, в горных местах, в селениях Варзоб, Зидди и других земля находилась в частном владении, покупалась и продавалась, переходила по наследству, так как земли было мало и для ее освоения затрачивалось много труда; земля в этих кишлаках называлась мельки падари.

Большое селение Каратаг расположено в узкой долине Каратаг-Дарьи, ограниченной мягкими горными склонами (адир). На этих склонах располагаются богарные земли Каратага, которые являлись амлоковыми; с этих земель в качестве налога брали $\frac{1}{10}$ урожая. По словам информатора, если лицо, пользующееся этой землей, ее забрасывало, то ее могло обрабатывать другое лицо. Но бывало и так, что если кто-либо засеивал землю без разрешения, — скажем, землю умершего владельца, — то наследники последнего могли предъявить претензии и даже забрать весь урожай себе, оставив занявшему лишь его семена. Однако, если земля

⁵⁰ Полевые записи от Суфи Зиё.

⁵¹ Полевые записи от Роби Курбонова (1958 г.).

оставалась 2—3 года необработанной, то с разрешения амлокдора ее можно было взять для обработки.

Поливной земли было очень мало; это небольшие участки, окруженные изгородью — хаят, по $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ мана. Эти участки считались частными владениями крестьян, с них налогов не платили. Каких-либо других участков земли большего объема, которые подходили бы под категорию: мильки хурр, или херадж, в кишлаке не было.⁵²

В селении Нура Регарского района, расположенном в самом центре Гисарской долины, земля делилась на поливную (оби) и богарную (лальма); с поливной земли брали от $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{5}$ урожая, с богарной — $\frac{1}{10}$ урожая. Продавали только приусадебные участки под видом продажи дома, пахотная земля не покупалась и не продавалась, ее всякий мог обрабатывать, если прежний владелец забрасывал ее или не имел сил обработать. Часто в последнее время практически такие земли захватывали баи и затем сдавали от себя издольщикам.⁵³

Горные пастбища находились в общественном пользовании отдельных кишлаков, практически последнее время ими тоже стали пользоваться баи для выпаса своих стад и фактически закрепляли их за собой.

Вакуфной земли, по собранным сведениям, было в Гисарской долине не много. Так, например, недалеко от селения Рохаты участок вакуфной земли принадлежал мазару Мавлоной Чархи, землю обрабатывали окрестные крестьяне, которые отдавали $\frac{1}{10}$ урожая в пользу мазара.

Аналогичный порядок отмечен нами и в долине Сурхана, в Шурчинском районе Сурхандарьинской области. Здесь, например, в селении Карлук земля также была оби и лальма, последней было больше, на ней сеяли пшеницу и ячмень; эти земли назывались амлоковыми, с земли оби брали $\frac{1}{7}$ урожая, с лальма — $\frac{1}{10}$ урожая. Мильками называли здесь приусадебные участки, так же как это уже отмечалось для селения Рохаты; с них брали потанашно, в зависимости от возделываемой культуры, по 10—20 таньга.

В горах и предгорьях имелись свободные земли, так называемые подшой, значительная часть их использовалась под пастбища; эти пастбища были распределены между кишлаками, иногда из-за пастбищ бывали межкишлачные недоразумения и ссоры.⁵⁴

В горных районах Кашкадарьинской области, в верховьях Кашкадарьи мы встречаемся с положением, близко напоминающим подобное же в горном Каратегине. По нашим расспросным сведениям, в кишлаках Кизыл-Имчак и Гилян Миракинского района в дореволюционное время крестьянская земля называлась мильк; эту землю обычно подразделяли в зависимости от способа ее получения на мильки падари, если земля перешла от отца, мильки зархарид, если она была куплена; вновь распаханную целину здесь называли не яльмкан, как в Каратегине, а в Кизыл-Имчаке — мильки седара (буквально «милек трех долин», вероятно, по названию местности), в селении Гилян — мильки джамаль-обод (также, возможно, по названию местности); мильки мироси (буквально «наследственный милек») называлась земля, доставшаяся от отца жены. Со всех этих земель крестьяне отдавали государству $\frac{1}{10}$ часть урожая. Пригодной к обработке земли было, по-видимому, ограниченное количество.

⁵² Полевые записи от Бобо Халима Мукимова (1959 г.).

⁵³ Полевые записи от Курбана Камолова и Дона Назарова (1958 г.).

⁵⁴ Полевые записи от Исака Якшанбаева (кишлак Калук, 1958 г.).

Все пастбищные угодья считались общественными — умуми, также и участки, на которых заготавливалось топливо.⁵⁵

В районе указанных кишлаков были и вакуфные земли, но их было немного. Так, в кишлаке Гилян имелось около четырех тананов вакуфной земли, принадлежащей мечети, доход с этой земли расходовался на ее содержание. Среди угодий кишлака Кизыл-Имчак было некоторое количество земли (размера ее выяснить не удалось), составлявшей вакф самаркандских духовных учреждений.

Несколько иначе обстояло дело в равнинных районах, расположенных по нижнему течению Кашка-Дарьи, где воды было мало и местность носила полупустынный характер. Здесь урожай зависел от искусственного орошения, все время нужно было поддерживать в порядке ирригационную сеть: лишь там, куда доходила вода, можно было обрабатывать землю. Если и производились посевы под дождь, то их было немного. По расспросным сведениям,⁵⁶ земля здесь в основном была амлоковая, с которой ее владельцы уплачивали налог в размере от $\frac{1}{10}$ до $\frac{3}{10}$ урожая. Помимо пахотных полевых участков, были еще так называемые хаят, т. е. как бы приусадебные участки, обнесенные глинобитными стенами — дувал, на которых сеяли люцерну, сажали арбузы; с хаятов взимался главным образом потананый налог, в зависимости от ценности высеваемой культуры. Что касается полевой земли, то во многих селениях вплоть до революции (и даже в первые годы Советской власти) сохранилось общинное пользование этой землей с ежегодными переделами, о чем подробно будет говориться в следующей главе.

В этих районах также была кое-где и вакуфная земля, но, по-видимому, сравнительно небольшое количество. В наших материалах встречается и упоминание о землях подшой, возможно типа мири в Каратегине. Эти земли поступали в распоряжение отдельных чиновников, которые занимали для их обработки безземельных крестьян из доли урожая.⁵⁷ В безраздельном общинном пользовании были пастбищные земли — джайлау, на них могли выпасать скот все крестьяне.

Амлоковыми были в большинстве земли и в кишлаке Сайроб (долина Шир-дарьи),⁵⁸ с этих земель $\frac{1}{10}$ урожая — ушр — поступала в казну эмира; амлоковые земли здесь обычно называли подшой. Землю можно было свободно покупать и продавать, сделки оформлялись у кази, который составлял документ — васика. Земли были как полевные, так и богарные.

Изложенный выше материал показывает, что как в Гисаре, так и в бассейнах Сурхан-Дарьи и Кашка-Дарьи земли, которыми фактически владели крестьяне и с которых они уплачивали ренту-налог государству, хотя и носили различные названия — мильк, амлок, подшой, — по существу были одного порядка (сюда же следует включить и обширные угодья). В других местах, что зависело главным образом от наличия значительного фонда свободной, но в то же время малоценной из-за отсутствия воды земли, последняя свободно переходила из рук в руки и не являлась объектом купли-продажи. Ей противопоставлялись небольшие участки огороженной, хорошо орошенной и засеваемой ценными культурами земли, которые, в отличие от первой, составляли как бы частное

⁵⁵ Полевые записи от Якуба Мухаммадова (кишлак Гилян, 1957 г.), Косима Ашурова, Насрулла Абдулаева, Ходжи Урунова (кишлак Кизыл-Имчак, 1957 г.).

⁵⁶ Полевые записи от Истода Салмапова (кишлак Касан), Шарифа Норбутова (кишлак Етим-Хтай 1958 г.), Мирзо Аминова (кишлак Камани).

⁵⁷ Полевые записи от Мирзо Аминова.

⁵⁸ Полевые записи от Усмана Ризаева, Хамидхона Сарыбаева (1958 г.).

владение, по преимуществу, высоко ценились, продавались и покупались. Однако и те и другие земли с точки зрения отношения их владельцев к государству не различались ни в каком отношении, кроме размеров налогового обложения, зависевших в конечном счете от качества земли и ценности возделываемых на ней культур. К крестьянским землям следует отнести и общинные угодья.

Что касается обеленной мильковой земли, которую обычно именуют мильки хурр, или мильки хурру халис, то такой земли в этих районах, по-видимому, было немного. Во всяком случае, сколько-нибудь точных сведений о количестве такой земли у нас не имеется. Помимо нее, были участки земли вакуфной, а также земли мирн.

Перейдем теперь к рассмотрению полевых материалов по землевладению и землепользованию в самом центре бывшего Бухарского ханства, в нижней части долины Зеравшана. Следует заранее отметить, что выяснение этого вопроса представляет большие трудности в связи с крайне противоречивыми и запутанными показаниями наших информаторов.

В Хатырчинском районе (б. Хатырчинское бекство) Самаркандской области⁵⁹ были как амлоковые, так и мильковые земли. С амлоковых земель в казну эмира платились налоги — херадж; амлоки можно было продавать и покупать, оформляя эту сделку соответствующими документами — васика, амлоковая земля обычно также переходила по наследству (мирос); выморочная земля, если не было близких родственников (до четвертого колена), переходила в распоряжение государства. В амлок входила не только пахотная земля, но и сады, огороды и другие угодья. С поливных земель платили $\frac{1}{3}$ урожая, с богарных — $\frac{1}{5}$, с садов и огородов платили так называемые иджорапули, исходя из урожая.

Понятие мильк (местное — мульк) нам здесь определили следующим образом. Мильк — это земля, которую эмир жаловал амальдорам (сипо), на что выдавался документ — чок, скрепленный семью печатями; земли эти были пахотные (поливные и неполивные), сады и другие угодья. В мильк давали амлоковую землю с сидевшими на ней крестьянами; налоги, которые раньше, до пожалования земли в мильк, крестьянин обязан был выплачивать государству, теперь выплачивались собственнику милька; при этом, как говорили, налог с крестьянина даже несколько уменьшался: эмир не давал возможности милькдору (владельцу милька) иметь очень большие доходы. Различалось якобы два вида пожалованных мильков: а) мильк, так сказать, обычный, с которого милькдор платил в казну эмира 1 таньга с танапа земли (сумма, конечно, совершенно ничтожная и имевшая, по-видимому, символическое значение), и б) мильки хурр, который давался за особые заслуги и с которого милькдор ничего не платил в казну эмира. Мильков, по словам информаторов, было не очень много. При дальнейших расспросах в том же Хатырчинском районе выяснилось, что здесь понятие «мильк» тесно связано с понятием «танхо», о чем подробно речь будет ниже.

Помимо этого, в Хатырчинском районе называли также земли вакф, или вахм, образованные из амлоков путем завещания духовному учреждению, затем земли падшалык — небольшие участки земли вокруг бекской резиденции, доходы с которых шли на содержание бека, и, наконец, общинные пастбищные земли в горах, на которых выпасался скот.

⁵⁹ Полевые записи от Иаукашу Карни (кишлак Тасмачи, 1958 г.).

В Гиждуванском районе Бухарской области (б. Гиждуванский тюмень) сведения по землевладению собирались в кишлаке Соктаре,⁶⁰ а также в самом Гиждуване.⁶¹ Большая часть крестьян сидела на поливной земле амлок, с которой они вносили в эмирскую казну по словам одних $\frac{1}{3}$, по словам других $\frac{2}{5}$ урожая. Вся земля была поливная, на ней сеяли пшеницу, ячмень, леп, маш, хлопок-гуза. С садов также отдавали такую же долю урожая, налогов не брали лишь с приусадебных участков. Амлоковую землю можно было покупать и продавать, наследовать на основе шариятских норм; эту землю называли также подшой, или мамлака, ее правительство иногда давало в танхо. Один из информаторов, Кори Олим, полагает, что амлоковая земля составляла до 60% всех обрабатываемых земель тюмени. Амлоковым землям, как приносящим доход государству, воду давали предпочтительно перед другими категориями земель. Среди владельцев амлоковых земель были все категории крестьян — как бедные, так и богатые.

По словам информаторов, помимо этого были еще земли, представляющие собой необеленный мильк или мильки херадж, с них государство взимало потанпный налог, сумму этого налога называли в 2, 3, 10 танга с танапа или в размере $\frac{1}{10}$ урожая, но тоже в денежном выражении; кроме этого, в качестве налога давалось еще небольшое количество зерна. По словам Кори Олима, эти земли в районе по удельному весу в общем количестве земли занимали третье место (после амлоковых и вакуфных земель). Их также можно было продавать, покупать и завещать, но они стоили дороже амлоковой земли. По его мнению, мильки херадж ведут свое происхождение от земли мильки хурр, с которой стали давать известную сумму за право пользования водой и на другие расходы.

Затем были земли мильки хурр, с которых никаких налогов не платилось, по другим же сведениям с них также взималась небольшая сумма обули — плата за воду. Эта категория земли образовалась в результате продажи эмиром амлоковой земли или же вследствие пожалования земли сипо. Эти земли сдавались их владельцами крестьянам на издольных началах. Мильки хурр в районе было очень мало, цена их была раза в четыре выше цены амлоковой. Были также и вакуфные земли.

Выдающийся таджикский писатель С. Айни, уроженец кишлака Соктаре, в своих «Воспоминаниях» говорит, что большая часть мильковой земли этого селения была в руках двух семейств ходжей; малоземельные и безземельные крестьяне были издольщиками и батраками или имели другие источники дохода. Большинство же крестьян обрабатывало амлоковую землю или землю подшой (в переводе «казенную») землю.⁶² Однако остается неясным, как следует понимать термин «мильковая земля» в этом отрывке и чем эта мильковая земля отличалась от амлоковой, на которой сидело большинство крестьян.

Тот же С. Айни, упоминая другое селение — Махалия-Боло Шофиркомского района (б. Шофиркомский тюмень), отмечает, что большая часть земли этого селения была подшой — амлок; помимо амлока, была земля вакф бухарского медресе Мир-Араб, $\frac{1}{10}$ урожая с нее поступала в пользу вакфа.⁶³

В Вобкентском районе (б. Вобкентский тюмень) нам решительно указывали на наличие в прошлом четырех основных категорий земли.

⁶⁰ Полевые записи от Мулло Шарифа Сафара, Шамсутдина Разакова, Хайрулло Джураева (1958 г.).

⁶¹ Полевые записи от Мусо Хамидова и Кори Олима.

⁶² Садрриддин Айни. Воспоминания, стр. 12.

⁶³ Там же, стр. 13.

Основной из них был амлок, который обрабатывался крестьянами, вносили в эмирскую казну $\frac{1}{3}$ или даже $\frac{1}{2}$ урожая натурой или деньгами. Затем следовала категория земель мильки херадж, с которой государство взимало незначительный налог — 1 таньга с танана, а по другим сведениям — 2 чоръяка (около 2 кг зерна). В отношении земель мильки херадж отмечалось, что первоначально их было много, но постепенно они стали переходить в разряд амлоковых земель; возможно, что дело здесь заключается в увеличении налогов с так называемых мильки херадж и таким образом в превращении земель малооблагаемых в земли высокооблагаемые. Указывалось также, что земля мильки херадж находилась во владении крестьян, что, конечно, еще больше сближает их с амлоковыми землями.

Следующей категорией земель были мильки хурр, с которых в эмирскую казну не платили никаких налогов; в районе таких земель, как указывалось информаторами, было немного. Объектом пожалования в качестве мильки хурр могла служить выморочная земля, которая сдавалась для обработки издольщикам, или же ее обрабатывали батраки. С другой стороны, жаловалась и земля с сидевшими на ней крестьянами. Последней земельной категорией в Вобкентском районе, как и повсеместно, называли вакфы.⁶⁴

Территория современного Каганского района, примыкавшая непосредственно к самой столице ханства, не входила ни в одно из бухарских амлокдорств (тюменей), а подчинялась непосредственно Бухаре. Здесь было большое количество вакуфных земель, принадлежавших бухарским святыням. Как представляется вообще, здесь население находилось в несколько привилегированном положении, с ним считались бухарские эмиры.⁶⁵

Однако амлоковые земли, по-видимому, преобладали и здесь. Сведения о доле урожая, отчислявшейся с этих земель, противоречивы. Большинство информаторов утверждает, что с амлоковых земель отчисляли государству $\frac{1}{10}$ часть урожая; однако, по утверждению некоторых, с амлоков брали $\frac{2}{5}$ и даже $\frac{3}{5}$ урожая. Амлоковую землю можно было фактически продавать и покупать, эти сделки оформлялись документально. По словам одного из информаторов, амлоковые земли были как бы в государственном фонде, поэтому целинную или выморочную амлоковую землю мог брать с целью обработки всякий, кто хотел.

В районе называли также категорию земель мильки херадж. Однако сведения о них весьма противоречивы. По словам одних, с мильки херадж платили меньше, чем с амлоковых земель; рассказывали, что плата ограничивалась сбором по одной таньга с танана два раза в год; по словам других, с мильки херадж платили больше, чем с амлоков, — если с последних брали $\frac{1}{10}$, то с мильки херадж собирали $\frac{1}{5}$ или даже $\frac{1}{4}$ часть урожая. Один из информаторов (Ходжа Имамов) отмечал, что в отношении купли-продажи земли мильки херадж были в одинаковом положении с амлоковыми и не могли свободно обращаться, как земли мильки хурр. Другой информатор (Бако Камолов) рассказал, что земель мильки херадж в их округе не было и он про них ничего не знает. Отмечалось также (Джура Раджабов), что амлок и мильки херадж — это по существу одно и то же и что земля мильки херадж называлась так по взимает-

⁶⁴ Полевые записи от Хайдарходжа Исакова (кишлак Шакаркент) и Абдулло Артыкова (кишлак Вобкент, 1958 г.).

⁶⁵ Полевые записи от Джура Раджабова, Бобомуроода Хамракулова, Ходжи Имамова (кишлак Таитал), Бако Камолова (кишлак Калукон, 1958 г.).

мому с нее налогу херадж. Создается впечатление, что фактической разницы между землями амлоковыми и мильки херадж не было и что размер обложения зависел, вероятно, от качества земли, ее орошения, ценности высеваемых культур.

Следующей категорией была земля мильки хурр. Вероятно, таких земель все же было не очень много. В кишлаке Калукон, например, было 10 тананов мильки хурр у некоего Фазыл-бая. Помимо всех указанных категорий, называли также земли подшой, этим термином обозначались пустошные земли.

В бывшем бухарском тюмене Джондор (ныне Свердловский район) сообщили следующее. В кишлаке Алили вся земля была поливная, на ней высевали пшеницу, ячмень, хлопок, джугару, просо, кунжут, маш; на приусадебных участках сеяли бахчево-огородные культуры. Большая часть земли, включая приусадебные участки, была амлоковой. Амлоковую землю можно было покупать и продавать, преимущественное право на покупку имели соседи; если они отказывались от покупки, то можно было продавать другим.⁶⁶

В кишлаке Джингон того же тюмена было около 80 хозяйств. Вся земля была поливная, около 200 тананов было амлоковой земли, около 80 тананов земли мильки хурр и 20—30 тананов вакуфной земли, принадлежавшей бухарской Кош медресе; кроме того, было немного земли, находившейся в танхо у какого-то сипо.⁶⁷

Помимо сбора сведений непосредственно на месте, в кишлаках, нам удалось получить сведения от грамотных и по-мусульмански образованных пожилых людей — бухарцев, знакомых со старыми порядками. Кузи Юлдашев, проживающий в Душанбе, рассказал, что земля под Бухарой делилась на мильки хурр, амлок, танхо и вакф (в местном произношении — вахм). С земель мильки хурр, которых, по его словам, было довольно много под Бухарой, никаких налогов не платили. С амлоковых земель брали ушр, размеры которого колебались. Как мильковые, так и амлоковые земли могли свободно продаваться и покупаться, мильк продавался примерно за 40 тилло (золотых) за танан; амлок, естественно, дешевле. Рассказчик подчеркнул, что, как правило, большого количества земли в одних руках не было, 20—25 тананов (4—5 га) земли считалось уже значительным наделом.

О таком же делении земель под Бухарой указывал работавший в Институте языка и литературы АН Таджикской ССР знаток бухарского быта, ныне покойный Саидулло Таджиддинов. По его словам, с земель мильки хурр никаких налогов не платили; с амлоковых земель налог уплачивался, этот налог называли херадж; в танхо жаловались как мельницы, так и земли (по-видимому, амлоковые); четвертой категорией являлись вакуфные земли.

Хабибулло Нурджанов из Бухары отмечал деление всех земель под Бухарой на мильк, амлок и вакф. По его словам, мильки были трех видов — херадж, нимхерадж и хурр. С херадж платили с танана 2 таньга и 2 чорьяка (5 кг) зерна, с нимхерадж — 1 таньга и 1 чорьяк зерна, с земель хурр ничего не платили, давали только вознаграждение арбобу за услуги; с садов на земле херадж платили 20 таньга, на нимхерадж — 10 таньга. По его словам, мильк — это собственная земля, которая как передавалась по наследству, так и продавалась и покупалась; мильковладельцы делили урожай на три части —

⁶⁶ Полевая запись от Мумина Бабаева (райцентр Свердлов, 1959 г.).

⁶⁷ Полевая запись от Пири Джураева и Худойберды Наврузова (1959 г.).

одну часть они давали хакулло (по-видимому, здесь подразумеваются подношения чиновникам, а также всякие богоугодные даяния), другая шла на расходы по обеспечению семян и пр. для будущего урожая, а третья часть оставалась для собственных нужд. По-видимому, информатор под милками подразумевал обеленный милък, поскольку с него ничего не отчислялось в пользу государства. За амлоковыми землями наблюдали власти (амлокдор и его люди), с них брали дахъяк или ушр (т. е. $\frac{1}{10}$ часть урожая); если земля была хорошая, то брали $\frac{1}{5}$ урожая. Информатор рассказал, что амлоковые земли продавали «махфи», т. е. тайно, часто продавали в счет уплаты долга; прибегали к продаже с помощью ускуна (сукшийат), т. е. в земельном документе указывалось не только количество земли, но и то, что продавалось на ней (по-видимому, чтобы затушевать самый факт продажи земли). Третья категория — вакфы, т. е. земли, завещанные в пользу духовных учреждений; вакфом, по словам информатора, можно было сделать лишь милковую землю, но не амловую. В окрестностях Бухары милковладельцы не имели крупных наделов, наиболее крупными были участки до 60 танавов (15 га). Информатор отметил также, что земли под домами крестьян (приусадебные участки) считались их милками, с них налогов не брали.

Обстоятельные сведения были получены от заведующего рукописным фондом Бухарской библиотеки Гуломксдыра Изомина. По существовавшим воззрениям, вся земля принадлежала государству. Крестьяне сидели на амлоковой земле и платили налог херадж ($\frac{1}{5}$ часть урожая, иногда больше или меньше). Если крестьянин хотел продать участок амлоковой земли, то нужно было делать ускуна, т. е. продавать землю под видом продажи дома, построек или другого имущества на ней. Амлок назывался также мамлакаи султани, он считался землей государства. Земля амлок иногда поступала в танхо.

Милки хурр — это земля, освобожденная от налогов, она находилась обычно в руках амальдоров и баев, в танхо она отдаваться не могла. Обработывали ее главным образом путем сдачи в аренду издольщикам. Кроме того, были милки херадж и нимхерадж. Информатор считает, что земли херадж происходят от милки хурр; возможно, что если земля милки хурр становилась выморочной, то ее передавали новому владельцу, но уже на других условиях. Вакуфной земли под Бухарой было много.

Помимо указанных четырех категорий, была еще пустошная, или общественная земля, — например, в пустынных степях Кара-Кум и Чули-Малик. Она не принадлежала кишлакам. Каждый, кто в такой местности вырыл колодец, считался его собственником.

Рассмотрение материалов, касающихся видов или категорий земельной собственности, — материалов как литературных, так и собранных путем непосредственных расспросов на месте, — позволяет предложить следующую классификацию категорий земель, реально существовавших в Бухарском ханстве.

1. Наиболее распространенной категорией земель следует признать так называемые амлоковые земли, амлок, именовавшиеся также мамлака, мамлакаи подшои (или просто подшои), мамлакаи надшалык, мамлакаи султани. Это — государственные земли, собственником которых было государство в лице верховного владыки — эмира; фактически же подавляющее большинство этих земель находилось во владении и пользовании непосредственного производителя — крестьянина, который, обра-

батывая их, отдавал государству определенную часть урожая (деньгами или натурой). Эта часть урожая — или налог, уплачиваемый за право пользования землей, поскольку земля считалась собственностью государства или эмира, — являлась вместе с тем и феодальной земельной рентой. Доля урожая, отдававшаяся государству непосредственным производителем, который пользовался амлоковой землей, рассматриваемая как налог, — характеризовала внеэкономическое принуждение крестьянина; рассматриваемая же как феодальная рента, — являлась следствием права собственности на землю верховной власти и в конечном счете эмира.

Несмотря на то, что указанная земля официально называлась амлок, в обиходе, среди широких масс населения, как например в Каратегине и в других районах Восточной Бухары, такие земли были известны под названием мильк, или мильк. Этот термин употреблялся для обозначения понятия «владение», «собственность». Такое наименование амлоковой земли вытекало из того обстоятельства, что крестьянин, обрабатывавший определенный участок земли, фактически имел право распоряжаться им по своему усмотрению, т. е. продавать и передавать по наследству, возводить на нем постройки, сажать деревья и т. п., — короче говоря, рассматривал его как свое владение. Мы уже отмечали, что в Каратегине и Дарвазе такие крестьянские мильки или отдельные их участки различались местным населением по способу их получения (перешедшие по наследству, купленные и т. п.).

С нашей точки зрения является весьма характерным, что применение термина «мильк» для амлоковых земель в значительной степени связано с тем, насколько земля в том или ином районе представляла собой ценность и была объектом спроса. Как свидетельствуют наши полевые материалы, например, в Гисаре часто мильками называли небольшие, хорошо орошенные участки с ценными культурами на них, которым уделялось много внимания и на которые затрачивалось большое количество труда. Напротив, принадлежащая тому же селению и тем же владельцам неорошаемая пахотная земля где-либо в предгорьях, в ряде случаев очень удаленная от селений, но находившаяся в индивидуальном пользовании крестьянина и неспая на себе также налоговое обложение, называлась амлок. Однако в тех случаях, когда даже такой земли было мало и не представлялось возможным где-либо вблизи поднимать целину, ее нередко также называли мильк. Как показывает тот же материал, изобилие богарной земли, на которую затрачивалось сравнительно мало труда (вспашка, посев и сбор урожая), не создавало стимула для закрепления ее за тем или другим хозяйством, поэтому она обычно не продавалась и не переходила по наследству, а могла быть в любое время заброшена ее владельцем, и всякий желающий мог воспользоваться ею для обработки.

Конечно, так было не везде, и вряд ли можно проследить указанную закономерность с достаточной четкостью повсеместно, но это последнее обстоятельство как раз и служит подтверждением расплывчатости различия между понятиями облагаемого милька и амлока. Так как величина обложения нередко зависела от плодородия земли, близости или отдаленности ее от селения, наличия оросительной сети, ценности засеваемых культур и т. п., то нередко земли, которые называли амлоковыми, облагались более высоким налогом-рентой, чем, скажем, земли, носившие название мильки херадж, нимхерадж и т. п. Несостоятельна, на наш взгляд, всякая попытка искать для последнего времени существования Бухарского ханства исторических обоснований происхождения тех или других категорий облагаемых земель в отдаленном историческом прошлом. Исторические судьбы Средней Азии в целом и территории бывшего

Бухарского ханства в частности были настолько сложными, столько завоевателей, племен и народов сменили друг друга на протяжении десятков столетий, что говорить о каких-то установленных, выработанных еще во времена арабского завоевания и действовавших до самого последнего времени, не представляется правомерным. Это было бы равносильно признанию того, что феодальные отношения оставались в Средней Азии застывшими в течение почти полутора тысячелетий, не претерпевая никаких изменений.

Как нельзя лучше характеризуют амлоковую форму земельной собственности, являвшуюся основной и преобладающей и в Бухарском ханстве, слова Маркса об особенности феодальной земельной собственности в Азии: «Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе». ⁶⁸ Мы не можем здесь вдаваться в историю развития и укрепления этой формы собственности; отметим лишь (и еще вернемся к этому в дальнейшем), что борьба центрального правительства с сепаратистскими тенденциями отдельных феодалов, в особенности родо-племенных вождей, была по существу борьбой за укрепление амлоковой формы собственности на землю, в противоположность другим формам (прежде всего — мельковой). И все имеющиеся в нашем распоряжении сведения, характеризующие как систему управления, так и систему эксплуатации непосредственного производителя — широких масс трудового крестьянства, говорят о том, что в последний период существования Бухарского ханства государственная форма земельной собственности, которую мы вслед за некоторыми исследователями называем амлоковой, безусловно преобладала. ⁶⁹

О порядке взимания и размерах ренты-налога, а также о других сборах и повинностях, налагаемых на непосредственного производителя, будет сказано в дальнейшем. Здесь следует отметить лишь, что вся система управления в ханстве, а также непосредственно в бекствах и амлокдорствах была подчинена главной и основной задаче — сбору ренты-налога с амлоковой земли.

Целый штат чиновников во главе с амлокдором ежегодно выезжал на крестьянские поля, где на гумне был собран в кучи урожай, определял его величину, регистрировал сумму подлежащего уплате налога в натуре и деньгах и затем следил за его исправным внесением в государственную казну.

Наш полевой материал не позволяет, по крайней мере для последнего периода существования Бухарского ханства, выделить облагаемые мельки в особую категорию земель. Возможно, это объясняется тем обстоятельством, что в связи с проникновением в пределы ханства элементов капиталистических отношений процесс купли-продажи земли значительно усиливается и в него вовлекаются земли самых различных категорий. ⁷⁰

⁶⁸ К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1950, стр. 804.

⁶⁹ К. М. Мирзаев. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954.

⁷⁰ За последнее время появился ряд новых работ (правда, для более раннего периода), в которых делаются попытки определить сущность облагаемых мельковых земель; см., например: Р. Н. Набиев. Из истории феодального землевладения в Фергане в XVI—XVII веках. Известия АН Узб. ССР, серия общественных наук, 1960, т. 3, стр. 25—34; Е. А. Давидович. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в. Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР, вып. 1 (24), 1961.

2. Следующей земельной категорией в Бухарском ханстве были обеленные мельки, так называемые мельки хурр, или мельки хурру халис.

Вопрос об этой категории земель является для последнего периода существования Бухарского ханства, пожалуй, наиболее сложным и наименее ясным. Следует отметить, что если в отношении амлоковых земель во всех их формах полевые этнографические материалы дают довольно подробную и стройную картину, то сбор сведений о мельковых землях представляет большие трудности. Как правило, собственников такой земли в прошлом теперь уже нет в живых, а если и встречаются еще отдельные представители, то от них обычно трудно добиться сколько-нибудь точных данных о наличии в прошлом у них мельковых владений, их размерах и т. п.; мало осведомлены о подробностях мелькового землевладения и пожилые крестьяне.

Обеленные мельки представляли собой собственность отдельных феодалов. Как уже отмечалось, соотношение государственных — амлоковых земель и земель мельковых отражало соотношение могущества и силы центральной власти, с одной стороны, и класса феодалов, с другой стороны. Укажем, что для второй половины XIX столетия, а особенно для периода вассальной зависимости Бухарского ханства от царской России, в борьбе между централизаторскими тенденциями правительства и сепаратистскими устремлениями феодальной знати перевес неизменно был на стороне центрального правительства. Об этом говорят политические события второй половины XIX в., изложенные нами во введении, — в частности, история подчинения Шахрисябза, Гисара, Куляба и других провинций.

Образование мельковой земельной собственности восходит, по-видимому, еще к тому времени, когда родо-племенная кочевая знать узурпировала земли, бывшие ранее в общественной собственности. Позднее, когда в результате многочисленных походов бухарских (равно как хивинских и кокандских) правителей территории отдельных племен были включены в состав государства и большинство мельковых земель было превращено в государственные, образование новых мельков шло иными путями. О. Д. Чехович как в «Истории Узбекской ССР», так и в специальной публикации аграрных документов⁷¹ отмечает, что в XVII—XVIII вв., т. е. в период усиления феодальной раздробленности, феодалы, имевшие ранее землю в порядке ленного владения (см. ниже), «добивались от ханов совершения сделок по обелению земель, т. е. освобождению их от налогов за определенное возмещение частью земли или деньгами. В результате этих сделок в XVII—XVIII вв. крупные массивы земель перешли в полную собственность феодалов».⁷² Как мы уже говорили раньше, П. П. Иванов и А. А. Семенов также указывают на способ образования мельковых земель путем пожалования за заслуги или путем разработки и орошения ранее втуне лежавших земель. Однако позднее, как отмечает О. Д. Чехович, процесс образования новых мельков в Бухарском ханстве не получил дальнейшего развития. «При эмире Хайдаре (1800—1826 гг.) были случаи, когда отдельные сановники получали от государства крупные земельные участки не в виде условного

⁷¹ Документы к истории аграрных отношений... — Выше мы уже подробно останавливались на высказываниях автора по вопросу об обелении земель посредством различных сделок с центральной властью, как и на сведениях, приведенных по этому поводу П. П. Ивановым.

⁷² История Узбекской ССР, т. I, книга вторая, стр. 16.

пожалования, а в полную собственность с одновременным обелением от налогов. Для времени наибольших централизаторских усилий Мангытской династии, т. е. для второй половины XVIII в. и середины XIX в., мы не знали ни одного факта образования обеленного имения».⁷³

В нашу задачу не входит подробное исследование вопроса об образовании обеленных мельков. Помимо только что сказанного, следует напомнить приведенные нами в начале данного раздела высказывания таких авторов, как А. П. Хорошхин и А. А. Семенов, характеризовавшие ту путаницу, которая имела место по вопросу о мельках во вновь присоединенных к России областях Туркестана. Воспользовавшись незнакомством русской администрации с вопросами землевладения, многие феодалы, пользовавшиеся ленными пожалованиями до прихода русских, стремились затем выставить свои лены как землю, находившуюся в их полной собственности. Хотя в бухарских владениях, где старая администрация и преемственность власти сохранились, такой обман и не мог иметь место, все же возможно, что в ряде случаев — при смене правителей, во время различных беспорядков, междоусобиц и утраты тех или других документов — были возможны факты прямого обмана государства со стороны феодалов и показа тех или иных ленных участков в качестве участков, некогда обеленных.

Почти все цитированные нами выше авторы говорят о наличии мельковых земель, но у нас нет гарантии в том, что в каждом отдельном случае речь идет именно о подлинных, т. е. обеленных мельках. Хотя Н. Ф. Ситняковский говорит о большом количестве мельков под Бухарой и заметной на глаз разнице между находящимися на мельковых землях кишлаками и находящимися на землях амлоковых, не очень понятна мысль автора о связи благоустройства кишлаков с тем обстоятельством, что они расположены на мельковых землях; ведь крестьянство и на мельковых землях платило налоги и несло всяческие повинности, если не в пользу эмира, то в пользу владельца мелька. Вспомним слова В. В. Бартольда о том, что мельки не составляли крупных владений, а также замечание П. П. Иванова о ничтожности удельного веса мельков.

Хотя наши полевые материалы говорят о том, что мельковая земля в основном была сосредоточена в долине Зеравшана, мы ни разу не встречали упоминания о сколько-нибудь крупных мельках; в лучшем случае это участки в два-три десятка танапов. В других же районах Бухарского ханства количество мельковых земель было ничтожно, а в ряде отдаленных бекств, как например в Кургантюбинском, Каратегинском и Дарвазском, эта категория земель была совершенно неизвестна.

К. М. Мирзаев высказывает мнение, что в последние десятилетия существования Бухарского ханства под влиянием развития товарно-денежных отношений в районе Бухары происходило разложение амлоковой собственности и превращение ее различными путями в мельковую собственность, однако какие это были пути, он не указывает. Он говорит, что, по данным одного из источников, мельковые земли в районе Бухары составляли 65,4%.⁷⁴ Из дальнейшего изложения явствует, что мельковые участки, — по-видимому, довольно незначительные, — принадлежали не представителям класса феодалов, а крестьянам-хлопкоробам, которых кредитовали хлопковые фирмы.⁷⁵ Можно полагать, что здесь мы имеем дело уже с новой формой образования обеленных мельков, возникавших под влиянием проникновения в край элементов капиталистических отно-

⁷³ Там же, стр. 18.

⁷⁴ К. М. Мирзаев. Амлоковая форма..., стр. 79—80.

⁷⁵ Там же, стр. 82—83.

шений. Вероятно, здесь речь идет о продаже амлоковых земель казной наиболее зажиточным крестьянам. Однако вопрос этот уже выходит за рамки исследования феодальной земельной собственности.

В целом обеленные мильки в Бухарском ханстве следует рассматривать как собственность феодалов (а в последнее время существования ханства — отчасти также как собственность полуфеодальных-полукапиталистических слоев кишлачных богачей), в отличие от амлоковых земель, являвшихся собственностью верховного правителя страны — эмира. Обеленными мильками нередко, так же как и амлоковыми землями, пользовался непосредственный производитель — крестьянин. Однако в отличие от земель амлоковых, где непосредственный производитель фактически распоряжался землей и уплачивал в казну причитающийся с него налог-ренту, на обеленных мильках крестьянин чаще всего выступал в качестве арендатора-издольщика. Следует сказать, что вопрос о формах эксплуатации непосредственного производителя на обеленных мильках, как и другие вопросы, связанные с этой категорией земли, еще совершенно неясны из-за отсутствия достаточного количества необходимых материалов.

3. Теперь нам предстоит обратиться к рассмотрению категории земель, представлявших собой ленное пожалование как феодалам, мелким и крупным, так и представителям промежуточных социальных групп — чиновничьего административного персонала. Такие ленные пожалования носили в Бухарском ханстве название *танхо* (*танхо*h).

Среди специалистов-историков, по-видимому, нет единого мнения о том, следует ли при рассмотрении вопроса о собственности на землю выделять ленные пожалования в особую категорию. В качестве примера приведем слова И. П. Петрушевского, относящиеся, правда, к рассмотрению категорий земли для другого места и другого времени. Приведя классификации, предложенные Б. Н. Заходером и А. Ю. Якубовским, в которых отсутствует ленное землевладение как особая категория земельной собственности, И. П. Петрушевский пишет: «Автор этих строк также останавливается на вопросе о классификации категорий феодальной собственности, но уже более позднего периода — XVI—XVII вв. в Азербайджане и Армении времени Сефевидов, причем предложил, как необходимую поправку к официальной схеме категорий земель у мусульманских законодателей, выделение в особую категорию условного бенифициального и ленного владения землею, которое мусульманское право относил к категории государственных земель».⁷⁶

Противники выделения этой категории как самостоятельной руководствуются, можно полагать, теми соображениями, что лен — это условное и временное пожалование, т. е. условная и временная передача права собственности на землю. Однако, как мы знаем, эта условность и непрочность как раз и характерна для феодальной собственности в целом; поэтому мы считаем, что имеются все основания выделять ленные земли в особую категорию. Эта категория, если можно так выразиться, является более типично феодальной, чем все другие категории.

Выделяя ленное землевладение в особую категорию, мы должны подчеркнуть, что как вообще, так и в условиях Бухарского ханства в частности оно тесно связано с двумя описанными выше категориями земельной собственности. С амлоковой — потому, что земли этой категории служили основной и, можно думать, единственной базой для образования

⁷⁶ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960 стр. 235.

земель типа танхо, которые в случае лишения пожалованного лица данных ему привилегий превращались снова в земля амлоковые. С обеленным милком — потому, что лен — танхо — его держатели стремились путем различных комбинаций (о чем уже говорилось и чего мы коснемся в дальнейшем) превратить в обеленный милк; этой тенденции способствовало до известной степени и то сходство, которое существовало между танхо и обеленным милком: как с того, так и с другого рента, взимаемая с непосредственного производителя, поступала не в казну государства, а в пользу феодала, владевшего обеленным милком или пользовавшегося правом ленника — танходор.

Институт ленного пожалования в Средней Азии был известен еще при Сельджуках, когда он назывался икта,⁷⁷ а позднее в монгольскую эпоху и при Тимуридах назывался суюргаль.⁷⁸ В позднейшую эпоху, вместе с установлением господства узбеков и образованием сначала Бухарского, а затем Хивинского и Кокандского ханств, этот институт получил название танхо. Сведения о раздаче феодалам ленных владений — танхо — относятся ко времени всех трех бухарских династий: Шейбанидов, Аштарханидов и Мангытов; однако, по-видимому, особенно большое развитие система танхо получила в эпоху последней династии — Мангытов. Естественно, что система танхо могла развиваться именно в тот период, когда произошла значительная концентрация земельных массивов в руках государства и когда образовался значительный фонд амлоковых земель, служивший, как мы уже говорили, объектом ленного пожалования феодальной знати.

Мы считаем необходимым более подробно остановиться на вопросе о танхо в силу указанных выше обстоятельств, а именно в связи с тем, что многие исследователи, в том числе и цитированные нами выше, не рассматривают танхо наряду с другими категориями земли, а также по причине близкой связи танхо с другими категориями земли.

О существовании танхо в первой четверти XIX в. сообщают, на основании изучения письменных источников, советские исследователи В. Л. Вяткин и П. П. Иванов — оба для Западной Бухары, а именно для Каршинского округа и для долины Нижнего Зеравшана.

В. Л. Вяткин по существу говорит не о пожалованиях феодалам, а о пожалованиях простым воинам или низшим воинским чинам. Он указывает, что, согласно приказам эмира Хайдара, наукарам и шагирдпеша (см. выше) довольствие выдавалось деньгами, одеждой, а также натурой (провиант и фураж); другими словами, каждый воин получал зерно и клевер с определенной площади посевов, в том размере, в котором с этой площади взимался налог в казну. При этом устанавливается размер площади, с которой получали налог, — в зависимости от должности, а для нижних чинов — от рода войск; единицей измерения служила площадь земли, обрабатываемая одной упряжкой волов. В. Л. Вяткин при этом отмечает одну любопытную подробность. В эмирском приказе указывается: лица, которые сами распахивают землю, получают довольствие с этой земли; кто же земли не имеет, того числить

⁷⁷ О нем упоминается: Низам-ал-мульк. Сиасет-наме. Перевод Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949, стр. 34—43.

⁷⁸ А. М. Беленицкий. К истории феодального землевладения в Средней Азии при Тимуридах (институт суюргаль). Историк-марксист, 1941, № 4; А. Ю. Якубовский. Тимур (опыт характеристики). Вопросы истории, 1946, № 8—9; см. также цитированную работу И. П. Петрушевского, где подробно дана характеристика икта и суюргалья; автор вместе с другими исследователями видит отличие суюргалья от икта в наличии налогового и административного иммунитета феодала. (Ср.: И. П. Петрушевский. Земледелие..., стр. 256—274).

алюфахуром (пользующимся провиантом) и землю отвести у родственников, если они занимаются пахотой.⁷⁹

Все сказанное, по-видимому, следует понимать так, что речь идет безусловно, как и указывает автор, не о пожаловании земель, а о передаче права взимания налогов с нее. Поэтому, как нам представляется, указание, что получателю, распахивающему свой участок, отводится его земля, следует понимать двояко: с одной стороны, если получатель является простым рядовым наукаром и его хозяйство (члены его семьи, поскольку он сам служил) распахивало участок земли, то освобождение этой последней или части ее от налогов было вознаграждением наукара за службу; если же это был феодал, владевший каким-либо значительным участком земли, который он, естественно, сам не распахивал и который, вероятно, сдавался арендаторам, то налоги с этой земли, которые обычно сдавались в казну, обращались в пользу этого феодала. По вопросу о том, что земля отводилась в хозяйствах родственников жалуемого лица, речь будет в своем месте.

П. П. Иванов для 20-х годов XIX в. относительно танхо сообщает следующее: «Иногда та или иная часть обрабатывавшихся крестьянами государственных земель передавалась правительством отдельным лицам в виде временных, иногда пожизненных пожалований за выполняемую ими службу. Такого рода пожалования носили в Бухаре название танха. Крестьяне, сидевшие на землях танха, вносили причитающийся с них налог уже не в казну, а танхадару — лицу, получившему танха... Общее число танхадаров простиралось при эмире Хайдаре, по словам современников, до 36 тысяч человек».⁸⁰

О пожалованиях танхо писали и другие авторы, особенно для позднейшего времени существования Бухарского ханства. Некоторые разногласия вызывал вопрос о степени зависимости сидевших на отданной в танхо амлоковой земле крестьян от своих феодалов-ленников. Так, например, Д. Н. Логофет отмечает, что танхо в определенных размерах получают административные служащие (т. е. чиновники-феодалы) и что танхо есть «право пользования доходами земельного участка, который может обработать пара волов (кош). Лицо, получившее „танхо“, имеет право взимать с такого участка все причитающиеся с него подати и, таким образом, делается фактическим хозяином владельца этого коша (земли), а последний ставится в полную зависимость от первого, попадая на положение крепостного». Д. Н. Логофет прибавляет, что хотя крестьянин юридически и остается человеком свободным, но на практике встречаются случаи полного закрепощения.⁸¹

В. В. Бартольд высказывается по этому вопросу несколько иначе и говорит, что владельцам не было предоставлено над крестьянами таких прав, как бывшим русским помещикам, и что Логофет неправ, когда говорит о наличии в Бухаре крепостного права феодала-чиновника над определенным для его содержания населением.⁸²

А. А. Семенов рассматривает танхо как своего рода поместья древнерусского служилого сословия, прибавляя при этом, что от обеленных мельков (мельки хурру халис) танхо отличалось лишь своей услов-

⁷⁹ В. Л. Вяткин. Каршинский округ..., стр. 17—18.

⁸⁰ П. П. Иванов. Восстание китай-кинчаков..., стр. 33.

⁸¹ Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II. СПб., 1911, стр. 58.

⁸² В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 247.

ностью, временным характером.⁸³ В одной из своих позднейших работ этот исследователь подробнее остановился на характеристике тех условий, в которых находились крестьяне, попавшие в танхо к феодалу. Он пишет о невероятных злоупотреблениях со стороны владельцев танхо, так называемых танходоров, и о том, что весьма часто, — а в горных бекствах всегда, — такие крестьяне по существу превращались в бесправных рабов своих танходоров, что они не только платили налоги, но и выполняли для своего танходора различные работы и повинности. Далее он отмечает, что в бекствах Восточной Бухары эта эксплуатация была особенно сильна и что здесь со времени присоединения к Бухаре сложилась особая форма танхо: вместо определенного участка земли бухарские власти стали выделять феодалам определенное количество домовладений (буна, или бына), хозяева которых являлись в полном смысле рабами своих танхохуров и работали на них «от зари до зари». В заключение А. А. Семенов говорит, что работы молодых таджикских ученых последнего времени дают нам в этом отношении картину необычайного закабаления крестьянства и его рабского состояния.⁸⁴

Наиболее подробную разработку вопрос о танхо получил в работах, относящихся к Восточной Бухаре, — в частности, к Дарвазу и Каратегину. Автор этих строк,⁸⁵ а за ним и ряд молодых таджикских исследователей⁸⁶ посвятили этой теме немало страниц, оперируя непосредственно конкретным материалом и приводя большое количество примеров танхо у отдельных мелких и крупных феодалов и положения крестьян, находившихся в танхо. Не вдаваясь здесь в подробности, напомним основные положения, на которых почти единодушно сходятся все авторы.

В Дарвазе и Каратегине каждый феодал, имевший бухарский чин, получал в свое распоряжение некоторое количество крестьянских хозяйств, причем число их было тем больше, чем выше был чин жалуемого лица. Здесь давались в танхо именно определенные хозяйства, как об этом писал А. А. Семенов, а не участки земли. Соответственно с этим говорили, что «такой-то имеет в танхо 25 хозяйств», но не говорили, что «такой-то имеет в танхо 25 ман земли». В связи с таким положением все крестьянские хозяйства подразделялись на две категории: факыр или факыри подшои — с одной стороны, бына — с другой. Факыри подшои были те крестьяне, которые уплачивали ренту-налог государству через амлокдоров; бына — крестьяне, отданные в полную зависимость (танхо) и уплачивавшие ренту-налог танхохуру, т. е. феодалу, владевшему танхо.

Приводимый материал показывает, что некоторые крупные танхохуры, обладавшие чином бия, додхо или ишикагабоши, имели в своем распоряжении по несколько десятков, а иногда и сотни хозяйств; нередко в танхо им отдавались целиком кишлаки, некоторые из них имели по несколько кишлаков. Общее число хозяйств танхо в отдельных амлокдорствах или мирazorствах не уступало числу хозяйств факыр, а иногда и превышало его. Все это говорит о широком распространении в Дарвазе и Каратегине практики ленного пожалования. Так, например, в долине Хингоу, в мирazorстве Нижголя, отношение хозяйств танхо к подшои

⁸³ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 28.

⁸⁴ А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 12.

⁸⁵ Н. А. Кисляков. 1) Ишан-феодал Восточной Бухары; 2) Очерки по истории Каратегина; 3) Из истории горного Таджикистана. Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР, вып. 4, 1953, стр. 107—128.

⁸⁶ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков...; Н. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях...; А. Маджлисов. Каратегин...

было 55 к 45.⁸⁷ В Каратегине 17 крупных феодалов владели более 4500 крестьянских хозяйств.⁸⁸

Наряду с крупными феодалами, имевшими в своем распоряжении большое число хозяйств бына, было много мелких чиновников, которые имели по 2—3 хозяйства танхо. Кроме того, существовал многочисленный слой кишпачных наукаров, исполнявших различные поручения при беке или другом должностном лице, которым танхо не давалось, но собственное хозяйство, поскольку рента-налог, взимавшийся с хозяйства прежде государством, как бы переуступалась такому наукару. То же можно сказать и о самих чиновниках-феодалах: поскольку с получением чина такой чиновник, если он владел в крае амлоковой землей, не только получал в танхо крестьянские хозяйства, но и переставал платить ренту-налог с собственной земли, эта последняя как бы поступала к нему в танхо, рента-налог шел уже не государству, но оставался в распоряжении данного чиновника. Что это действительно было так, свидетельствует следующее обстоятельство: если какой-либо чиновник попадал в опалу и лишался чина, то он терял не только право на предоставленные ему бына — крестьянские хозяйства, но также терял право удерживать налоги со своей земли (если, конечно, она не была обеленным мыльком) и должен был отдавать их государству. То же самое происходило в случае смерти танхохура; чтобы восстановить права на таңхо, обычно его наследники-сыновья отправлялись к эмиру или к беку и приносили ему богатые подарки, посившие название падармурда, буквально «в связи со смертью отца». В таком случае обычно один из сыновей покойного, — например, старший сын, — получал чин, но, естественно, меньший, чем имел отец, а в связи с этим только часть танхо своего отца; но в большинстве случаев постепенно к сыновьям возвращались и все танхо отца, на которые за ними как бы сохранялось номинальное право. В указанных выше работах можно найти ряд примеров, когда танхо из временного, иногда пожизненного пожалования превращалось в наследственное, когда одними и теми же танхо владели посередно отец, сын и внук.⁸⁹

Все исследователи социального строя Дарваза и Каратегина отмечают, что формально танхохур имел право на получение с крестьянских хозяйств лишь официально установленных и декларированных правительством налогов или налога-ренты. Мелкие чиновники танхохуры довольствовались этим, так как они не имели достаточно силы и влияния, чтобы преступить существующие установления. Что касается крупных, знатных и сильных феодалов, обладавших десятками и сотнями танхо, то они взимали с крестьянина различные другие сборы и заставляли его нести барщину, о чем подробно будет сказано в следующем разделе.

Гораздо более скудны наши сведения по другим бекствам Восточной Бухары, расположенным к западу от Каратегина и Дарваза. В литературе имеется указание для Кургантюбинского бекства⁹⁰ о наличии здесь танхо, при этом автор характеризует его как «право на часть посевов без уплаты хараджа, тем большую, чем более его (танхохура, — Н. К.) чин». Вероятно, и здесь речь идет, собственно, не о том, что землю засеивал сам

⁸⁷ Н. А. Кисляков. Из истории горного Таджикистана, стр. 120.

⁸⁸ А. Маджлисов. Каратегин..., стр. 43—49.

⁸⁹ См., например: Н. А. Кисляков. Из истории горного Таджикистана, стр. 122.

⁹⁰ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 60.

чиновник танхохур, но о передаче ему права на сбор налогов с определенных посевов крестьянских хозяйств.

В своем описании Гисарского бекства на вопросе о танхо останавливается М. Хамраев. Его материалы в основном подтверждают сказанное выше для Дарваза и Каратегина. Система танхо была здесь широко распространена, автор в качестве примера называет отдельных танхохуров, владевших более чем десятком кишлаков с числом хозяйств, достигавших пятисот. Здесь также, хотя владелец танхо не считался собственником земли, обрабатываемой его танхо, и юридически имел право только на взимание налога, фактически он полновластно распоряжался своими ленными хозяйствами, получая с крестьян все сборы и заставляя работать на себя. Однако, в отличие от Каратегина и Дарваза, в описании автора мы находим одну особенность: если крупные чиновники получали в танхо целые кишлаки, то мелкие, как пишет автор, получали налоги с двух-трех копей земли (т. е. количества земли, обрабатываемой 2—3 парами быков).⁹¹ О том же порядке для Гисара нам пришлось слышать от одного из наших информаторов, по словам которого танхо давалось по джуфтам (упряжкам быков, вернее количеству земли, которое может обработать такая упряжка). Так, например, в кишлаке Чорбог один мирахур имел в танхо понзда джуфт — пятнадцать джуфтов земли, т. е. право сбора налога с нескольких крестьянских хозяйств, засевавших участок земли с помощью 15 пар рабочих быков. Информатор прибавил, что если амальдор лишался чина, то терял и танхо; в связи с получением танхо он делал подарки властям.⁹²

Из вышесказанного видно, что в Гисаре в ряде случаев, а именно — когда дело касалось небольших танхо, речь шла о передаче в ленное владение не крестьянских хозяйств, а определенного количества земли.

Материалами в отношении земель танхо в районах Сурхан-Дарьи и Кашка-Дарьи мы не располагаем, поэтому перейдем непосредственно к долине Зеравшана.

При изучении вопроса на месте создается впечатление, что в Бухарском оазисе танхо было очень немного. По-видимому, бухарские власти считали более целесообразным наделять феодалов танхо в более отдаленных от центра районах, чему ярким примером служит большое число танхо в Каратегине и Дарвазе. Наш информатор из Бухары Гулом Изомин отметил, что в окрестностях Бухары танхо было немного, танхо давали обычно в отдаленных районах. Хабибулло Нурджанов также подчеркнул, что вблизи Бухары, на расстоянии 15—20 км от нее, танхо почти не было, в ближайшей округе в танхо давали только доход с мельниц. Кори Олим из Гиждувана тоже показал, что танхо было мало. По словам Кори Абдурахима из Бухары, земли в танхо давались в районах Кермине, Карши и в других отдаленных местах, в окрестностях же Бухары в основном были вакуфные земли. Бахром Низамов из Бухары рассказал, что в окрестностях Бухары было мало амлоковых земель, поэтому и пожалований танхо было немного. Некоторые же из наших информаторов вообще почти ничего не слышали о танхо в Бухарском оазисе и отмечали, что в танхо жаловался главным образом доход с мельниц.

Все собранные в Бухарских районах материалы согласованно свидетельствуют о том, что в танхо могла быть дана лишь амлоковая земля, иногда выморочная и не обрабатываемая, иногда же земля, которой владели обрабатывающие ее крестьяне. В отличие от Восточной Бухары, также по единодушному показанию наших информаторов (Кузи Юлда-

⁹¹ М. Хамраев. Очерки..., стр. 49—52.

⁹² Полевая запись от Раби Курбанова (1959 г.).

шев, Гулом Изомин, Бахром Низамов, Кори Олим), в танхо давались не крестьянские владения или хозяйства, а определенный участок земли, в специальном документе указывались его границы, причем они могли не совпадать с границами того или иного крестьянского владения; бывало и так, что отдаваемый в танхо участок захватывал несколько крестьянских владений, одни из них полностью, другие частично. На месте амлоктор, руководствуясь жалованным документом, определял, какие части того или иного крестьянского владения захватывало танхо, и с этих частей крестьянин должен был впредь платить налоги танхохуру, в то время как с другой части владения, не вошедшей в танхо, он по-прежнему платил налог в пользу государства через амлоктора.

Кузи Юлдашев, Гулом Изомин, Бахром Низамов при этом указывали, что феодал в Бухарских районах не пользовался такой властью над непосредственным производителем, как это имело место в Восточной Бухаре, он только получал установленный налог, не больше. Танхо являлось временным пожалованием, о чем, по словам Гулома Изомина, говорит следующая, бывшая в широком распространении поговорка: «Танхо тегермон аз дасти ту рафт ки хафа шуди?» («Танхо и мельницы ушли что ли из твоих рук, что ты такой недовольный?»).

Чтобы закончить характеристику ленного пожалования — танхо, следует остановиться еще на том обстоятельстве, что, как выяснилось из наших расспросов, некоторые информаторы прямо отождествляли понятие «танхо» с понятием «мильк». Так, в Хатырчинском районе один из информаторов (Рабим Ризаев, кишлак Курак) прямо заявил, что мельк, собственно, и есть танхо; если эмир хотел кого-либо наградить, то он давал ему в танхо землю из числа амлочных и такая земля становилась мельком, налоги с обрабатывавших ее крестьян обращались в пользу мелькдора. Другой наш информатор (Мизом Мавлянов, кишлак Хатырчи) сказал, что в танхо жаловали мельницы, а землю давали в мельк; но что здесь речь идет все же о танхо, а не обеленном мельке, можно заключить из слов того же информатора, который отметил, что крестьяне, сидевшие на этой земле, по-прежнему могли ею свободно распоряжаться, завещать в наследство и продавать.

Примерно такую же трактовку нам пришлось слышать в Вобкентском районе (информаторы Хайдарходжа Исаков, Абдулло Артыков). Объектом пожалования в танхо могла быть или свободная, не обрабатываемая земля, или же земля с сидевшими на ней и обрабатывавшими ее крестьянами; в первом случае феодал сдавал ее в обработку издольщикам или же нанимал для обработки батраков; во втором случае она оставалась для обработки в руках крестьянина. Однако, как отмечали информаторы, условия обработки крестьянином этой земли зависели от самого феодала, который мог низвести крестьянина до положения издольщика. Эта информация несколько отличается от приведенных сведений по Хатырчинскому району: здесь положение крестьянина в качестве издольщика скорее походит на эксплуатацию непосредственного производителя феодалом на обеленном мельке. Информаторы как раз и настаивали на том, что земля, пожалованная в танхо какому-нибудь представителю знати, из амлоковой превращалась в землю мельки хурр; следует расчленять, указывали они, понятия «танхо» и «мельки хурр»: танхо — это значит собственно подарок, в результате же пожалования этого подарка самый объект подарка, т. е. земля, превращалась из амляковой в землю мельки хурр.⁹³

⁹³ Как любезно сообщила нам Е. М. Пещерева, в кишлаке Варгонзи (недалеко от г. Китаб) ей пришлось также слышать, что земля, отданная в танхо, называлась мельк.

Возможно, что сами информаторы здесь не вполне разбирались в вопросе. Но все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в долине Зеравшана, и в частности в Бухарском оазисе, танхо было не так много, в то время как существовало достаточное количество обеленных мельков, а возможно — также и о том, что феодалы в большинстве случаев стремились всяческими способами превратить танхо в обеленный мельк.

4. Выше уже неоднократно отмечалось наличие в Бухарском ханстве земель вакф (в просторечии — вахм), или, как их было принято называть в литературе, вакуфных земель. Однако количество этих земель значительно различалось по отдельным местам. Как уже упоминалось, в литературе было отмечено, что в Восточной Бухаре вакуфные земли составляли около четверти всех земель. Были вакуфные земли — и, по-видимому, иногда в виде довольно крупных владений — в районах средней полосы ханства. Так, например, В. В. Бартольд писал: «Некоторые из вакфов по своим размерам также соответствовали особым административным единицам. Одним из участников работ 1889 г., полковником Белявским, описывается Лянгарский вакф в горах к востоку от Гузара; вакфом управлял мутаваллий из потомков святого по назначению эмира (фактически управление обычно переходило от отца к сыну) на правах бека, имея в своем распоряжении двух амлякдоров. Мутаваллий собирал доходы в пользу мечети и мазара, себя и своих сородичей; для населения он был в одно и то же время светским администратором и ишпаном».⁹⁴

Особенно же много вакфов было в долине Зеравшана, в частности в Бухарском оазисе. Здесь, в самом городе и в его окрестностях, были сосредоточены многочисленные святыни, каждая из которых владела вакуфными землями. Вакуфное имущество, и в том числе землю, имели почти все мечети, мазары (в частности, такие крупные, как мазар Бехаудина Накшбенди, Абдухолика Гиждувони), медресе; очень большие вакфы имели бухарская Мечети-калон, медресе Чорбаг, Джафар-Ходжа, Искандер-хон и др. Вакуфные земли были не только за пределами города, но и в самой Бухаре большая часть земель составляла вакф различных духовных учреждений и святынь. Как нам рассказывали в самой Бухаре (Бахром Низамов), например, городская земля от ворот Хазрати Имом до ворот Углан принадлежала медресе Хазрати Имам, от ворот Углан до ворот Талипоч земля была вакфом мазара Хазрати Аюб, а от ворот Талипоч до ворот Тиргарон — вакфом мазара Исмаила Самани.⁹⁵

Как известно, вакуфные земли образовывались путем пожертвования или завещания земельного участка в пользу того или иного духовного учреждения или святыни государством или частным лицом. Обычно доходами с такой земли или другого вакуфного имущества, которые шли на содержание духовного учреждения или святыни, распоряжался мутаваллий. П. П. Иванов отмечал, что в Бухарском ханстве жертвователю закреплял землю за определенным лицом или попечителем (мутавалли), который принадлежал к числу сыновей или потомков учредителя вакфа, и таким образом земля фактически закреплялась за родом жертвователя, обычно крупным феодалом — духовным или светским.⁹⁶

⁹⁴ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 247.

⁹⁵ Отметим, кстати, — хотя это и не касается непосредственно нашей темы, — что в Бухаре, кроме вакуфной земли, было много и другого вакуфного имущества, например заезжих дворов — хаули, лавок — дукоп, глинобитных возвышений — суфа, которые распорядителем вакфа сдавались частным лицам (сообщение Кори Абдурахима).

⁹⁶ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 46.

Характерной чертой бухарских вакфов, пишет тот же автор, являлась распыленность вакуфного хозяйства, земли которого сдавались в аренду мелким крестьянским хозяйствам на определенных условиях. Он отмечает также факт часто практиковавшейся сдачи вакуфных земель посредникам или откупщикам, которые сами нередко принадлежали к феодальной знати и были крупными землевладельцами.⁹⁷ Наши полевые материалы подтверждают наличие в ханстве системы сдачи вакуфных земель (равно как и другого вакуфного имущества) откупщикам, так называемым иджорадор; как правило, ежегодно происходили новые торги на сдачу на откуп вакуфных земель, которые проводились мута-валли; земля отдавалась тому, кто предлагал вакфу наиболее крупную откупную сумму. Иджорадор, со своей стороны, сдавал землю в обработку крестьянам; разница между доходом, полученным иджорадором с крестьян, и суммой, которую он должен был отдать в пользу вакфа, и составляла доход иджорадора.

Возникает вопрос: какие же категории земель бывали обращаемы в вакф? Естественнее всего предположить, что завещали в вакф свою землю главным образом представители знати — крупные феодалы; известно, что нередко крупные пожалования земель в вакф делали и сами эмиры или ханы. Учреждение вакфа считалось кори савоби — «богоугодным делом», вакф учреждался обычно «ради спасения души» жертвователя. Непосредственный производитель — крестьянин был лишен какой-либо возможности учреждения вакфа.

В связи с вышесказанным можно полагать, что вакуфная земля могла быть образована из различных других категорий земли;⁹⁸ естественно, что эмиры или ханы могли обращать в вакф как свои личные земли (которые мы можем приравнять к обеленным милькам), так и земли амлюковые; крупные феодалы, располагавшие большими участками обеленных мильков, имели их в качестве фонда для образования вакфов.

Вполне понятно, что с вопросом о категориях земель, которые затем были обращены в вакф, связан и вопрос о налоговом обложении вакуфных земель. Если феодал, скажем, обращал в вакф участок земли, являвшейся обеленным мильком, то не мог возникнуть и вопрос о налогах с такого вакфа.

А. А. Семенов сообщает, что с «земель, завещанных или посвященных их собственником мечетям и учебным заведениям с благотворительной и душевспасительной целью (так сказать „в вечный помин и во спасение своей души“), подати не взимались...».⁹⁹ И дальше: «Исключение представляли лишь земли, составлявшие семейственные вакфы..., т. е. завещанные в пользу семьи или сына вакфодателя из его податных земель».¹⁰⁰ Если во втором случае здесь речь идет о «податных», т. е. облагаемых землях, то для первого случая А. А. Семенов не дает указаний, какие это были земли — облагаемые или необлагаемые; однако поскольку речь идет о собственнике земли, то можно думать, что здесь мы имеем дело с тем же обеленным мильком. Поэтому высказывания А. А. Семенова не дают нам возможности решить вопрос, обелялась ли ранее облагаемая земля в случае передачи ее в вакф.

⁹⁷ Там же, стр. 46—47.

⁹⁸ Следует отметить, что ни П. П. Иванов, ни И. П. Петрушевский, давший довольно подробную характеристику вакуфных земель для Ирана XIII—XIV вв., нигде не указывают, какие категории земель служили фондом для образования вакфов (И. П. Петрушевский. Земледелие..., стр. 247—256).

⁹⁹ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 36.

¹⁰⁰ Там же, стр. 40.

Однако для нас здесь важно другое, а именно — тот факт, что и податная, т. е. амлоковая земля могла служить объектом образования вакфа. И, по-видимому, если земля облагалась, то, будучи завещанной в вакф, она не освобождалась от обложения.

Наши полевые материалы в этой связи помогли выявить в Бухарском оазисе два вида вакуфных земель. Существовали земли, которые были вакуфными полностью, — так сказать, навечно отошедшими к тому или другому духовному учреждению или святыне (информаторы Кори Олим из Гиждувана, Кори Абдурахим, Гулом Изомин из Бухары); их называли вакфи мутлак (т. е. вакф безусловный, абсолютный, независимый) или вакфи мутлаки омм (полный). Вакфи мутлак находились в распоряжении духовного учреждения и управлялись мутавалли, которые нанимали для их обработки крестьян непосредственно или же через откупщика — иджорадора; с указанных вакуфных земель никаких налогов в эмирскую казну не поступало, весь доход с них присваивался вакфом.

Другой вид вакуфной земли представлял собой, так сказать, неполный вакф. Эти вакфы образовывались следующим образом. Владелец земли, чаще всего земли облагаемой (по словам информатора Кори Олима, это обычно была земля, известная под именем мильки херадж, т. е. тоже облагаемая земля, которую мы не выделяли в особую категорию), по тому или другому поводу желая совершить «богоугодное дело», передавал навечно часть своего дохода с этой земли в качестве вакфа духовному учреждению или святыне. Так, например, он обязывался отдавать часть урожая с этой земли вакфу. Это не освобождало его от уплаты ренты-налога государству. Таким образом, владелец данного участка земли нес на себе двойную тяготу: предположим, что $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{5}$ урожая он отдавал государству, другую же часть ($\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{5}$, в зависимости от условия) он отдавал вакфу; такая земля получала название вакфи дахъяк или вакфи панджъяк (вакф- $\frac{1}{10}$ или вакф- $\frac{1}{5}$). Такой вакф, однако, оставался в свободном распоряжении его владельца — он мог передать этот участок по наследству или продать; однако его наследник или же покупатель земли не могли избавиться от вакуфного обложения с данного участка земли и продолжали нести его тяжесть; естественно, что такие неполные вакуфные земли ценились ниже других и в случае продажи за них уплачивалась более низкая цена. Таких крестьянских земель под Бухарой, по словам наших информаторов, было очень много.

Такой вакф, естественно, не может быть полностью отнесен к категории вакуфных земель, а должен быть отнесен одновременно и к категории вакфов, и к категории амлоковых или мильковых земель, в зависимости от его первоначальной принадлежности.

Таким образом, мы полагаем, что в Бухарском ханстве последнего периода следует различать четыре категории земли, непосредственно отражавшие формы феодальной собственности. Эта земельная собственность носила расчлененный, иерархический характер. Основная категория земель — амлоковые земли — находилась в собственности феодального государства, которое было представлено в лице эмира, в то время как владение и пользование этой землей (а также фактически и распоряжение ею) принадлежало частным лицам, в основном непосредственным производителям (иногда же лицам, привлекавшим труд непосредственного производителя). Обеленные мильковые земли и земли вакуфные представляли собой собственность, находившуюся уже в руках не эмира, а других представителей класса феодалов, светских и духовных.

Наиболее же типичной с точки зрения феодальных отношений является категория ленных земель — танхо, в которых воплощалась условная форма феодальной собственности.

4. Формы эксплуатации

Как известно, основой феодального способа производства является феодальная собственность на землю. Исходя из этого, в предыдущем разделе мы подробно остановились на характеристике различных категорий земли с точки зрения собственности; рассмотрение всех этих категорий показало, что собственником земли в Бухарском ханстве, как и во всяком феодальном государстве, являлся класс феодалов: большинство земель составляла собственность верховного правителя — эмира, остальные земли были условной или безусловной собственностью многочисленных светских и духовных феодалов, как крупных, так и мелких.

Основная масса трудящегося населения — крестьян, пользовавшаяся землей в качестве владельцев, вынуждена была выплачивать собственнику земли феодальную ренту. На государственных или амлоковых землях, где в качестве земельного собственника и вместе с тем сюзерена непосредственному производителю противостоял эмир, олицетворявший собой государство, рента, как уже отмечалось, совпадала с налогом.¹ Так же обстояло дело и на землях категории танхо, с той только разницей, что здесь право взимания земельной ренты-налога считалось временно переуступленным феодалу верховным собственником. Теоретически размеры феодальной ренты-налога были регламентированы государством,² и поэтому рента с крестьян, обрабатывавших землю танхо, в общем не должна была отличаться от той, которую платили крестьяне на амлоковых землях.

Государственная регламентация, естественно, не могла распространяться на земли, собственником которых являлись феодалы, светские и духовные, т. е. на обеленные мильки и вакфы, обрабатываемые в большинстве путем издольной аренды, где господствовали несколько иные отношения между собственником земли и непосредственным производителем. Однако напомним, что удельный вес обеленных мильков и вакфов в общей массе обрабатываемых земель был невелик.

Как показывает наш материал, приводимый ниже, в Бухарском ханстве существовали все три вида феодальной земельной ренты. В течение длительного времени ведущее место, по-видимому, занимала рента продуктами, тогда как в последние десятилетия существования ханства она в значительной степени была вытеснена денежной рентой; в то же время вплоть до конца существования ханства повсеместно можно было наблюдать и наличие отработочной ренты, которая в ряде случаев проявлялась, особенно для амлоковых крестьян, в форме трудовой государственной повинности.

При феодальном способе производства избыточный труд непосредственного производителя, а также получаемый в результате этого труда избыточный продукт обеспечивают лишь возможность создания ренты, создает же ее «принуждение, превращающее возможность в действи-

¹ Ср.: К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 804.

² Маркс отметил, что рента продуктами, а в еще большей степени денежная рента регулируются законодательством — «постановлением закона вместо плети» (Капитал, т. III, стр. 808), «точными нормами положительного закона» (там же, стр. 811), которое сменяет традиционные, обычно-правовые отношения, характерные для отработочной ренты (там же, стр. 806, 811).

тельность».³ Чем примитивнее форма земельной ренты, тем в более грубой форме выступает это принуждение; однако без внеэкономического принуждения нельзя заставить непосредственного производителя, владеющего условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, отдать собственнику земли прибавочный труд или прибавочный продукт.⁴

Размеры феодальной ренты не зависят непосредственно от избыточного труда или избыточного продукта, получаемого непосредственным производителем, — другими словами, от дохода его собственного хозяйства. Часть избыточного труда или продукта обычно не образует ренты и остается у самого производителя,⁵ но нередко случается, что рента «может достигать таких размеров, при которых она является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самых средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и приводит непосредственного производителя к физическому минимуму жизненных средств».⁶

Как материалы дореволюционных авторов, так и исследования советских историков и экономистов дают довольно обильные сведения о взимаемых в Бухарском ханстве налогах и различных поборах с населения, о различных отработках и трудовых повинностях. В целом они показывают, что размеры земельной ренты в различных ее формах были очень значительны, что государство и феодальные собственники присваивали себе подавляющую долю избыточного продукта и труда непосредственного производителя. Характерной особенностью было большое разнообразие этих повинностей и сборов, многие из которых представляли собой мелкие взносы натурой многочисленным представителям чиновничье-феодального аппарата, взимаемые большей частью во время реализации урожая и сбора установленного налога с него, различные судебские сборы, штрафы и т. п.⁷ Автор этих строк не ставит перед собой задачи дать полную и исчерпывающую картину всех феодальных налогов и повинностей, существовавших в бухарском ханстве, эта задача требует особого исследования.

Русские исследователи и представители русской администрации начали интересоваться налогами в Бухарском ханстве с первых лет присоединения Туркестанского края к России и установления вассальной зависимости ханства.

Один из наиболее ранних исследователей, А. П. Хорошхин, указывает, что в Зеравшанской долине взимались следующие основные подати:

³ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 805.

⁴ Там же, стр. 807.

⁵ См. примеч. 2 на стр. 100.

⁶ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 809.

⁷ Следует отметить, что в последние годы у некоторых авторов наблюдается тенденция не критического отношения к материалу и стремление сгустить краски до такой степени, что создается впечатление, будто бы крестьянин в Бухаре отдавал не только прибавочный, но и весь необходимый продукт. Такова, например, работа А. Маджлисова «Каратегин накануне установления Советской власти». Автор выписывает в одну таблицу названия всех налогов, сборов и повинностей, применявшихся в различных частях ханства, и старается представить их в качестве перечня всех сборов, вносимых крестьянином; так, например, в таблице отдельно указаны налоги с владельца одного вола (яксира) и с владельца двух волов (кошпули) как два самостоятельных налога. Указанная таблица заимствована автором книги, по-видимому, с одного из стендов Бухарского музея и потому сама по себе не может рассматриваться в качестве документированного источника.

а) херадж — часть урожая от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{10}$, причем от его уплаты освобождались только хозяева мельковых земель; б) танап⁸ — с пригородных садов деньгами; в) кошпули — с каждого коша⁹ бахчей деньгами; г) заккет — однако последний берется не с земледельцев, а со скотовладельцев и с торговцев ($\frac{1}{40}$ стоимости объекта); кроме этих налогов существовали различные случайные сборы — с казенного имущества, с камыша, мельниц, с соломы, штрафы и т. п.¹⁰

В основном те же налоги упоминаются первыми русскими исследователями, изучавшими Шахрисябзское бекство вскоре после его окончательного присоединения к Бухарскому ханству; все они единодушно говорят о наличии в бекстве двух основных налогов с земледельцев, хераджа и танапа, и налога со скота и товаров — заккета. А. Гребенкин сообщает, что херадж с богарных посевов пшеницы, ячменя и льна берется в размере $\frac{1}{8}$ части урожая, а с поливных посевов херадж равняется $\frac{1}{2}$ урожая (прежде брали $\frac{1}{3}$); с танапа садов брали от 2 до 5 рублей, с клевера старого 1 р. 20 к. с танапа, с нового — 60 копеек; с моркови брали также деньгами $\frac{1}{5}$ ценности. Закет брали в размере $\frac{1}{40}$ стоимости объекта.¹¹

И. Бекчурин также называет херадж, танап и заккет. Он указывает, что хотя херадж — это $\frac{1}{10}$ урожая, с земель, близких к большим арыкам, взималась в херадж с пшеницы и с проса $\frac{1}{4}$ часть урожая, с риса — $\frac{1}{3}$ часть, с полей же, находящихся у подошвы гор и в местах безарычных, брали с пшеницы и с проса $\frac{1}{5}$ часть урожая, а с риса — $\frac{1}{3}$ часть. Танап брался с хлопка, винограда и фруктов, и размер его различный, смотря по роду произведений. Закет взимался деньгами (как и танап) по 12 $\frac{1}{2}$ бухарских таньга (1 таньга — 20 копеек) со 100 голов скота.¹² Указанные три налога для Шахрисябзского бекства упоминает и А. Кун: херадж взимался натурой на поливных землях от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ урожая, на богарных — $\frac{1}{4}$ сбора; танап брали по 6 таньга с танапа земли, безотносительно к величине сбора урожая, с виноградников — $\frac{1}{2}$ тилло (очевидно, около 5 рублей). Автор прибавляет, что херадж, или налог натурой, брали с произведений, разводимых на открытых полях; денежный, или танапный, налог уплачивался с тех произведений, которые разводились на полях, обнесенных стеной, т. е., вероятно, с так называемых хаят, сравнительно небольших участков с ценными культурами, обносимых глинобитной стеной. Закет, по словам автора, брали только со скота, причем с одних овец, в размере 14 бухарских таньга с сотни голов.¹³

А. Кун сообщает также, что во времена самостоятельности Шахрисябза существовала еще подушная подать — салыг, размером от 2 до 6 таньга. Отметим кстати, что для соседнего Карпинского округа для первой четверти XIX в., на основании архивных материалов, В. Л. Вяткин также упоминает салыг (в форме «салык»), но как поимущественно-подходящий сбор наряду с заккетом; существовавшую в то время подушную подать он называет термином «джууль»; в качестве основных земельных налогов эти документы В. Л. Вяткина указывают херадж — с посевов хлебных и масличных растений, и танабона — с площадей под

⁸ Танап — мера земли площадью от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ гектара.

⁹ Кош — количество земли, которое можно обработать с помощью пары волов.

¹⁰ А. П. Хорошкин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876, стр. 125—135.

¹¹ А. Гребенкин. Шахрисябзская долина. Известия РГО, т. VIII, 1872, № 6, стр. 222.

¹² И. Бекчурин. Шахрисябзское владение, стр. 87.

¹³ А. Кун. Очерки Шахрисябзского бекства, стр. 230.

клевером, садами и огородами, т. е. те самые налоги, которые отметили авторы 70-х годов.¹⁴

Для Восточной Бухары (преимущественно для Гисарского бекства) мы располагаем довольно подробными сведениями, относящимися к концу XIX—началу XX в., из статьи автора, писавшего под инициалами А. П. Не касаясь здесь мелких сборов, о которых речь будет ниже, укажем, что автор отмечает в первую очередь «две основных подати, предписанные законом», из которых одна является податью со скота (закет), вторая — с урожая земледельческих продуктов (херадж). Характерно, что здесь уже оба налога взимаются деньгами. Размер хераджа установлен в размере стоимости $\frac{1}{10}$ урожая с богарных земель и $\frac{1}{5}$ — с поливных земель; с садов, клевера и других ценных культур брали потананпный сбор, называемый танапули или алафпули, по 16—18 таньга с танапа сада и по 4 таньга с танапа клевера. Закет брали из расчета 1 барапа с 40 баранов, а также с 5 верблюдов, с 40 коз брали одну козу; стоимость переводилась на деньги из расчета 1 баран — 33 таньга, 1 коза — 18 таньга.¹⁵ Для другого бекства Восточной Бухары — Кургантюбинского — сведения о налогах мы находим у П. Гаевского, посетившего бекство почти накануне Октябрьской революции. В бекстве взимали с населения херадж или малинат, законный размер которого, по словам автора, составлял $\frac{1}{7}$ часть с пшеницы и ячменя на поливе и $\frac{1}{10}$ — на богаре, $\frac{1}{5}$ — с риса, джугары, хлопка, кунжута и других «зеленых» посевов, кроме люцерны, с которой брали потананпный сбор — танапули — независимо от урожая, по 5 таньга с танапа (автор считает стоимость таньга в 15 копеек); весь херадж, или малинат, также высчитывался в деньгах и уплачивался деньгами. Закет также собирался деньгами, его брали из расчета 1 баран в год со стада от 40 до 200 баранов, 2 барана со стада от 200 до 300 баранов и т. д.; с каждых 5 верблюдов — 3 рубля в год; закет брался также с товаров из расчета $\frac{1}{40}$ стоимости.¹⁶

Относительно Каратегина и Дарваза для 80-х годов прошлого столетия сведения о налогах мы находим у Г. А. Арандаренко, который отмечает, что прямыми, искони установленными податями были херадж в размере $\frac{1}{10}$ урожая каждого хлебного продукта и с собираемых плодов тутта (шелковицы), а также по одному барану, независимо от их количества в хозяйстве каждого домовладельца.¹⁷ Материалы для последнего периода существования ханства по Каратегину и Дарвазу собирались автором данной работы,¹⁸ а также молодыми таджикскими исследователями М. Рахимовым,¹⁹ Н. Латыповым,²⁰ А. Маджлисовым.²¹

Суммируя все материалы, приводимые указанными авторами по Каратегину и Дарвазу, можно отметить, что основными и, так сказать, узаконенными налогами здесь также были поземельный налог и закет. Поземельный налог, по единодушному показанию всех упомянутых авторов, составлял $\frac{1}{10}$ урожая и поэтому носил название ушр; лишь А. Мад-

¹⁴ В. Л. Вяткин. Каршинский округ..., стр. 23.

¹⁵ А. Е. Снесарев. Восточная Бухара. СПб., 1906. Приложение: статья А. П. из «Туркестанских ведомостей» (1906, №№ 10—11).

¹⁶ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 63—64; ср.: А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 35.

¹⁷ Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный сборник, 1883, № 11, стр. 149—150.

¹⁸ Н. А. Кисляков. 1) Очерки по истории Каратегина, стр. 139—145; 2) Из истории горного Таджикистана, стр. 113—118.

¹⁹ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 124—128.

²⁰ Н. Л. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях..., стр. 110—124.

²¹ А. Маджлисов. Каратегин..., стр. 54—75.

жлисов оспаривает это и отмечает, что ушр давали только привилегированные хозяйства, в то время как все остальные отдавали большую долю. Сбор ушра в Каратегине и в Дарвазе, по-видимому, производился местами в натуральной форме, местами в денежной.

Закет уплачивался как налог с поголовья скота, а также с товаров, — по словам Н. Латыпова, даже в случае продажи имущества и земли; он составлял $\frac{1}{40}$ стоимости облагаемого объекта. Следует отметить, что вследствие значительной степени сохранности натурального хозяйства и отсутствия у населения больших стад (высокогорными пастбищами издавна пользовались скотовладельцы, пригонявшие стада из Куляба, Гисара и других мест) закет не имел в крае, по-видимому, большого значения. Его не упоминают более ранние, дореволюционные авторы. Н. Латыпов отмечает, что закета в Дарвазе не было ни в период правления независимых ша, ни в первые годы управления бухарских Мангытов.²² Широко известен факт, что первый бухарский правитель Каратегина Худой Назар Аталык в виде особой милости получил от эмира право собирать закет в Гисаре, Кулябе и Курган-Тюбе,²³ что, по нашему мнению, свидетельствует о незначительных возможностях в смысле сбора закета в самом Каратегине и в соседнем Дарвазе, также находившемся в ведении Худой Назара.

Небольшое значение вследствие отсутствия крупных садов, огородов и посевов люцерны имел составлявший в других местах важную статью дохода потанашный сбор, который из числа указанных современных авторов упоминается только А. Маджлисовым для Каратегина и Н. Латыповым для Дарваза; при этом Н. Латыпов сбор с клевера называет рипкапули — новым налогом, возникшим по мере роста товарообмена и, вероятно, с увеличением посевов таких культур, как клевер.²⁴

Однако в двух рассматриваемых горных бекствах Восточной Бухары существовал и еще один налог, считавшийся узаконенным и официальным; этот налог был известен под термином «амаль» или «амалиона». Налог этот упоминается как у всех ранних авторов, так и у современных исследователей прошлого. Нам в одной из работ²⁵ довелось подробно остановиться на характеристике этого налога для бассейна Хингоу (Северный Дарваз). В последние годы существования Бухарского ханства в уплату этого налога брали по одному барану с хозяйства (гусфанди амали, или чорвои амали), но местами население уплачивало вместо этого по 5—6 бухарских танга с хозяйства. Есть некоторые основания думать, однако, что там, где амаль получил в последнее время денежное выражение, раньше он не везде взимался мелким скотом, а местами путем сбора кустарной грубой ткани — карбос. Об этом сообщал и один из первых исследователей Дарваза — капитан Кузнецов. По его словам, в виде одного из налогов в Дарвазе берут с каждого дома два куска карбоса, а если такового нет, то берут козла.²⁶

Кузнецов называет этот налог, собиравшийся с каждого дома, дудона, что буквально значит «подымный», «подымная подать». Этот же термин нам приходилось слышать на месте и в отношении налогов более позднего времени наряду с термином «амаль», но первоначальное употребление его в отношении одного определенного налога, видимо, исчезло, и термин «дудона» стали применять к различным другим дополнительным

²² Н. Л. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях..., стр. 112.

²³ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 102.

²⁴ Н. Л. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях..., стр. 117.

²⁵ Н. А. Кисляков. Из истории горного Таджикистана, стр. 114—115.

²⁶ Кап. Кузнецов. Дарвоз, Новый Маргелан. 1893, стр. 68—70.

сборам. Так, например, Н. Латыпов называет дудона сбор за пользование топливом, заготовлявшимся крестьянами для своих нужд, этот сбор vznikнулся сначала натурой в виде барана или двух кусков карбоса, а затем был заменен денежным сбором.²⁷ Когда и в силу каких обстоятельств налог, называвшийся ранее дудона, стал называться амаль или амалиона — неизвестно. Самый термин «амаль», обозначающий «дело», «работа», «труд», как бы указывает на то, что уплата этого налога являлась «государевым делом».

Любопытный материал в отношении налога амалиона приводит Н. Латыпов, обнаруживший архивный документ — инструкцию Хорогского пограничного отряда, составленную в 1900—1903 гг. В ней говорится, что налог должен ежегодно вноситься натурой или заменяться деньгами по указанным расценкам, согласно инструкции, по количеству засеваемого хлеба (более 50 пудов семян, от 25 до 50, менее 25 и вообще не имеющие земли); для каждой категории перечислены предметы, входящие в налог и рассчитанные сразу на три хозяйства. Так, например, для второй категории с трех хозяйств полагалось: одна голова рабочего скота, три барана, три чашки масла, одна штука местного сукна, одна кунья шкура, кусок карбоса и пара подков, общей стоимостью 19 р. 80 к.; для третьей категории с трех хозяйств полагалось: одна шкура рогатого скота, три барана, две чашки масла, одна штука местного сукна, кусок карбоса, кунья шкура и пара подков, общей стоимостью 10 р. 20 к.²⁸ М. Рахимов сообщает, что в амаль в долине Хингоу брали одну овцу или козу, а где было мало скота, взамен него брали по одному куску карбоса (около 24 м), затем натуральный налог заменили деньгами в размере 5 таньга, если же денег не было, брали уже до двух овец.²⁹

В течение последних лет мы провели расспросы в полевой обстановке пожилых, хорошо осведомленных людей о налогах, взимавшихся в последний период существования Бухарского ханства, главным образом в долине Зеравшана, а отчасти и в других местах. Повсеместно, в полном соответствии со сведениями ранних авторов, они указывали на существование поземельного сбора — херадж и танап, а также закета. Разница в показаниях заключалась в основном в размерах поземельного налога. Так, в Хатырчинском районе называли херадж в размере $\frac{1}{5}$ урожая (Нурмамад Искандаров, кишлак Уйшун; Иаукаши Карши, кишлак Тасмачи; Мизом Мавлянов, кишлак Хатырчи) с поливных и богарных участков, занятых главным образом зерновыми культурами.³⁰

Херадж повсюду брали деньгами по установленным базарным ценам. Потанапный налог брали в различном размере, в зависимости от возделываемой культуры: с виноградников 12 таньга с танапа, с клевера 8 таньга и т. п. В ближайших к Бухаре районах называли более высокие размеры налога: так, например, в Гиждуване (информатор Мусо Хамидов) рассказали, что с поливных культур брали $\frac{2}{5}$ стоимости урожая; в районном центре Свердлов (б. бухарский тюмень Джондор) говорили, что обычно со ста батманов урожая брали 25 батманов, т. е. $\frac{1}{4}$ часть (информатор Мумин Бабаев); в кишлаке Джингон (Свердловский район,

²⁷ Н. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях..., стр. 114; см. также: М. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 127.

²⁸ Н. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях..., стр. 112—114.

²⁹ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 125.

³⁰ В кишлаке Уйшун нам рассказывали, что в соседних кишлаках, находившихся в русском ведении, поземельный налог брали в размере $\frac{1}{10}$ урожая, поэтому крестьяне стремились к переходу в русское подданство.

информаторы Пири Джураев и Худойберды Наврузов) называли даже половину урожая.

В Каршинской степи (низовья Кашка-Дарьи), по нашим записям (кишлак Камаша, информатор Мирзо Аминов), брали херадж с богарных земель в размере $\frac{1}{5}$ части урожая, с полива со всех видов культур (шпеница, ячмень, хлопок, лен, кунжут) — $\frac{3}{10}$ урожая; потанапный сбор с огородов и бахчей составлял 6 таньга, с виноградников — 18 таньга. В кишлаке Сайроб (Байсунский район, информаторы Усман Ризаев, Хамиджон Сарыбаев) платили ушр, т. е. $\frac{1}{10}$ часть урожая (по-видимому, речь идет о богаре, так как поливных земель в кишлаке было мало). Тот же размер налога, называвшегося ушр или дахтяк, записан нами и в Гисарской долине (кишлак Рохаты, информатор Суфи Зиё, кишлак Чорбог, Раби Курбанов); в кишлаке Рохаты с садов и виноградников потанапный сбор взимался в размере 20 таньга с танапа.

Мы видим, таким образом, что как литературные, так и полевые материалы показывают значительное колебание по отдельным местам и районам величины поземельного сбора — хераджа и танапа (или танаппули); первый колебался в размерах от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{4}$ урожая, местами поднимался и выше. Один из русских авторов начала XX в., давший общую картину экономической жизни ханства, пишет, что херадж в ханстве взимался в размере от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{4}$ урожая или деньгами (не с хлебных полей).³¹

Однако указанные размеры налогов, которые в ряде случаев представляются довольно умеренными и, казалось бы, оставляют крестьянину возможность пользоваться значительной частью собранного им урожая, в большинстве случаев носили фиктивный характер. Самый порядок сбора налогов, допускавший возможность различных злоупотреблений, а также бремя дополнительных сборов и повинностей, являвшихся с точки зрения официальной регламентации «незаконными», во много раз увеличивали размеры прибавочного продукта, отдаваемого непосредственным производителем феодалу и чиновникам.

Покойный А. А. Семенов следующими словами характеризует существовавший в Бухарском ханстве произвол в отношении эксплуатации непосредственного производителя: «Отсутствие штатно-окладной системы и точных ежегодных финансовых смет по государственным приходам породило чудовищную эксплуатацию и угнетение крестьян, ремесленников и в значительной степени — коммерческого мира. Каждый чиновник от высшего до самого низшего старался вымогать у трудящихся как можно больше и что только можно было взять. Особенно ужасна была крестьянская доля, когда все годовые труды крестьянина по обработке собственной земли в конечном итоге оказывались потраченными на содержание многочисленной армии разных административных чиновников, начиная от губернатора (мир, бек) и кончая самым последним писцом (мирза), ибо, помимо определенного сбора зерна, каждый ташил в свою пользу в зависимости от должности и чина. И если шариат предписывал определенные размеры поземельных и поимущественных налогов, то полное отсутствие какой бы то ни было шкалы жалования или заработной платы сводило на нет шариатские нормы и вносило полнейший произвол и беззаконие в «кормление» чиновничества за счет крестьян и ремесленников».³²

³¹ А. Губаревич-Радобыльский. Экономический очерк Бухары и Туманиса. СПб., 1905, стр. 140.

³² А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 10—11.

Остановимся сначала на самом порядке взимания поземельного налога, который был принят в ханстве, по-видимому, уже давно. Так, например, В. Л. Вяткин, на основании упоминавшихся выше земельных документов по Каршинскому округу первой четверти XIX в., пишет, что для выяснения урожая хлебов эмир посылал в разные местности амлокдоров, приставляя к каждому из них одного из своих доверенных лиц. Для исчисления потанашного сбора эмиром посылались люди обмерять площади под клеверниками, огородами и садами. Иногда эмир, не доверяя этим людям, посылал в тот или иной район чиновников производить проверку уже обмеренных земель.³³

Тот же порядок оставался неизменным и сто лет спустя. Один из русских авторов начала XX в. писал, что амлокдоры с помощью дарга, или старосты, с весны составляют списки засеянного, а осенью в этих списках отмечается фактический урожай. Эмиром устанавливается цена, и сбор производится в деньгах. Беки вычитают все расходы, а остальное посылается эмиру.³⁴ Более подробно порядок сбора поземельного налога описывает другой русский автор. По его словам, спяние хлебов с полей производится не по усмотрению крестьянина, а лишь после приказа амлокдора. То обстоятельство, что жатва производится одновременно всеми крестьянами, вредно отражается на распределении рабочих рук, а также ведет к тому, что передко хлеб осыпается на корню. С другой стороны, это дает возможность администрации организовать более строгий контроль над сбором урожая. Как только хлеб собран в кучи, приходит дарга, он обмазывает глиной основание хлебного конуса и в нескольких местах его боковую поверхность, на глину прикладывает свою печать. Затем амлокдор начинает объезд токов с собранным на них хлебом, его сопровождает большое чило лиц — амин, аксакал, мулла, мирзо, мираб, кузнец, цирюльник. Амлокдор на глаз определяет количество обмолоченного хлеба и также, в зависимости от этого, количество зерна, подлежащего уплате. Иногда владелец хлеба спорит, и тогда зерно перемеривают мешками. Амлокдор записывает в тетрадь количество зерна, которое не только превосходит установленную законом норму в $\frac{1}{10}$, но возрастает еще и потому, что надо дать значительный куш беку. Затем амлокдор приказывает отсыпать себе зерна, его примеру следуют и все прибывшие с ним, в результате крестьянину остается от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ собранного зерна. Причитающееся к уплате количество хлеба со всего амлокдорства, а затем всего бекства сообщается эмиру; ему же представляются справочные цены текущего года на продукты земледелия. Эмир выбирает обычно какую-нибудь одну категорию цен, более высоких, и назначает ее в качестве расценки для уплаты налога. Земледелец должен уплатить деньгами за количество хлеба, записанное за ним в налог. «И вот здесь начинается раскрываться ужасная картина настоящего народного бедствия. Все торопятся продать несъеденные запасы хлеба, чтобы из вырученных денег известную часть представить в эмирскую казну; цены на рынке сразу начинают сильно падать... У кого не хватает хлеба для перевода его на деньги, выгоняют на базар последнюю скотину, несут свой домашний скарб, отдают на время своих мальчиков для услуг развращенной администрации...».³⁵

³³ В. Л. Вяткин. Каршинский округ..., стр. 24.

³⁴ А. Губаревич-Радобильский. Экономический очерк Бухары и Туниса, стр. 147.

³⁵ Эпие. Очерки Бухары, стр. 105—106.

Примерно такую же картину сбора поземельного налога для того времени рисуют П. Гаевский для Кургантюбинского бекства и М. Варыгин для Кулябского. Гаевский отмечает, что в случае возникновения спора на току между амлокдором и владельцем иногда выступает посредником аксакал или амин.³⁶ Хлопок и кунжут, говорит он, определялись на корню, т. е. еще более произвольно; это очень неблагоприятно отражалось на посевах хлопка: его нельзя было собирать до осмотра, и вследствие этого крестьяне не решались вводить в обиход сорта американского хлопка, коробочки которого широко раскрываются, так как в случае поздней уборки вата опадала бы на землю. Он пишет, что цена земледельческих культур для сбора налога обычно проверялась на трех базарах сряду и бралась средняя, но она преднамеренно завышалась процентов на 10—15, так же как завышалось и количество зерна на току и соответственно его налоговая часть; когда же крестьянину приходил срок платить и он выносил хлеб на рынок, емкость которого была невелика вследствие неразвитости денежного оборота, — цены чрезвычайно падали, и хлеба приходилось продавать вдвое больше.³⁷ М. А. Варыгин также говорит, что фактически сборы с населения namного превышали законный процент и заставляли роптать народ. Помимо неправильного взимания податей, пишет он, существовало еще одно, дикое на наш взгляд, условие: ни один земледelec не имел права продать свое зерно, пока не будет продан хлеб в доход казны (автор отмечает, что часть налога взималась натурой); вследствие этого казенный хлеб, не встречавший конкуренции, продавался по высоким ценам, главным образом для снабжения русских гарнизонов; когда же начинается продажа хлеба населением, цена, как уже говорилось, резко падает, дешевый крестьянский хлеб скупают баи и зажиточные люди, чтобы весной продать его на семена по повышенной цене тому же населению.³⁸

Аналогичный порядок сбора налогов описывают и советские авторы, отмечая те или другие его варианты, по существу не меняющие общей картины. Так, например, М. Рахимов отмечает, что в Каратегине и Дарвазе амлокдоры не устанавливали единого времени для уборки хлебов с полей, что, вероятно, было невозможно в условиях высокогорной и сильно пересеченной местности с огромной разницей в абсолютных высотах, на которых производились посевы.³⁹

Наши полевые материалы в целом мало прибавляют к приведенному выше описанию сбора поземельного налога в Бухарском ханстве. В долине Зеравшана и, в частности, в Бухарском оазисе, по-видимому, в последние годы поземельный налог целиком выплачивался в денежной форме. Цену хлеба определяли по трем базарам, это входило в обязанности кази и раиса, которые представляли цены эмиру и тот затем давал указания амлокдорам. Предварительную оценку величины урожая делали уже с весны. В обязанности дарга входило наклеивание печатей на собранное в кучи зерно. В долине Зеравшана повсеместно особенно подчеркивалась роль амина, приезжавшего вместе с амлокдором для определения величины урожая. Амины рассматривались населением как лица наиболее объективные, вместе с тем как самые авторитетные специалисты в определении урожая на глаз не только в куче, но и на корню. В то время как амлокдор при определении количества собранного зерна называл несколько завышенную цифру, а крестьянин и державший его

³⁶ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 64—65.

³⁷ Там же.

³⁸ М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства, стр. 799—800.

³⁹ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 83.

сторону арбоб, напротив, называли заниженную, амин показывал количество, близкое к действительности; если возникал спор и приходили к решению перевешать зерно, то обычно получалось так, как говорил амин. Как нам передавали, назначение амина было «соблюдать равновесие между государством и народом» (Иоукашу Карши, кишлак Тасмачи; Пири Джураев, Худойберды Наврузов, кишлак Джингон; Мумин Бабаев, райцентр Свердлов; Кори Олим, Мусо Хамидов, Гиждуван).

Некоторые подробности отмечены нами и для Гисара. Предварительно все кучи зерна опечатывал дарга, а затем уже приезжал амлокдор со своей свитой для определения урожая; между этими двумя актами иногда проходило так много времени, что зерно, собранное в кучи, начинало прорастать. Налог уплачивался деньгами, цену хлеба определяли по средним базарным ценам, которые определялись путем трех последовательных выходов на базары, на каждом из которых узнавали самую высокую цену — нархи пеш, самую низкую — нархи паст и среднюю — нархи васат. Налог крестьянин должен был выплатить в два срока, в первый — немного меньше половины, во второй, через один-два месяца после первого, — остальное. Деньги обычно вносились лично амлокдору, в исключительных случаях через арбоба, на уплату выдавалась квитанция — патта. Некоторые крестьяне, чтобы уменьшить тяжесть налога, пускались на хитрость: прежде чем сложить зерно в кучу, несколько углубляли землю в основании будущей кучи, чтобы она казалась меньше; если это обнаруживалось, то несчастный крестьянин жестоко платился — его штрафовали, увеличивали сумму налога, а иногда применяли и более крутые меры. Напротив, как нам передавали, крестьян, вносивших крупные суммы и в положенные сроки (вероятно, речь идет о зажиточных или байских хозяйствах), амлокдор в качестве поощрения одаривал халатом или головой сахара (Суфи Зиё, кишлак Рохаты; Раби Курбанов, кишлак Чорбог).

Мы видим, таким образом, что часть урожая, поступавшая государству или феодалу (следует отметить, что крупные тапхохуры имели также своих людей для определения и взимания доли урожая с ленных хозяйств), увеличивалась благодаря сознательному завышению размера урожая и обязательству, налагаемому на крестьян, отдавать ренту-налог в денежной, а не в натуральной форме. Однако помимо всего этого отдаваемая часть произведенного продукта увеличивалась еще вследствие тех поборов, которые крестьянин при реализации урожая должен был отдавать представителям чиновничьего аппарата, сельской администрации и другим лицам.

А. Л. Кун для начала 70-х годов отмечает: «При сборе подати с урожая брали предварительно особым сосудом (сагу) немного для амлякдора, затем брали амин, аксакал, дарга, павай (пекарь) — что называлось кифсень. Затем определяли кучу».⁴⁰ Упомянутый уже нами автор, писавший под инициалами А. П., сообщает, что крестьянин должен был отдавать амлокдору кафсан — по одному пуду зерна каждого батмана (батман — от 8 до 16 пудов), также некоторое количество зерна (по обоюдному соглашению) дарге — кафсандарга, а также мирабу с рисовых полей, с пары быков по одному батману риса — мирабона.⁴¹ П. Гаевский для Кургантюбинского бекства упоминает следующие произвольные сборы: беку один пуд с батмана (16 пудов),

⁴⁰ А. Л. Кун. Бухарские порядки. Туркестанские ведомости, 1873, № 32.

⁴¹ А. П., Туркестанские ведомости, 1906, №№ 40—41; см. также приложение к книге А. Е. Снесарева «Восточная Бухара».

мирабу полтора пуда с кучи зерна, дарге 4 пуда с кучи, амлокдору один пуд с батмана и пр., т. е., вероятно, еще более мелкие сборы старосте и другим лицам. «В результате, — пишет он, — жители вынуждены продавать скот или занимать деньги у ростовщиков».⁴²

Согласно А. А. Семенову, амлокдор получал кафсан в размере 20 фунтов (кадак) с каждых 10 батманов пшеницы, ячменя, джугары и других культур, а с хлопка — 15 фунтов; дарга получал кафсандарга, а амины, аксакалы и прочие лица получали муштак («горсточка»), фактически около чоряка (около 2 кг).⁴³

М. Рахимов сообщает для Дарваза, что после отдачи крестьянином ушра он вынужден был еще отдать по одному деревянному блюду зерна (весом около пуда) миразору — миразорона, мушрифу — мушрифона, арбобу — арбобона, райсу — райсона, хакки алох — для сельского учителя, а также одну-две тюбетейки зерна для нищих и сирот — дахъяк.⁴⁴ Н. Латыпов также отмечает, что в Дарвазе с каждого гумна давали зерно арбобу, миразору, судье, райсу, $\frac{1}{14}$ урожая давали главному мушрифу, а сельские мушрифы получали от 2 до 4 тюбетеек с гумна. «В отличие от западных бекств Бухарского ханства, где этот налог назывался „кафсан“ и размерами был больше, в Дарвазе он был известен под названием „мушрифона“ и количество взимаемого зерна разделялось на две названных выше нормы».⁴⁵ Для Каратегина о тех же сборах сведения имеются в нашей работе,⁴⁶ а также у А. Маджлисова,⁴⁷ здесь также давалось всем упомянутым чиновникам по большому блюду зерна с урожая, что называлось дахъяк или сарона (для бека и амлокдора), мушрифона, райсона.

Собранные нами в последние годы полевые материалы по западной части ханства также говорят о наличии повсеместно таких сборов, при этом в отличие от горных восточных бекств здесь везде эти сборы носили, по-видимому, название кафсан. В долине Зеравшана (кишлак Джингон, информаторы Пири Джураев и Худойберды Наврузов), как нами записано, кафсан получали мираб и аксакал; в долине Ширабад-Дарьи (кишлак Сайроб, информаторы Усман Ризаев и Хамиджон Сарыбаев) — дарга, аксакал, мирзо (писарь), охангар (кузнец), тарозучи (весовщик); в низовьях Кашка-Дарьи (кишлак Камаш, информатор Мирзо Аминов) по одному решету — галбир — брали амин, дарга, аксакал, мирзо.

Помимо поземельного налога, сопровождаемого, как мы видели, дополнительных официальными и неофициальными сборами, а также закета — сбора со скота и торговли, в ханстве существовали и другие налоги и сборы с земледельческого населения. Отметим, прежде всего, что во всем ханстве практиковались многочисленные сборы и пошлины, взимаемые как государством, так и ведомственными чиновниками. Правда, эти сборы касались всех жителей вообще, а не только земледельческого населения, но последнее не было также избавлено от них. Отметим прежде всего сбор аминона, взимавшийся на базарах ханства специальными сборщиками — аминоначи, или откупщиками, за право торговли помимо закета, в качестве дополнительного налога к последнему. Этот налог, составлявший обычно одну-две таньга, вынуждены были уплачивать и земледельцы, обращавшиеся к базару главным образом в связи с необ-

⁴² П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 65.

⁴³ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 35.

⁴⁴ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 125.

⁴⁵ Н. Л. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях..., стр. 116—117.

⁴⁶ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 141—142.

⁴⁷ А. Маджлисов. Каратегин..., стр. 67.

ходимостью расплатиться с поземельным налогом.⁴⁸ Другим видом сбора, или пошлыны, был бодж, или боджгир, взимающийся на мостах и переправах за провозимые грузы или прогоняемый скот. Пошлиной облагались также мельницы (осиоб) и крупорушки (джувов), владельцы же или арендаторы их перекладывали этот сбор на земледельцев, вынужденных молотить или обдирать зерно.⁴⁹

Другая группа сборов, которые ложились дополнительной тяжестью на земледельческое население, были сборы, составлявшие «вознаграждение» различных должностных лиц. Сюда относится таракаона — сбор за раздел хозяйства (тарака), составлявший $\frac{1}{40}$ часть стоимости имущества и вносимый кази; никохона — сбор за свадьбу, тоже достававшийся кази, ему же доставался сбор с родственников умершего — пешнамоз; за оформление различных сделок кази брал хукмона, отдельно брали мухрона — сбор за приложение печати. Следует отметить, что в ряде случаев, — например, при разделе имущества, при свадьбе, — дело не ограничивалось только платой кази: за раздел известную плату получал и правитель — бек, за свадьбу — раис и мулла, кое-что получал амин или староста — аксакал, арбоб.⁵⁰ В качестве платы за труды по распределению воды в некоторых местах с каждого хозяйства ежегодно определенный взнос получал мираб.⁵¹ Сколь широко был распространен этот взнос — у нас не имеется сведений. Существовало довольно много сборов и в пользу духовенства и мечети; так, например, в связи с окончанием месячного мусульманского поста каждый мусульманин приносил мулле одно блюдо зерна, так называемое фитри руза⁵² или птируза (кишлак Сайроб, информаторы Усман Ризоев, Хомиджон Сарыбаев); собирали на мечеть, а фактически ее имаму, и в другие мусульманские праздники, — например, в Курбан. В Дарвазе осенью собирали с каждого хозяйства по одному блюду зерна муэззину.⁵³ Широко распространены были также различные, главным образом денежные штрафы — яргу; штрафы эти брались по различным, иногда самым незначительным поводам и в различном размере, причем штрафы накладывали беки, амлокдоры, раисы и другие чиновники.

Однако всеми этими сборами дело далеко не ограничивалось. Существовал еще ряд налогов, которые, по-видимому, были введены дополнительно в то или другое время и хотя не принадлежали к официально установленным, однако были легализированы и прочно заняли место в общей системе сборов с населения. Так, например, Н. Латыпов для Дарваза называет несколько налогов (джуфтона, тарозупули), которые были нововведением в крае и распространились после присоединения его к бекству и проникновения в эти глухие места новых порядков и отношений.⁵⁴ С другой стороны, некоторые налоги и сборы, главным образом в виде продуктов, по-видимому, являлись еще пережитком глубокой старины, феодальных отношений, развивавшихся в рамках натурального хозяйства

⁴⁸ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 48—51.

⁴⁹ См., например: А. П., Туркестанские ведомости, 1906, №№ 10—11; П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 66—67; Н. Л. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях..., стр. 115 и след.

⁵⁰ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 142; М. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 128—130.

⁵¹ А. Кун. Очерки Шагрисебзского бекства, стр. 229; см. также: А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 52.

⁵² М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 128; Н. Л. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях..., стр. 116.

⁵³ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 128.

⁵⁴ Н. Л. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях..., стр. 117—118.

и сохранившихся в силу обычая, традиции от тех времен, когда границу эксплуатации крестьянина ставила «емкость желудка феодала»; многие из таких сборов являются переходной формой между отработочной и натуральной рентой, поскольку крестьянин для их реализации сам непосредственно занимался сбором и заготовкой сырья (заготовка дров, дикорастущих корней и плодов и т. п.).

Весьма характерно, что если первые из указанных налогов и сборов, т. е. введенные дополнительно, были присущи главным образом западным, наиболее экономически развитым областям и районам ханства, то вторая группа старых традиционных сборов преобладала в восточных горных бекствах. При этом следует отметить, что, несмотря на безграничный производ, царивший одинаково как в западной, так и в восточной части ханства, в первой налоги и сборы все же носили более упорядоченный характер и число всех дополнительных налогов было значительно меньше, чем во второй.

Ко всем перечисленным выше налогам и сборам можно еще прибавить закёт-чакона, т. е. буквально «мелкий закёт», который взимался с хозяйств, имевших менее 40 голов скота. А. А. Семенов указывает, что закёт-чакона, представляя собой налог, не предусмотренный шариатом, шел в пользу мира (бека) и взимался в размере полтаньга с барана и четверть таньга с козы.⁵⁵ Однако точных сведений о том, где взимался этот налог и сколь широко было его распространение, не имеется. Можно полагать, что он существовал главным образом в средней Бухаре, возможно в Гиссарской долине и соседних районах.⁵⁶ Другим налогом, вероятно, распространенным более широко, являлся кошпули, буквально «деньги за кош» (пара, упряжка рабочих волов). Автор под инициалами А. П. говорит, что налог этот брали весной в размере от 4 до 8 таньга с пары волов; П. Гаевский, не употребляя названия кошпули, говорит, что с пары быков (кош) берут при начале пахоты 11 таньга, а при сборе хераджа — 24 таньга, всего 35 таньга, или 5 р. 25 к.⁵⁷ Кошпули упоминает также и А. П. Хорошкин для долины Зеравшана, — однако, по его словам, это денежный налог с бахчей.⁵⁸ А. Гребенкин в отношении шахрисябзской долины в 70-х годах прошлого века пишет, что налога кошпули там не существовало, не объясняя, однако, что он имеет в виду под этим термином.⁵⁹ Наряду с кошпули А. П. упоминает в качестве другого налога якира, указывая, что это стоимость батмана пшеницы, взимаемая с пары быков; неясно, в каком отношении якира находился к кошпули, были ли это разные налоги или единый налог.⁶⁰ Перечисленные три налога (закёт-чакона, кошпули и якира) имеют между собой то общее, что все они, по-видимому, поступали в пользу местного бека.

Гораздо многочисленнее были дополнительные налоги и сборы в Восточной Бухаре, особенно в горных бекствах. О них мы имеем достаточно подробные сведения, собранные советскими этнографами. Выше мы уже говорили о дополнительном налоге — амаль, широко распространенном

⁵⁵ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 48.

⁵⁶ А. П., Туркестанские ведомости, 1906, №№ 10—11.

⁵⁷ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, стр. 87.

⁵⁸ А. П. Хорошкин. Долина Зеравшана, стр. 125—135.

⁵⁹ А. Гребенкин. Шагрисябзская долина, стр. 222.

⁶⁰ А. П., Туркестанские ведомости, 1906, №№ 10—11. — А. Маджлисов (Каратегип..., стр. 74) налог этот осмысляет как «яксара» (буквально «одна голова») и считает его, в отличие от кошпули, налогом с одного быка. О кошпули и якира см. также: А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 53.

в Дарвазе и Каратегине и включавшем разнообразные предметы там, где он взимался в натуральной форме. Для южного Дарваза, помимо этого, Н. Латыпов упоминает еще следующие налоги: дудона — налог за пользование лесом, взимавшийся материей или деньгами (как показано выше, часто дудона отождествлялся с амаль); алафпули, или хасуна — за пользование пастбищем и заготовку трав, также материей или деньгами; по-тахси, или сарона — когда бек ездил по кишлакам, ему приводили в дар по одной голове мелкого, а местами и крупного скота; обпули — налог на воду в размере 0.5—1 таньга в год с хозяйства; со всех кишлаков Дарваза ежемесячный сбор по 5 фунтов мыла местного производства; джуфтона — налог с пары рабочих волов (с одного вола брали половину), налог новый, вероятно аналогичный упомянутому выше кошпули; музди тилло — сбор с лиц, занимавшихся промывкой золота, в размере 2—3 таньга; рахпули — сбор с лиц, возвращавшихся с отхожих промыслов.⁶¹

Для северного Дарваза (бассейн Хингоу) М. Р. Рахимов называет: кынырга закет, или чорвои кынырга — сбор с крестьян, живущих по дороге к резиденции правителя, в размере одной овцы в год; чорвои утохи — подать для нужд армии, ежегодно беку или амлокдору с каждого кишлака две бараньих туши и большую корзину хлебных лепешек; дудона — подымная подать в размере 1—2 таньга с каждого хозяйства; раугани мири — один кувшин (около килограмма) коровьего масла с каждого хозяйства для бека; маскаи кынырга — два половника (около килограмма) сливочного масла с крестьян кишлаков, не находившихся на главной дороге; пашми мири — сбор шерстью (около 4.5 кг) с каждого двора для бека, а в некоторых кишлаках брали шерстяные веревки, халаты, штаны, мешки; андози охани — сбор железных изделий, подков, стремян, накопечников для плугов и пр.; сбор деревянных изделий — ложек, чашек, лопат, деревянных галош; меваи мири — сбор фруктами в пользу бека с кишлаков, где имелись фруктовые сады; сбор с кишлака по одной корзине корней клубненосной чины (*Lathyrus tuberosus* L.) — мынгак — там, где она росла; тиллои шар — сбор золотом с лиц, занимавшихся его промывкой, в размере 5.5 гр в год.⁶²

Примерно те же дополнительные налоги и сборы существовали и в Каратегинском бекстве, они отличались от только что охарактеризованных лишь в отдельных подробностях.⁶³

Дополнительной тяжестью на эксплуатируемое население ханства ложились различные трудовые повинности в виде отработок на государство, на местных правителей — бека, амлокдора и других представителей феодально-чиновничьего аппарата. Как мы уже говорили, некоторые из этих повинностей являлись переходной формой от отработочной к натуральной ренте, между барщиной и налогом, в зависимости от того, что было единицей измерения — время или объем (вес) поставляемой продукции. Особенно характерным примером здесь является обеспечение топливом (дровами или хворостом) местных чиновников-феодалов. Так, например, в некоторых местах все крестьяне должны были в течение одного дня работать на бека или амлокдора на заготовке дров; в других местах каждое хозяйство должно было посылать для этой работы по одному человеку на два или три дня; наконец, в иных местах каждое хозяйство должно было

⁶¹ Н. Л. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях..., стр. 115—118.

⁶² М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 124—128; см. также: Н. А. Кисляков. Из истории горного Таджикистана, стр. 114—117.

⁶³ О них см.: Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 139—144; А. Маджлисов. Каратегин..., стр. 65—75.

доставить правителю определенное количество вьюков или, в горных районах, саней-волокуш с топливом.

Трудовые повинности или отработки в тех или других видах существовали повсеместно в ханстве. А. А. Семенов, давая общую характеристику повинностей, упоминает среди них джамалга (джамарга) — повинность по перевозке, приему и содержанию административных лиц, улак — подводно-перевозочную повинность, мардикор — выставление рабочих для очистки оросительных каналов, исправления дорог и пр.⁶⁴ А. Кун отмечает, что в Шахрисябзском бекстве были натуральные повинности, называемые курган-мардикор, — несколько кишлаков весной и осенью были обязаны, смотря по количеству населения, высылать от 5 до 20 рабочих в цитадель и ко двору для работы бесплатно, рабочие кормились также за свой счет; работали один день, за неявку взыскивался штраф 2 таньга. Дорожная повинность лежала на кишлаках, находящихся близ дорог.⁶⁵

Особенно подробные сведения по различного вида отработкам собраны советскими исследователями, главным образом для горных бекств Восточной Бухары, где такие отработки, по-видимому, занимали довольно значительное место в общей системе феодальной эксплуатации.⁶⁶

Выше уже говорилось о повинности по доставке дров местным властям; поскольку в крае дороги почти отсутствовали, а дрова, главным образом в виде кустарника или хвороста, приходилось заготавливать обычно высоко в горах, эта повинность была достаточно тяжелой, она требовала затраты со стороны каждого крестьянина (или крестьянского хозяйства) двух-трех дней в году.

Другой тяжелой повинностью являлась перевозка или переноска на спине грузов — доставка зерна беку, а также доставка в резиденцию бека или амлокдора различных товаров с равнины из Гисара, Куляба и других отдаленных районов. Особенно тяжелой была эта повинность в зимнее время, когда приходилось расчищать дорогу от снега и подвергаться постоянному риску на узких горных тропах. Помимо того, что перевозка грузов отнимала много времени, иногда целые недели, крестьянин должен был отправляться в путь со своей лошадью, иметь свое снаряжение — сбрую для лошади, мешки и веревки для упаковки грузов и т. п.

Летом крестьяне должны были по очереди пасти скот, принадлежавший беку или амлокдору, а также перегонять отсылаемый в качестве собранного налога скот в западные районы ханства, причем крестьянин отвечал за его потерю или падеж.

Было много и других повинностей, которые разделялись на две большие группы: хашар и бегори. Хашары представляли собой массовые принудительные работы, главным образом сельскохозяйственные. Хашар созывался для обработки участков земли, принадлежавших беку или амлокдору, — жатвы хлебов, молотбы, заготовки трав в качестве корма для скота, перевозки урожая и сена, а иногда также для сооружения жилых зданий и хозяйственных построек, исправления каналов, дорог, устройства и ремонта мостов и т. п. О хашаре объявлялось заранее, также заранее объявлялась и трудовая разверстка. Каждый хашар обычно продолжался один, реже два дня. Иногда для работающих на хашаре резали барана и готовили еду, чаще же участники хашара были вынуждены брать с собой еду из дома. Так как хашары устраивались по различным поводам

⁶⁴ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 6—7.

⁶⁵ А. Кун. Очерки Шахрисябзского бекства, стр. 231.

⁶⁶ См. неоднократно цитированные выше работы Н. А. Кислякова, М. Р. Рахимова, Н. Л. Латыпова, А. Маджлисова.

и в разное время года, то их набиралось значительное количество и они отнимали у крестьянина много дней, что было особенно тяжело в страдную пору полевых работ. Одни только сельскохозяйственные хашары в Каратегине у населения ближайших к центру бекства кишлаков, по нашим подсчетам, отнимали до 15 дней в году.⁶⁷

Работы бегори отличались от хашара главным образом тем, что на них привлекалось меньшее число людей, часто специалистов по кладке стен, плотников, которые работали помногу дней в бекской или амлокторской резиденции. В качестве бегори привлекались отдельные крестьяне также для работ на бекском дворе — для выполнения различных хозяйственных дел: ухода за скотом, очистки крыш от снега, отвоза зерна на мельницу; на бегори к представителям местной власти привлекались также жены и дочери крестьян, которые очищали от сора и мыли пшеницу, пекли хлеб, готовили еду и т. п.

Выше мы охарактеризовали формы эксплуатации непосредственного производителя, сидевшего на амлоковых землях. Остановимся хотя бы кратко на эксплуатации крестьян, обрабатывавших земли, составлявшие собственность феодалов.

Эксплуатация непосредственного производителя на землях категории танхо по своему характеру мало отличалась от таковой на амлоковых землях. Здесь крестьянин в основном отдавал своему танхохуру ренту натурой, местами в последнее время заменявшуюся денежной рентой; однако есть все основания полагать, что отработочная рента в хозяйствах танхо сохранялась в значительно большей степени, чем на амлоковых землях.

Мы располагаем довольно подробными материалами относительно эксплуатации феодалами своих танхо для бекств Восточной Бухары, где система танхо была, как известно, распространена гораздо шире, чем в западных бекствах.

Каждый феодал, владевший танхо, — танхохур — как уже говорилось, формально имел право взимать с отданных ему в ленное владение хозяйств те налоги, которые крестьянин прежде отдавал государству, при этом в официальной бумаге на пожалование говорилось обычно об официально установленных налогах.⁶⁸ На этом кончались, так сказать, законные права танхохуров. И в действительности мелкие, маловлиятельные чиновники-феодалы вынуждены были ограничиваться этими своими правами. Но чем выше чин и чем большее значение имел феодал, чем многочисленнее были его танхо, а также принадлежавшие ему земельные угодья (которые в связи с наличием у него чина освобождались от налогов), тем сильнее он эксплуатировал отданных ему в ленное владение крестьян. Помимо установленных налогов, такие танхохуры требовали с крестьян внесения им различных дополнительных сборов, о которых говорилось выше в связи с эксплуатацией амлоковых крестьян. Они заставляли своих крестьян поставлять им такие продукты хозяйства, как масло, мясо, овощи, фрукты и т. п., причем в отличие от сборов, взимавшихся беками и амлокторами, танхохуры приурочивали такие сборы или к большим религиозным праздникам, взимая дань под названием идуца («праздничное»), или к каким-либо событиям в жизни своей семьи, к приезду высо-

⁶⁷ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 144—145.

⁶⁸ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков... (см. документ, приведенный на стр. 131—133).

копоставленных гостей. Стремясь к установлению в своих владениях феодального иммунитета, крупные танхохуры, если они пользовались большим влиянием, устраняли кази, раиса и других представителей власти и брали на себя их функции: производили раздел имущества своих крестьян, вели судебные разбирательства, брали в свою пользу сборы за свадьбы, похороны, сами налагали на крестьян штрафы, также поступавшие в их распоряжение. Известны факты, когда крупный танхохур в случае свадьбы в среде своих ленных крестьян требовал себе что-либо из кадыма, уплачиваемого семьей жениха отцу невесты, — например, быка, а сверх того непосредственно с отца жениха — несколько штук баранов, не считая обычного свадебного взноса деньгами в размере нескольких таньга — никохона, с амлоковых крестьян взимавшегося властями.⁶⁹

Танхохуры, владевшие целыми кишлаками, фактически оказывались хозяевами всего достояния и всех угодий жителей этого кишлака. Под теми или другими предложениями они присваивали себе участки общественных земель кишлака и иногда перепродавали их жителям других кишлаков, особенно в последнее время, когда купля-продажа земли стала обычным явлением;⁷⁰ в других случаях они, считая себя номинальными собственниками таких земель, заставляли крестьян уплачивать деньгами или продуктами за право пользования лесными угодьями, выпасами для скота и т. п.

Если умирал хозяин дома и не оставалось работоспособных членов семьи, то нередко танхохур, оставляя жене или малолетним детям часть имущества умершего, забирал себе землю, а иногда и дом на правах старшего или опекуна.⁷¹

Крестьяне обязаны были доставлять своему танхохуру топливо, поставлять лошадей или ослов для перевозки различных грузов, а иногда, если танхохур вел торговлю, то и товаров; при этом хозяйства, которые не имели лошадей или ослов, он насильно заставлял покупать их, для чего крестьяне часто вынуждены были продавать свою землю.⁷²

Танхохуры, имевшие лично довольно значительные земельные угодья, особенно жестоко эксплуатировали находившихся в их распоряжении крестьян. Они заставляли их работать на своих землях под видом «помощи» — хашар, что фактически являлось барщиной. Так, например, один крупный феодал Каратегина, по имени Баладжон, имевший в районе города Гарма 250 хозяйств танхо, заставлял своих крестьян из Кызыло, целиком принадлежавшего ему, выполнять следующие барщинные работы, причем часть этих работ проводилась под видом хашара. Каждое хозяйство должно было доставить феодалу по 100 вязанок дров, а кроме того отвезти в Гарм, за 30 км, одни сани-волокуши дров для зимнего дома феодала. Все крестьяне кишлака Кызыло ходили на барщину на земли Баладжона в кишлак Хинборак, где три дня пахали, три дня жали, три дня свозили снопы и шесть дней молотили. Весь хлеб, поступавший в качестве ушра Баладжону от крестьян Кызыло, как и солому, сами же крестьяне должны были доставить в Гарм на своих лошадях и ослах. Кроме того, каждое хозяйство должно было отвезти в Гарм по три-четыре вьюка накошенной травы и по двадцать вязанок сухого хвороста. Весной несколько крестьян должны были отправляться в Гарм со своими ослами и

⁶⁹ Н. А. Кисляков. Из истории горного Таджикистана, стр. 124; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 138.

⁷⁰ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 151.

⁷¹ Н. А. Кисляков. Из истории горного Таджикистана, стр. 125, 127—128 (приведен ряд соответствующих примеров).

⁷² Там же, стр. 125; А. Маджлисов. Каратегин..., стр. 49.

мешками и собирать на улицах навоз, которым удобрялась люцерна, принадлежавшая Баладжону и высеваемая им близ города. Трижды за лето крестьяне кишлака Кызыло ходили в Гарм жать серпом и складывать эту люцерну. Баладжон имел в своих кишлаках-танхо для наблюдения за всеми этими работами собственную администрацию, которая в случае уклонения крестьянина от работ или невыполнения их в срок накладывала штрафы, постунавшие также в пользу Баладжона.⁷³

Крестьяне, попадавшие в танхо к крупному феодалу, фактически находились в полной от него зависимости. Танхохур распоряжался судьбой крестьян, он мог насильно брать крестьянских девушек в жены себе или своим сыновьям, заставлял жен и дочерей крестьян работать у себя на дворе или в доме, а их детей — пасти скот, заготавливать хворост и т. п. Крестьянин, уходивший на заработки, должен был предварительно получить разрешение от своего танхохура, а по возвращении принести ему ценный подарок.⁷⁴

Таким образом, феодал-танхохур передко — что особенно было характерно для горных бекств Восточной Бухары — фактически превращал отданные ему в ленную зависимость кишлаки в своего рода сеньорию, присваивая себе все феодальные функции, вплоть до суда и расправы. Ленные владения таких феодалов приобретали характер поместий, пользуясь феодальным иммунитетом. Крестьяне-танхо, попавшие в руки такого феодала, юридически не являлись крепостными, фактически же находились в полной от него зависимости.

Нам остается еще остановиться на формах эксплуатации на землях, являвшихся собственностью светских и духовных феодалов, т. е. на землях, являющихся обеленными мельками и вакфами. По этому вопросу материалы чрезвычайно скудны. Поскольку земли этих категорий не находились во владении непосредственного производителя, то совершенно очевидно, что и эксплуатация труда крестьян, обрабатывавших эти земли, не могла осуществляться в форме взимания налога-ренты, а должна была носить какой-то иной характер. Коль скоро речь идет об обеленных мельках — а именно такие мельки мы здесь имеем в виду, — то в отношении их вопрос о налоге-ренте совершенно отпадает. Что же касается вакфов, которые могли иметь характер как обеленных, так и необеленных земель, то если распорядитель вакфа уплачивал государству налог-ренту, последняя не касалась крестьянина, обрабатывающего участок вакуфной земли; даже если она и перекладывалась на непосредственного производителя, то уже теряла свою естественную форму.

Как же эксплуатировался труд крестьян на землях указанных двух категорий? Об одной из форм эксплуатации говорилось выше, она применялась феодалами-танхохурами, которые путем грубого и неприкрытого внеэкономического принуждения заставляли ленных крестьян обрабатывать свою обеленную мельковую землю под видом хашара. Это был наиболее выгодный для феодала способ эксплуатации — по существу, даровой труд. Хашаром выполнялись обычно все трудоемкие работы на земле феодала-танхохура — пахота, жатва, молотьба и т. п. Единственный расход, который иногда нес феодал на хашаре, — это кормление работающих один или, в лучшем случае, два раза в день. Выше уже было сказано о хашарах, поэтому останавливаться на этом вопросе больше не будем.

Другой формой эксплуатации, — наиболее, пожалуй, распространенной, — была издольная сдача земли крестьянам в обработку. Она приме-

⁷³ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 150—151.

⁷⁴ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 138.

нялась как на обеленных мильках, так и на вакуфных землях. Условия, на которых земля сдавалась крестьянам в обработку, по-видимому, варьировали в зависимости от местных условий, качества земли, общего количества земли, годной для обработки. Кроме того, во внимание принималось и то, кому принадлежал рабочий скот, инвентарь и семена — собственнику земли или же непосредственному производителю, в связи с этим соответственно увеличивалась или уменьшалась доля крестьянина в урожае.

Проведенные нами полевые обследования в различных районах ханства, а также сведения, имеющиеся в литературе, показывают, что при условии предоставления владельцем только земли, а издольщиком — своего труда, тягловой силы, инвентаря, а иногда и семян издольщик получал половину, а при более кабальных условиях — треть урожая. Иногда оговаривалось, что сторопа, предоставившая семена, при реализации урожая получает их обратно, а затем уже происходит раздел урожая. Отдача непосредственным производителем половины урожая за предоставленную ему землю считалась как бы нормой, что отражалось и в применяемом при такой издольщине термине «шарикӣ» («товарищество»). Стороны как бы считались здесь равными: одна давала землю, а другая — труд и необходимые средства производства.

Такие отношения были характерны для феодалов, имевших дело с крестьянином, который обычно владел своим хозяйством, а также землей, но был вынужден брать дополнительную землю у феодала. Феодалному хозяйству не было дела до того, как ведется издольщиком обработка земли, его интересовал только результат, реализация урожая. Отсюда нередко, особенно на вакуфных землях, мы встречаем еще посредника в лице арендатора — иджорадора, который целиком брал в аренду земли того или другого вакфа и уже от себя сдавал их крестьянам по частям. Нередко вакф организовывал торги и сдавал землю тому иджорадору, который давал большую цену.

Здесь перед нами выступает типичная феодальная издольная аренда, которая, вероятно, была характерна и для более раннего времени.⁷⁵

Однако, как уже пришлось упомянуть при характеристике классов бухарского общества, в последний период существования ханства, в конце XIX—начале XX в., наряду с феодальной издольщиной находит себе место и капиталистическая аренда земли. Начинается усиленная скупка кулаками-баями земли у бедноты, разорение хозяйства последней. Крестьянин, лишенный земли или имеющий ее в недостаточном количестве для поддержания существования своего и своей семьи, а зачастую лишенный и других средств производства — рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, был вынужден арендовать землю у бая, получая от него также волов, земледельческие орудия и семена. Все это вынуждало его довольствоваться еще меньшей долей урожая, составлявшей уже четвертую или пятую часть его; такие арендаторы-издольщики носят название чайрикер (чорьяк — «одна четвертая»; другое толкование этого термина см. в следующей главе).⁷⁶

⁷⁵ См., например: В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхона. Сб. «Мавзолей Ишратхона», Ташкент, 1958, стр. 134. — Автор говорит о том, что еще в XV в. вакфы сами землю не обрабатывали, а извлекали из них доходы путем сдачи в аренду жителям ближайших селений, причем в документах нет указаний на то, что мутавалли выдавали посевщикам зерно для посева и рабочий скот; напротив, видно, что участок сдавался только в аренду и вакф не принимал никакого участия в обработке земли.

⁷⁶ Полевые записи от Сидика Норова (кишлак Тасмачи Хатырчинского района), Пири Джуроева и Худойберды Наврузова (кишлак Джингон Свердлов-

Дальнейшее обезземеление крестьянства приводит к появлению лишенных средств производства батраков и сельскохозяйственных рабочих, известных под названием мардикор, етим, карори, коранда; значение этих терминов варьировало по отдельным районам, в зависимости от положения этого типа людей, условий их труда и быта.

Подробное рассмотрение складывавшихся в кишлаке капиталистических отношений не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что несмотря на рост этих отношений капиталистическая аренда, приходившая на смену феодальной издольщине, еще в значительной степени имела докапиталистический, полуфеодальный, а часто и полунатриархальный характер, о чем будет подробно говориться в следующей главе.

Напомним, что Маркс рассматривал систему издольного хозяйства как переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической, указывая при этом, что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще.⁷⁷ Вполне естественно, что эта переходная форма имела много ступеней развития по пути от чисто феодальных отношений к капиталистическим.

ского района Бухарской области), Усмана Ризоева и Хамидхона Сарыбаева (кишлак Сайроб Байсунского района), Исака Якшамбаева (кишлак Карлук Шурчинского района Сурхандарьинской области), Бобо Халима Мукимова (г. Кара-таг). — О различных вариантах издольной аренды в Дарвазе см.: Рахимов. Земледелние таджиков..., стр. 118 и след.

⁷⁷ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 815—816.

Глава третья

ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ УКЛАД И ПЕРЕЖИТКИ ОБЩИННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИШЛАКЕ

В предыдущих главах были рассмотрены характерные черты феодального способа производства в Бухарском ханстве применительно к последнему времени его существования. Теперь остановимся на особенностях патриархального уклада, органически связанного с господствовавшими феодальными отношениями и, как увидим в дальнейшем, нередко использовавшегося эксплуатирующими классами в своих интересах. Наиболее специфичным является то, что феодальные отношения облекались в патриархальную форму или же им придавалась форма общинных отношений, пережиточно еще существовавших в кишлаке. Таким путем феодальные отношения как бы опирались на силу традиции, на авторитет родовых обычаев первобытного коллективизма. Феодальная собственность, в первую очередь собственность на землю, прикрывалась общинной формой собственности, общинным владением и использованием земель, что до известной степени маскировало самое существо феодальной эксплуатации непосредственного производителя.

В предыдущей главе мы сознательно не касались вопросов общинного землевладения и не выделяли общинные земли в качестве одной из основных земельных категорий. Крестьяне, владевшие или пользовавшиеся определенными земельными угодьями сообща, как и владельцы индивидуальных участков, в условиях феодального способа производства все же не являлись собственниками этой земли; собственником было государство, взимавшее с коллективных владельцев определенные сборы (топливом, сеном, скотом, деньгами), и потому общинные земли в большинстве случаев должны были быть отнесены к категории амлоковых земель.

С точки зрения феодального способа производства представляется совершенно безразличным, владеет ли непосредственный производитель земель коллективно или индивидуально. Маркс, говоря о самостоятельности непосредственного производителя, отмечал, что она «не снимается тем, что, как, напр., в Индии, эти мелкие крестьяне соединены в более или менее естественно выросшую производственную общину, так как здесь идет речь о самостоятельности только по отношению к номинальному землевладельцу».¹

В Бухарском ханстве позднейшего периода общинное владение и пользование землей было еще в достаточной степени развито, являясь одной из характерных черт пережиточно сохранявшейся сельской общины. Однако формы общинного землевладения отличались значительным разнообразием и отражали различные этапы развития и разложения сельской общины. Наиболее стойко общинное землевладение и землепользование сохранялось в горных, экономически отсталых районах Восточной Бухары,

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 803.

а также в некоторых полупустынных, засушливых районах Западной Бухары — в Каршинской степи.² Остановимся хотя бы кратко на характеристике общинного землевладения в названных местах.

Типичное описание общинных земель в горных восточных районах дано М. Р. Рахимовым на примере Дарваза. Отметим прежде всего, что в этих районах вся пахотная земля находилась в индивидуальном пользовании, общинными являлись лишь выгоны, пастбища, заросли кустарника, лесные участки и другие угодья. Общинные земли здесь носили название замини омма или замини хосуомм, что буквально означает «общинные земли» или «специальные общинные земли». Все эти земли служили выпасом для скота, как крестьянского, так и местного бека или мира, а также для заготовки топлива и трав. Они подразделялись в связи с этим на три группы.

Первая носила название айлок. Хотя эти земли и считались общественными, фактически ими распоряжался бек. Это были пастбища, обычно расположенные вдаль от кишлаков, высоко в горах. Здесь пасся без охраны крупный рогатый скот и лошади, принадлежавшие местному населению, а также стада мелкого рогатого скота, пригонявшегося из равнинных районов и принадлежавшего крупным скотоводам-кочевникам — узбекам и локайцам. Прекрасные качества этих пастбищ привлекали многих кочевников, между которыми сплошь и рядом происходила борьба за лучшие участки. Чтобы пользоваться хорошим участком и воспрепятствовать доступу на него других скотоводов, богатые кочевники подносили беку различные дорогие подарки, в результате бек санкционировал право использования участка тем или другим владельцем скота. Этот факт свидетельствует о том, что указанные выпасы фактически находились в распоряжении бека. Помимо подарков и взяток, бек брал со всех владельцев скота специальную подать за право выпаса — хасунá (буквально «пóдать за траву»). Для взимания этой подати учреждались в различных местах особые пункты, куда весной выезжали бекские чиновники, а нередко и сам бек. Уплата производилась овцами (две овцы с каждой тысячи, причем овец выбирали чиновники), которыми пополнялись стада бека. Обычно пришедшие скотовладельцы устраивали для сборщиков хасуна также и хорошее угощение, закалывая двух-трех баранов.

Вторая группа общинных земель носила название чарогох (буквально «места для выпаса»). На этих землях выпасался скот всего населения кишлака, в том числе баев и чиновников, если они были родом из этого кишлака и имели в нем свое хозяйство. Скот последних обычно выпасался отдельными стадами каждого владельца под присмотром постоянных пастухов; крестьянский же скот соединялся в общее стадо, которое пасли пастухи, назначаемые в порядке очередности от каждого хозяйства, независимо от количества посылаемого им в стадо скота. К той же группе пастбищ относились и летовки — девлох, находившиеся недалеко от селения; на них летние месяцы проводили женщины со скотом, заготавливая здесь молочные продукты на зиму, здесь сооружались временные жилища типа шалашей, а для скота — каменные ограды (загоны). Летовки были постоянными, из года в год одни и те же семьи пользовались определенными летовками. Одной из целей выхода на летовку было предотвратить поправки посевов, поэтому скот перегонялся на травяные участки вблизи кишлака лишь осенью, после снятия урожая.

² Как отмечено в разделе «Аграрные отношения» предыдущей главы, общинные угодья существовали и во многих других местах — в Гисарской долине, в долине Сурхан-Дарьи, в верховьях Кашка-Дарьи.

К третьей группе общинных земель М. Р. Рахимов относит джангали омма — общественный лес; в большинстве случаев это были заросли кустарника. Здесь не только пасли скот, но и заготавливали топливо. Таких угодий было сравнительно мало, и нередко на них претендовали жители двух или трех кишлаков, что служило причиной ссор, а иногда и побоищ.³

Приведенная только что классификация общинных земель по отдельным районам имела, по-видимому, различные варианты. Так, например, согласно собранным нами материалам, в Каратегине все общественные земли — замини омма — подразделялись на 1) айлоки омма, или айлоки подшой (общественный выпас, или падишахский выпас) и 2) айлоки кишлок (кишпачный выпас), однако провести грань между тем и другим не всегда было возможно. Айлоки кишлок являлись кишпачными угодьями и находились в нераздельном владении одного, а иногда двух-трех кишлаков; участки, отведенные для выпаса скота, назывались девлох, те же участки, где заготавливалось топливо и травы на корм скоту, назывались пушта. Что касается айлоки подшой (айлоки омма), то это были такие пастбища и пустоши, на которые тот или другой кишлак не мог доказать права преимущественного пользования и которыми могли пользоваться все; эта группа общинных земель в Каратегине соответствует той, которая у М. Р. Рахимова названа айлок. Характерно, что в Каратегине эта группа общественных угодий фактически находилась в распоряжении мира или бека: в более отдаленное время никому из крестьян не возбранялось распахать здесь для себя участок, но с конца XIX в. это было запрещено и беки стали продавать участки этих земель отдельным кишпачным обществам.⁴

Для верховий долины Хингоу (Вахио-Боло) нам пришлось уже в одной из работ указывать, что летние пастбища и участки для сбора топлива считались находящимися во владении целого кишлака или кишпачной общины, в то время как участки, на которых заготавливались травы в качестве корма скоту на зиму, в некоторых кишлаках были разделены между отдельными хозяйствами, так же как и рощи, окружавшие кишлак, где заготавливался главным образом строительный материал.⁵

Мы видим, таким образом, что в горных районах Восточной Бухары отдельные группы общинных земель находились в пользовании либо всех желающих (фактически же в распоряжении бека), либо отдельных кишпачных обществ, или, наконец, отдельных хозяйств. Однако, по-видимому, такое подразделение нигде не являлось стабильным, а с течением времени изменялось, причем процесс шел в направлении раздела общинных земель между крестьянами, а также захвата их представителями феодальной знати и нарождавшегося кулачества — байства.

Согласно нашим материалам, в Каратегине крестьянин, если он хотел поднять целину, мог, получив согласие своих односельчан, распахать тот или другой участок неполивной земли где-либо на склонах гор, поросший травами или кустарником; такая новая распахка носила название мильки альмакан и переходила во владение обработавшего ее крестьянина.⁶ Однако, по-видимому, все же более типичными являлись коллективные разделы общественных земель — таксимоти замин, о которых интересный и под-

³ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 92—94.

⁴ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 156—157.

⁵ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. Труды Института антропологии, этнографии и археологии, т. X, М.—Л., 1936, стр. 114—115.

⁶ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 156.

робный материал мы находим у М. Р. Рахимова.⁷ Эти разделы, очевидно, стали обычным явлением в последние десятилетия до революции. Вопрос о разделах общественных угодий предварительно обсуждался заранее на сходе в мечети, поднимался он обычно наиболее авторитетными, а часто наиболее зажиточными крестьянами. Разделы носили различный характер. Иногда делили тот или другой участок пастбищной земли и распределяли ее между односельчанами для сенокосения. Иногда же дележ земли, обычно неудобной для пастбы скота и поросшей кустарником или лесом, проводился с целью выделения индивидуальных участков для поднятия целины и посева зерновых. В таких случаях предварительно, по взаимному уговору, в назначенное время все мужчины селения выходили рубить кустарник и корчевать деревья; высохший валежник сжигали для лучшего удобрения будущих посевов, затем оставляли землю нетронутой на год и только после этого приступали к разделу на участки и к пахоте.

Раздел производился старостой кишлака совместно с некоторыми наиболее авторитетными односельчанами путем измерения земли с помощью веревки, однако при разделе принималась во внимание возможность того или другого хозяйства обработать землю, и поэтому более зажиточные хозяйства получали больше земли.

Местами практиковались и более примитивные методы раздела. Так, например, по словам М. Р. Рахимова, при разделах сенокосных угодий крестьяне приходили в назначенное время с серпами и каждый старался как можно скорее сжать полосу травы вокруг намеченного участка, таким путем определив границу своего будущего владения; естественно, что наиболее искусные, ловкие и сильные жнецы могли захватить больший участок, в то время как тем, у кого в хозяйстве не оказывалось хороших работников, доставалось меньше земли. При дележе земли, предназначенной под пахоту, применялся следующий способ: каждый крестьянин (вероятно, вместе со всеми работоспособными членами семьи) выходил в указанное время со своим рабочим скотом, пахотными орудиями, лопатами и мотыгами и старался путем проведения борозды или установки других каких-либо межевых знаков выделить себе участок побольше.

Нетрудно видеть, что при таком способе захвата возможно большего участка мы имеем дело с применением того же принципа, который проводился при дележе земли путем измерения: более мощное хозяйство получало больше земли; однако здесь этот принцип проводился явочным порядком. Естественно, что таким путем при разделе общинных земель наиболее крупные и хорошие участки доставались богачам, а также местным чиновникам-феодалам, уроженцам данного кишлака, которые в этих случаях выступали на правах общинников.

Разделы общинных земель обычно совершались с ведома и разрешения властей, на раздел выдавалась особая бумага, и вновь распаханые участки брались на учет на предмет сбора установленного налога с урожая.

Несмотря на то, что пахотные земли в бекствах Восточной Бухары находились повсеместно в индивидуальном владении и пользовании, кое-где еще и на них распространялись общинные традиции и общинные права. В свое время нам уже пришлось касаться этого вопроса применительно к одному из горных районов довольно подробно,⁸ повторим здесь лишь основные положения.

⁷ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 94—96.

⁸ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 112—113.

В горных селениях было принято выпасать общинное стадо весной до посева, а также осенью после снятия урожая на сжатых полях, где скот поедая остатки соломы; на это время частновладельческие земельные участки превращались в общественные пастбища. При этом, конечно, никакого специального разрешения владельца поля не требовалось, никому и в голову бы не пришло нарушить обычное право, существовавшие традиции и запретить выпас скота на своем поле. Точно так же односельчане совместно производили на пахотных землях весной сбор съедобных клубней растения чины — мынгака, никто из домохозяев не мог воспрепятствовать копать мынгака на его поле.

Все это требовало от односельчан одновременного начала и проведения сельскохозяйственных работ — посылки снега на полях земель для скорейшего его таяния, вывоза навоза, пахоты, полива, жатвы, молотбы; все эти работы начинались в специально выбранные и назначенные наиболее уважаемыми стариками дни. Необходимость проведения сельскохозяйственных работ в одно и то же время диктовалась и наличием общей ирригационной сети, а также принятым единством севооборота, которого придерживались все общинники; в большинстве случаев земля каждого хозяйства была разбросана в двух-трех местах.

Следует отметить, что некоторые из названных обычаев, — например, обычай выпаса общинного скота на полях, одновременное проведение сельскохозяйственных работ, — были распространены весьма широко и в других районах ханства.

В кишлаках верхнего течения Хингоу до революции сохранялись и другие, по-видимому, более древние пережитки общинного начала. Обычно здесь усадьба, называвшаяся хок или ватап, т. е. дом со всеми хозяйственными постройками, пахотной землей, отдельными фруктовыми деревьями и пр., составляла единое неразрывное целое и представляла собой самостоятельную единицу в селении. Как правило, усадьба переходила по наследству от отца к сыновьям, хозяином усадьбы обычно считался старший брат. Если же между братьями не было согласия и возникали недоразумения и ссоры, то вопрос о том, кому владеть усадьбой, разрешался местными властями, совместно со старейшинами кишлака; усадьба обычно не делилась и не дробилась, что, возможно, обуславливалось недостатком пахотной земли в этих местах. Хозяином усадьбы чаще всего делался наиболее трудоспособный из братьев, остальные братья, а также сестры могли проживать в доме; сестры затем выходили замуж в другие дома, а другим братьям иногда предоставлялась какая-либо выморочная усадьба. Во всяком случае, остальных братьев и сестер старались компенсировать при разделе движимым имуществом, в частности скотом. Обычно также, если после смерти хозяина усадьбы не оставалось трудоспособных сыновей, усадьба могла быть передана по приговору старейшин и властей кому-либо из односельчан, предпочтительнее родственникам умершего, но если таких не оказывалось, то и чужим. Часто, если оставалась вдова покойного с несовершеннолетними детьми, ее уговаривали остаться в доме и владеть вместе с детьми усадьбой, но при условии — взять себе в дом нового мужа и работника; при этом определялся и кандидат. Если же вдова отказывалась, то ее с детьми переселяли куда-либо в худжра (небольшую постройку без надела), а усадьбу передавали другому лицу.

М. Р. Рахимов, цитируя эти наши материалы, отмечает, что в других кишлаках бассейна Хингоу такой порядок им не отмечен и, может быть, правомерно полагать, что в верховьях Хингоу он был вызван недостатком пахотной земли. Однако М. Р. Рахимов в то же время отмечает, что если у покойного владельца усадьбы наследников не было или же они были

несовершеннолетними, то усадьба переходила к кому-либо из родственников и он содержал и воспитывал малолетних, а когда они вырастали, то возвращал усадьбу, удерживая себе стоимость затраченного на воспитание; иногда же усадьба так и оставалась у этого человека, если он мог доказать, что израсходовал на детей бывшего хозяина усадьбы больше, чем стоило все наследство.⁹

А. А. Семенов в очерках, посвященных горным районам Восточной Бухары, отмечает следующее: «...если бы по смерти хозяина поля остался в его семье несовершеннолетний старший сын, не способный обрабатывать землю, и если бы даже, кроме него, были еще и другие дети или взрослые сестры и при них мать, то участок передается во владение не им, а старшему мужчине в роде, например, брату покойника, за которым уж и остается всю жизнь безвозвратно».¹⁰

В кишлаке Кизыл-Имчок (верховья Кашка-Дарьи) нами записано следующее. Если после смерти хозяина не оставалось трудоспособных членов семьи, то землю отдавали ближайшим родственникам, вдова же получала $\frac{1}{8}$ имущества. Если оставались маленькие дети, то их воспитывали родственники отца; за это воспитание дети должны были считать себя миннатдор (благодарными, признательными), но не карздор (должниками). Они со своей стороны чем-либо старались быть полезными, помогали в работе и т. п.¹¹

Все вышесказанное позволяет утверждать, что хотя в предреволюционный период в общинном владении и пользовании находились фактически только такие угодья, как пастбища, леса и заросли кустарника, пустоши и т. п., кое-где еще и пахотные земли были в сфере компетенции сельской — кишлачной — общины и каждый отдельный землевладелец был связан известными нормами обычного права как в вопросах использования земли и ведения на ней хозяйства, так и в вопросах наследования и передачи земли и всей усадьбы в целом. В разных местах мы встречаемся с различными вариантами этих норм, с большей или меньшей степенью сохранности пережитков общинного владения и распоряжения пахотной землей.

Весьма характерна при этом та роль, которую играло в сохранении пережитков общинного землевладения само феодальное государство. Несмотря на то, что данный земледелец являлся членом сельской общины, он был также самостоятельным плательщиком в отношении верховного собственника земли. Бухарская администрация была заинтересована в том, чтобы каждая отдельная усадьба, с пахотной землей и другими относящимися к ней угодьями, находилась во владении дееспособного плательщика, который своевременно и полностью мог бы платить государственные налоги и сборы, исправно нести все возлагаемые на крестьян трудовые повинности. Поэтому местные власти всячески содействовали консервации указанных общинных традиций и существующих норм обычного права: они поддерживали старосту и авторитетных людей кишлака в их мероприятиях по передаче усадьбы крепкому, работоспособному земледельцу; в то же время они всячески препятствовали разделу крестьянских хозяйств, дроблению усадьбы на части, облагая делившихся после смерти отца сыновей специальной пошлиной, равной сороковой части имущества, и всякими дополнительными сборами.

⁹ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 103—104.

¹⁰ А. А. Семенов. Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 49—50.

¹¹ Полевые записи от Фатхулло Нора.

В данном случае интересы феодального государства совпадали с интересами руководителей общины, включая и кишлачного старосту, выступавшего перед властями в качестве представителя общины. Несмотря на личную ответственность каждого крестьянина перед властями в отношении уплаты налогов, все же в силу той же традиции все крестьяне — члены общины — были связаны между собой круговой порукой, выражавшейся в том, что каждый кишлак должен был выплачивать в целом определенную сумму налогов, причитавшуюся с него из года в год.

Особенно же эта круговая порука проявлялась в многочисленных трудовых повинностях, объем которых, естественно, не мог быть никоим образом сокращен (особенно при таких повинностях, как ремонт ирригационной сети и дорог, расчистка дорог от снега, количество вьючных животных, поставляемых для различных перевозок, доставка феодалам и властям топлива и т. п.).

Пережитки общинного землевладения, естественно, сохранялись главным образом в наиболее экономически отсталых районах. К таким следует причислить не только горные районы Восточной Бухары, но и некоторые полупустынные районы юго-западной части ханства, в основном испытывавшие недостаток в воде, где по условиям того времени земледелие могло вестись лишь на сравнительно ограниченной площади. Здесь, в Каршинской степи, мы сталкиваемся с общинным владением и использованием земель, по-видимому, в еще более архаичной форме, чем в восточных горных районах, а именно — в форме общинно-передельного пользования пахотной землей.

Один из ранних авторов, охарактеризовавший эту форму общинного землевладения, А. Шишов,¹² отмечает (и, по-видимому, правильно), что консервация ее тесно связана с огромными затратами труда на поддержание ирригационной сети, что в условиях засухливой, полупустынной местности невозможно для одного человека, а требует коллективных усилий на проведение, а затем ежегодную чистку и исправление оросительных каналов. Затрата труда на ирригацию здесь несомненно была большей, чем в горных районах, обладающих большим количеством естественных потоков и пользовавшихся также атмосферной влагой.

А. Шишов указывает далее, что основанием при всех переделах земли в этих засухливых местах служил кош, т. е. пара волов, запряженных в соху, с пахарем и мотыгой. Количество таких единиц, или кошей, и определяло поземельное богатство земледельца, ибо от этого зависело, какое количество земли он мог обработать. В то время как богатые люди имели по несколько кошей, несколько бедняков содержали в складчину один кош. Перед наступлением полевых работ старосты определяли, какая часть земли отдохнула под паром и может обрабатываться. Они оповещали, что в такое-то время желающие иметь пашню должны прибыть в определенное место с рабочим скотом и инвентарем для проведения подготовительных ирригационных работ. Затем земля делилась на столько кошей, сколько их участвовало в работе, при этом участки по своей ценности должны были быть совершенно равны. Дележ производился путем жеребьевки: каждый владелец коша бросал свой значок в полу постороннего человека, затем значки раскладывались по участкам и каждый получал тот участок, или чак, на который лег его значок; владельцам нескольких кошей обычно отводили смежные участки. Вода для орошения

¹² А. Шишов. Сарты, ч. I, стр. 190—192.

пускалась на каждый чак поочередно. «Таким образом, — прибавляет автор, — общинная земля делилась между однообщинниками по количеству произведенной каждой работы для приведения полей в годный для обработки вид». В заключение А. Шишов указывает, что эти участки общинных земель по обычаю могли переходить во владение тех лиц, которые имели возможность благоустроить участок, развести на нем сад, выстроить дом, засеять люцерной и обнести глинобитной стеной; такой участок носил название хаят; если же владелец хаята переставал о нем заботиться и хаят приходил в запустение, то он отбирался и снова превращался в общинную землю.

Уже после революции общинно-передельное землепользование, которое еще сохранялось в первые годы установления советской власти, было изучено и описано В. А. Полозовым,¹³ который проводил свою работу в бывших Ширабадском и Каршинском бекствах в 1924—1925 гг. В качестве примера им взят кишлак Май-Манап (ныне Касанского района Сурхандарьинской области) в низовьях Кашка-Дарьи.

Спустя почти тридцать лет после этого К. Ш. Шаниязов опубликовал описание общинно-передельного землепользования в другом кишлаке того же Касанского района — Каллык; естественно, что ему пришлось собирать материал уже по расспросным данным, поскольку социалистическое преобразование сельского хозяйства давно ликвидировало общинно-передельное землепользование; однако исследователю удалось собрать довольно подробные материалы.¹⁴ В. А. Полозов, имевший возможность непосредственно наблюдать общинно-передельное хозяйство, отмечает, что свою чистую форму оно сохраняло лишь в глухих местах.

Оба автора согласно указывают, что передельно-общинное (или, по выражению В. А. Полозова, артельно-общинное) землепользование явилось переходной формой между отмиравшим родовым и позднейшим индивидуальным землепользованием. Для кишлака Каллык К. Ш. Шаниязов даже указывает конкретно, между какимидесять родами была разделена вся обрабатываемая, а также и пастбищная земля.

Общинно-передельное землепользование в указанных кишлаках, как и в других ближайших кишлаках, носило название пайкал; так, по-видимому, назывались и самые участки, на которые переделялась земля, и группы земледельцев, совместно обрабатывающие каждый такой участок. Вся общинная пахотная земля в связи с практиковавшейся системой севооборота делилась на две или три части; из них ежегодно обработка подлежала одна такая часть, а другая или две других части оставались под паром и служили выгоном и пастбищем для скота. На пайкальных землях высевали главным образом зерновые — пшеницу и ячмень, реже и в незначительном количестве — другие культуры (кунжут, лен, хлопок).

В обоих кишлаках ежегодно ранней весной (в феврале) жители собирались на сельский сход, называвшийся, по словам К. Шаниязова, йитин; на нем выяснялось количество женатых мужчин, так как только они имели право принимать участие в пайкале, выяснялось количество участков на подлежащей разработке земле и все участники разбивались на группы по количеству пайкалов. Фактически из практики предшествующих лет уже

¹³ В. А. Полозов. Узбекское общинное землепользование в Ширабадской долине и Каршинской степи Уз. ССР. Народное хозяйство Средней Азии, 1925, № 7, Ташкент, стр. 69—75.

¹⁴ К. Шаниязов. Общинное землепользование в селении Каллык. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. XXXIV, 1960, стр. 30—38.

было известно количество пайкалов, существовала и разбивка земли на участки, а также ядро каждого пайкала, часто состоявшего из нескольких родственных семей. Таким образом, на сходе уточнялись лишь некоторые подробности: если из какого-либо пайкала выбыл один из его участников, то добирали нового члена, если возникали какие-либо сомнения в равенстве участков, то производили дополнительное перемеривание. К. Ш. Шаниязов отмечает, что члены каждого пайкала выбирали старшину — чокбоши, обычно из числа состоятельных членов пайкала. В. А. Полозов говорит, что сначала выбирали старшин по числу намеченных пайкалов, а затем уже происходила разбивка крестьян по пайкалам. Можно думать, что поскольку, как указывают оба автора, пайкалы существовали примерно в одном и том же составе из года в год, указанное различие в порядке не имело существенного значения. Кроме выбора старшин, на сходе выбирали также старост кишлака — аксакалов (В. А. Полозов говорит о двух старостах, К. Ш. Шаниязов называет одного старосту), а затем мираба — лицо, ведавшее распределением воды. Если прежний староста работал добросовестно, то он мог быть вновь выбран, в противном же случае говорили о его недостатках и предлагали избрать другого. По словам К. Ш. Шаниязова, на этом же сходе выбирали пять-шесть цирюльников — сартарош, обслуживавших каждый по несколько пайкалов, за что участники пайкалов должны были выделить своему цирюльнику определенную долю — хак — за его труд; если работа того или другого цирюльника, который обслуживал членов пайкалов в предыдущем году, признавалась плохой, то от его услуг отказывались и ему предлагали включиться в один из пайкалов в качестве земледельца, а на его место выбирали другого.

После указанного схода сразу же или в специально назначенное время происходила жеребьевка участков между группами крестьян, объединенными в пайкалы. К. Ш. Шаниязов следующим образом описывает ее. В земле выкапывались по числу пайкалов небольшие продолговатые углубления — чок: первое углубление соответствовало первому, или начальному, пайкалу, второе — второму, и т. д. Старшина каждого пайкала имел при себе какой-либо отличительный предмет или знак — палочку, камешек — с определенными, одному ему известными приметами. Кого-либо из подростков назначали жеребьевщиком — чокташар. Староста бросал в полу халата этого подростка все собранные у старшин пайкалов значки, а затем несколько горстей земли, перемешивал значки с землей, очевидно для того, чтобы они с первого взгляда не были заметны. Затем чокташар, не глядя, брал ощупью значки один за другим и бросал их в очередное углубление. После этого каждый старшина пайкала отыскивал свой значок и таким путем узнавал, какой участок ему достался. По обычаю, если он даже и был недоволен доставшимся ему участком, он не должен был этого открыто проявлять; существовала даже поговорка: «чокка тушган — чакрамас» [«если даже в чок попал и плохой участок, то не следует проявлять недовольство» (буквально «подпирывать»)].¹⁵

В кишлаке Каллык, — можно думать, что и в других кишлаках, — один пайкал выделялся специально для мечети. Предоставление семян для обработки этого пайкала, а также и сама его обработка, вплоть до уборки

¹⁵ В кишлаке Етим-Хтай того же Касанского района нами в 1958 г. было записано, что при распределении пайкалов предварительно на земле чертили схематический план расположения участков; подросток, собрав знаки у старшин пайкалов, разбрасывал их по начерченным на земле участкам (информаторы Шариф Норбутаев и Арслан Сафаров).

урожае, являлись обязанностью всех жителей селения сообща, урожай же получал имам и другие служители культа из мечетей кишлака.

В. А. Полозов указывает, что участники каждого пайкала подбирались отчасти по родственному, отчасти по социально-экономическому признаку — по мощности входивших в пайкал хозяйств. Обычно, говорит он, старшинами пайкалов были богатые, обеспеченные рабочим скотом и инвентарем дехкане, они подбирали в свой пайкал и несколько бедняцких хозяйств, лишенных всякого имущества, часто даже усадьбы и построек. То же отмечает и К. Ш. Шаниязов, который приводит ряд примеров участия крестьян в работе отдельных пайкалов и после этого делает вывод о имущественном неравенстве внутри пайкального хозяйства селения Каллык, в котором резко выделяются три категории участников пайкала: беднота, составлявшая большинство в каждом пайкале, в лучшем случае имевшая одну голову скота, а то и совсем не имевшая его; середняки, владевшие парой голов рабочего скота, применявшие иногда наемный труд; кулацко-байская часть, имевшая несколько голов рабочего скота и применявшая исключительно наемный труд. Автор прибавляет, что для зажиточных участие в пайкале являлось лишь дополнительным занятием, потому что в основном они занимались скотоводством; в то же время для середняков и бедняков работа в пайкале была основным занятием.

Каждый пайкал обычно, по-видимому, состоял из 8 долей или частей (об этом категорически говорится у К. Ш. Шаниязова, менее четко у В. А. Полозова), называвшихся тап. Участник пайкала мог входить в него с правом от одной до четырех долей, но не больше, что зависело от тех средств производства (включая и труд), которые он обязан был предоставить. Основным и решающим при этом было, по-видимому, количество рабочего скота — парных упряжек или голов, затем число кошчи — работников для всего цикла сельскохозяйственных работ, включая очистку магистральных арыков и прокладку мелкой оросительной сети, и, наконец, предоставление семян для посева.

Чтобы определить степень участия каждого члена пайкала в работе и в связи с этим причитающуюся ему долю урожая, старшина пайкала созывал всех его членов для общего совета. Пайкал мог, например, состоять из восьми участников, каждый из которых выделял по одной единице рабочего скота, по одному работнику с соответствующим инвентарем и по одинаковому количеству семян; в таком случае пайкал обладал четырьмя кошами, т. е. четырьмя пахотными упряжками, каждый же из восьми участников пайкала имел одну долю — тап, в соответствии с чем и получал восьмую часть урожая.

В другом случае, в пайкал входило шесть участников на различных условиях. Предположим, что трое участников могли выставить по одной единице рабочего скота и соответствующий инвентарь, а также по одному работнику, но не имели возможности дать семена; двое других не имели ни рабочего скота, ни семян; наконец, последний из участников был в состоянии выставить три головы рабочего скота и трех работников и соглашался дать все зерно для посева — с условием, что это зерно с некоторой надбавкой будет возвращено ему осенью. Урожай делился из того расчета, что последний из названных участников получал три доли, а остальные пять — по одной доле; кроме того, два участника, не имевшие рабочего скота, должны были выполнить ряд работ, от которых освобождались остальные четыре участника (очистка оросительной сети, молотья, веяние и др.). Пайкал мог состоять и из четырех участников, из которых первый, скажем, выставил две упряжки рабочего скота и имел право на четыре доли, второй — одну упряжку и имел право на две доли, а два

остальных участника, не имевшие скота, при условии выполнения всей черной работы имели право на одну долю каждый.¹⁶

Неженатые жители кишлака, которых не принимали в пайкал, обычно напимались зажиточными участниками пайкала для обработки земли, так как сами зажиточные, конечно, не работали. Неженатыми чаще всего были бедняки, потому что для женитьбы требовались значительные средства. Наемных рабочих брали для пахоты, тогда их называли кошчи, а затем на период уборки урожая, в этом случае их называли урокчи.

Оба упомянутых автора, давших описание пайкального землевладения, подчеркивают в нем резко сказавшееся для последнего времени существование Бухарского ханства имущественное неравенство, что являло собой уже разложение общинного землевладения. Как пишет К. Ш. Шаниязов, богачи, занимавшие господствующее положение в пайкале, фактически являлись уже эксплуататорами, а не производителями; непосредственными производителями были крестьяне, имевшие одну голову рабочего скота или не имевшие его вовсе, т. е. фактически бедняки или в лучшем случае середняки.

В. А. Полозов полагает даже, что широко распространенная в Средней Азии издолизация являлась дальнейшим развитием пайкальной организации. Вызванная проникновением в край товарно-денежных отношений имущественная дифференциация в кишлаке повлекла за собой скупку зажиточными слоями населения пайкальных земель (возможно, первоначально почему-либо оставшихся свободными пайкалов, которые продавались по решению сельского схода); превращая таким путем общественные земли в индивидуальные, личные, богачи в то же время превращали бедняка и своего недавнего сотоварища по пайкалу в издольца, тайрикера, т. е. лишали его «юридического равноправия на землю в свою пользу, внося изменение в норму обычного права».¹⁷

Однако из материала, приводимого В. А. Полозовым, видно, что процесс перехода земли из общественного пользования в индивидуальное шел не только путем скупки пайкальных участков богачами. Он говорит, что в ряде кишлаков, ближе расположенных к железной дороге и к экономическому центру — г. Карши, преобладал порядок, в силу которого пайкалы уже не подвергались переделам, а переходили по наследству. Такое положение, по-видимому, могло складываться лишь в том случае, когда зажиточное хозяйство имело в своем распоряжении целый пайкал, а для этого, естественно, должен был быть нарушен важнейший принцип обычного права, о котором говорил К. Ш. Шаниязов, по которому участник пайкала не мог владеть более чем четырьмя долями из восьми, т. е. половиной.

В районах распространения пайкального землепользования оба автора отмечают также и наличие приусадебных частновладельческих земель индивидуального пользования, называвшихся хаят; они были расположены в самом селении или же вблизи от него и обносились глинобитными стенами, на них разводили огородные и бахчевые культуры, сеяли лен, люцерну, реже устраивали небольшие сады или виноградники. Хаяты принадлежали главным образом зажиточным хозяйствам; о том, были ли они генетически связаны с пайкальными землями, как отмечает это А. Шишов (см. выше), В. А. Полозов и К. Ш. Шаниязов ничего не пишут.

Говоря об общинном землепользовании в горных районах Восточной Бухары, мы отмечали то обстоятельство, что феодальное государство было

¹⁶ Указанные примеры приведены К. Ш. Шаниязовым.

¹⁷ В. А. Полозов. Узбекское общинное землепользование..., стр. 73.

заинтересовано в консервации этой формы землепользования. Как же обстояло дело в отношении пайкального землепользования в Каршинской степи? В. А. Полозов, касаясь этого вопроса, прямо утверждает: «Организация палогов, повинностей и водопользования, видимо, способствует сохранению пайкала, ибо несет налоги и участвует в водопользовании пайкал, как целое».¹⁸ По его словам, пайкал являлся податной единицей, все расчеты с государством за пайкал лежали на обязанности его старшины.

К. Ш. Шаниязов подробно описывает порядок получения местными властями налога с собранного пайкалом урожая. В целом этот порядок не отличается от изложенного нами в предыдущей главе. Кучу зерна, собранного на пайкале, опечатывал дарга, затем следовал приезд амлокдора и оценка величины урожая, три десятых которого члены пайкала обязаны были сдать государству натурой или деньгами. Из оставшегося зерна выделялся хак (доля за «службу») амлокдору, дарге, мирзо, аксакалу, мирабу, цирюльнику, а также имаму мечети и духовному наставнику — пиру, каждый из них получал по полбатмана (4 пуда зерна); остальное распределялось между членами пайкала, в зависимости от их доли участия. По подсчетам К. Ш. Шаниязова, в уплату налога и сборов чиновникам уходила треть урожая, остальные две трети распределялись. Вполне естественно, что государство было заинтересовано в таком порядке, оно имело здесь дело непосредственно как бы с крупным хозяйством, вполне платежеспособным в отношении налогов; здесь также действовала круговая порука — уплата налогов не зависела от могущих иметь место случаев временной нетрудоспособности того или другого дехканина, его маломощности и неплатежеспособности. В результате раздела урожая после выделения налога и сборов бедняк, участвовавший в размере одной доли пайкала, получал примерно 8 батманов зерна на год (около 1000 кг); этим количеством зерна при наличии семьи среднего состава он прокормиться не мог и вынужден был искать дополнительного заработка.

В предыдущей главе, говоря о собственности на землю, мы не касались вопросов собственности на воду и водопользования. Следует отметить, что повсеместно собственность на воду была неразрывно связана с собственностью на поливную землю. Считалось, что рента-налог, взимаемая с непосредственного производителя, являлась компенсацией за пользование как землей, так и водой; этот взгляд находил обоснование и в том факте, что на поливных землях рента-налог была выше, чем на землях неполивных, так называемых богарных.

Таким образом, не представляется необходимым особое рассмотрение вопроса о феодальной собственности на воду. Вопросы же водопользования должны быть рассмотрены здесь, поскольку они в целом регулировались нормами обычного права и в какой-то мере были связаны с пережитками общинного пользования землей, с наличием сельской общины, вне зависимости от того, на какой стадии развития находилась эта последняя. Более того, общая система орошения была одним из факторов бытования сельской общины, она способствовала консервации сельской общины даже и тогда, когда пахотная земля в кишлаке была уже разделена между отдельными крестьянскими хозяйствами и когда уже начался передел пастбищных и других угодий.

Один из дореволюционных туркестанских авторов, Н. Дингельштедт, говоря о водопользовании, писал: «Право владения ирригационной водой

¹⁸ Там же, стр. 72.

не принадлежит никому, а право пользования этой водой обуславливается: 1) нахождением земельного участка в районе орошения, 2) участием в расходах на содержание арыка». ¹⁹ Нам представляется, что здесь довольно точно сформулированы основные принципы общего водопользования, а именно то положение, что всякий землевладелец — член данной сельской или, здесь лучше сказать, соседской общины — наряду со всеми другими земледельцами, территориально входящими в эту общину, имеет право пользоваться водой при неперменном условии участия во всех работах, связанных с содержанием в порядке, ремонтом и очисткой ирригационной сети.

Система искусственного орошения в природных условиях Средней Азии, естественно, играла большую роль, поскольку в большинстве случаев без искусственного орошения невозможно было ведение сельского хозяйства. Однако значение искусственного орошения было не везде одинаково, равно как различна была и затрата труда на орошение, удельный вес этого труда в общем количестве трудовых затрат на ведение сельского хозяйства; различна была и степень нуждаемости в воде.

Как известно, резервуаром поверхностных вод в Средней Азии являются высокие снежные горы, находящиеся в юго-восточной части ее территории; здесь же, в горах и предгорьях, выпадает значительное количество атмосферных осадков, позволяющих культивировать различные растения без искусственного орошения. Чем дальше от гор, тем меньше количество воды, приносимой горными ручьями и реками, тем меньше и атмосферных осадков. Количество воды, несомой ручьями и реками, не только уменьшается вследствие испарения, но главным образом вследствие того, что вода разбирается на орошение лежащих выше по течению земледельческих районов. Большинство мелких рек и средних рек, выходя на равнину, постепенно теряет все больше воды, отводимой для орошения, и прекращает свое существование, теряясь в степи или пустыне.

Вследствие этого в прошлом ирригационная система, ирригационное хозяйство в низовьях таких рек, как Зеравшан, Кашка-Дарья, Ширабад-Дарья, требовало больше внимания и забот; при сравнительно спокойном течении на лёссовом грунте больше труда требовалось на очистку реки и отводимых от нее каналов, сложнее было распределение воды между отдельными селениями и хозяйствами. Напротив, в горных и предгорных районах, где значительная часть культур высевалась под атмосферные осадки (так называемая богара), ирригационное хозяйство не было столь сложным (если не считать некоторых специфических трудностей, связанных с необходимостью в отдельных случаях устраивать оросительные каналы в условиях скалистой или сильно пересеченной местности), ²⁰ не было недостатка в поверхностных водах, а потому и распределение воды не представляло больших трудностей.

Сложность ирригационного вопроса в нижней части Зеравшана, дававшего жизнь всему обширному и густонаселенному Бухарскому оазису, хорошо показана в «Материалах по районированию Средней Азии...», ²¹ отрывок из которых мы позволим себе привести здесь.

¹⁹ Н. Дингельштедт. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область, т. 1. СПб., 1893, стр. 255.

²⁰ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 58.

²¹ Б. Шлегель. Гидрография и ирригация. Материалы по районированию Средней Азии..., стр. 37—39.

«Распределение воды между Самаркандской и Бухарской частью Зеравшана производилось специально паритетной комиссией, учитывавшей все условия существующего хозяйства...

«В царское время на Бухару, согласно договору, приходилась $\frac{1}{3}$ всей зеравшанской воды... хотя фактически Бухара получает около половины всей воды и могла бы быть ею обеспечена, однако поступление ее происходит обычно и по времени, и по количеству крайне неравномерно, что не дает возможности рационально ее использовать для нужд орошения.

«Наоборот, большое число магистральных каналов, берущих воду из Зеравшана и не снабженных регулируемыми забор воды сооружениями, а имеющих туземные головы, постоянно разрушаемые самой водой или руками человека, отсутствие распределительных сооружений на остальной части сети приводит к тому, что целые районы Бухарской части Зеравшана, благодаря чрезмерному обилию воды, являются заболоченными...

«Отсутствие сбросной и водосборной сети еще усиливает это явление. Многие из каналов имеют слишком малый уклон и при большом количестве наносов в воде Зеравшана заиливаются. Ежегодная очистка их требует большого количества рабочей силы, а около каналов образуются такие большие отвалы земли, что приходится перекладывать их несколько раз в сторону, чтобы иметь возможность вновь выкидывать наносы из каналов.

«Самое распределение воды между отдельными магистральными каналами неравномерно и случайно...

«От недостатка воды страдают особенно низовья системы, причем в Кара-Кульском районе этот недостаток усиливается еще оттого, что река, благодаря песчаному грунту, понижает свое русло и вместо самотечного орошения приходится прибегать к первобытному водоподъемному сооружению — чигирию...

«Неравномерность получения воды населением приводит часто к тому, что оно пользуется каждым случаем полить свои поля; бывают такие явления, что хлопчатник в голове канала поливается в течение месяца три или четыре раза, вызывая заболочивание почвы и уменьшение урожайности, а низовья системы гибнут от безводья».

Приведенные нами соображения о роли ирригации в различных местах позволяют говорить о том, что было бы, вероятно, неправильно искать прямую связь между общей системой орошения того или другого кишлака и сохранением сельской общины. Нет сомнения, как мы уже говорили, что единая ирригационная сеть является одной из причин, способствующих консервации сельской общины. Однако связь эта была скорее опосредствованная. Непосредственное же сохранение общинных порядков зависело, по-видимому, от характера хозяйства: сельская община в более нетронутом, архаичном виде сохранялась в наиболее отсталых, отдаленных или изолированных от внешнего мира районах, где почти полностью еще господствовало натуральное хозяйство, и напротив, быстрее исчезала в тех местах, куда проникали товарно-денежные отношения. Этим и объясняется, что, например, в Бухарском оазисе, где вопросы ирригации играли очень большую роль в быту населения, из всех важнейших черт, присущих сельской общине, пожалуй, только и сохранилась одна — общая система орошения; в то же время в горных районах Восточной Бухары, где проблема орошения не играла столь большой роли, сельская община сохранялась в более нетронутом виде. Третьим примером могут служить каршинские кишлаки с пайкальным землепользованием, но и здесь доминирующим фактором являлась не сложность ирригационных вопросов, а сохранение почти в еще нетронутом виде натурального хозяйства, значительная изолированность от экономических и культурных центров.

Остановимся на вопросах водопользования. В Бухарском оазисе ирригационная сеть была очень сложной. От Зеравшана отходили крупные каналы, которые здесь население обычно называло ком; они в свою очередь давали начало ряду второстепенных каналов, которые называли катаджуй («большой проток»), или шахджуй («шахский проток»); от этих второстепенных каналов иногда отходили еще более мелкие каналы — джуй, джуйбор, уже непосредственно дававшие воду на поля отдельных хозяйств. На второстепенных каналах — катаджуй — располагались земли одного кишлака, а иногда и двух-трех кишлаков. Сам Зеравшан в Бухарском оазисе тоже разделялся на рукава, — например, выше Вобкента он делился на Вобкент-Дарью и Каракуль.

В районе Гиждувана, в верхней части оазиса, было три магистральных канала — ком: Шофирком, Султанабад и Хараконруд; последний орошал Гиждуванский тюмень, от него в свою очередь отходили каналы катаджуй.²² Для Вобкентского тюменя от Зеравшана отделялось четыре крупных канала — Дейдароз, Ниёгон, Касаба и Коми-Яка, каждый из них разделялся на второстепенные каналы.²³ Самый город Бухара пользовался водой магистрального канала Шахруд, по существу являвшегося одним из протоков Зеравшана; бухарские кишлаки, расположенные выше по течению Шахруда, получали воду из крупных каналов, отходивших от Шахруда, от них отходили кишлачные каналы; например, из канала Ходжкан получали воду кишлаки Таитал, Каргу, Митанрават и Ходжкан.²⁴

В голове каждого крупного канала устраивалась деревянная плотина — даргот, в виде рамы, в вертикальных пазах боковых стоек которой вверх и вниз двигалась плаха или доска — тахта. Эта плаха поднималась для пропуска воды в канал по мере необходимости и оставалась в таком положении в течение обусловленного времени пропуска воды, затем опускалась. Такие плотины с поднимавшейся плахой, но меньших размеров, ставились и в голове второстепенных каналов.

Наблюдение за ирригационной сетью, поддержание ее в порядке и установление очередности водопользования находилось в руках аминов и аксакалов. Как выяснилось из расспросов, на каждом крупном канале — ком — административные функции принадлежали амину, в то время как каждый второстепенный канал находился в ведении аксакала; если крупный канал был очень большим и на нем располагалось много кишлаков, то в помощь амину давались еще два арбоба. Что касается мираба, то это было наиболее высокопоставленное лицо ирригационной администрации. Мираб, по-видимому, ведал всей системой орошения, принадлежавшей магистральному каналу. Так, вся водная система бухарского канала Шахруд находилась в ведении мираба, местопребыванием которого была самая Бухара. Он прежде всего должен был следить за тем, чтобы хватало воды городу; если в тюменях разбирали много воды и в городе ощущался ее недостаток, он посылал своих людей в кишлаки и под страхом наказания заставлял там закрывать воду и не пускать ее на поля. На Шахруде, несколько выше Бухары, была специальная канцелирия, называвшаяся амлокхона, куда собирались на совещание амины со всего Шахруда; вероятно, туда в важных случаях приезжал и мираб.²⁵

²² Полевые записи от Кори Олима (кишлак Гиждуван).

²³ Полевые записи от Абдулло Артыкова (кишлак Вобкент).

²⁴ Полевые записи от Ходжа Имамова (кишлак Таитал Каганского района).

²⁵ Полевые записи от Мулло Шарифа Сафара (кишлак Соктаре Гиждуванского района), Кори Олима (Гиждуван), Абдулло Артыкова (Вобкент), Ходжа Имамова (кишлак Таитал Каганского района).

Для ремонта оросительной сети организовывались общие работы — хашар, как большие, так и малые, в зависимости от объема работ; население направлялось на хашары по указанию аминов и аксакалов. Большие хашары обычно устраивались весной; напряженные на них работники обычно отправлялись дней на 10—15, иногда приходилось уходить километров за 15. Те, кто не являлись своевременно или вообще уклонялись, должны были платить недоимку — боки.²⁶

На пользование водой существовала очередность. Так, например, в Гиждуванском районе, как нам передавали, некоторые группы кишлаков, сидевшие на одном крупном канале, имели очередность для каждого кишлака по одному дню в неделю; такой порядок был заведен давно и соблюдался из года в год. Вода в пределах одного кишлака, в свою очередь, распределялась между группами хозяйств, земли которых были расположены в ближайшем соседстве друг к другу, сами же крестьяне считались товарищами по воде — шарик. Для пуска воды на поля такой группы шарик устраивались небольшие плотины описанного выше типа — даргот, каждая из которых открывалась на несколько часов в сутки; шарики уже сами распределяли между собой воду, соразмерно количеству получаемой воды они несли свою долю в хашарах по очистке ирригационной сети. Мерой воды служил чорьяк, который состоял из нескольких куза (небольшой кувшин, в дне которого делалось отверстие).²⁷

В кишлаке Таитал Каганского района, как уже отмечалось, пользовались водой из канала Ходжкан совместно с тремя другими кишлаками; на канале было четыре даргот по числу кишлаков. Кишлакам вода отпускалась не в одинаковом количестве, а исходя из количества земли в каждом кишлаке. Если вода шла постоянно, то очередь на канале Ходжкан оборачивалась за 10—12 суток. В каждом кишлаке также исходили из количества воды. Единицами воды являлись чорьяк или пол-чорьяка. Фактически же дача воды соответствовала числу танапов, которое крестьянин должен был оросить в данный пуск воды; если, например, в одну очередь ему полагалось полить два танапа, то соседи и аксакал наблюдали за тем, чтобы он не имел воды больше, чем нужно для этого.²⁸

В кишлаках бывшего тюмена Джондор,²⁹ расположенных ниже Бухары, вопрос о воде стоял крайне остро, беднейшие крестьяне вычерпывали воду, остающуюся на дне каналов. Здесь пуск воды определяли по солнечным часам: ставился столб, вокруг которого вбивали кольшки; когда тень от столба доходила до определенного кольшка, то наступала следующая очередь пользования водой.

Один из наших информаторов сообщил следующие любопытные подробности о бухарском водопользовании. Часто на одном канале устраивалось именно семь очередей, тогда вода называлась по дням недели: например, определенный кишлак или группа хозяйств получала обикшамбе — «воскресную воду»; другая, скажем, — обик сешамбе — «вторничную воду». Случалось и так, что у одного владельца земля была в двух или трех местах, тогда он поливал свои участки различной водой: один участок «пятничной водой», другой «субботней водой» и т. д. В случаях

²⁶ Полевые записи от Кузи Юлдашева (Душанбе; уроженец кишлака Бустаи под Бухарой).

²⁷ Полевые записи от Мулло Шарифа Сафара и Хайрулло Джураева (кишлак Соктаре), Мусо Хамидова (Гиждуван). К сожалению, более детальных сведений о величине приведенных мер воды получить не удалось.

²⁸ Полевые записи от Ходжа Имамова.

²⁹ Полевые записи от Пири Джураева и Худойберды Наврузова (кишлак Джингон Свердловского района).

продажи земли, практиковавшейся особенно часто в последние годы перед революцией, вместе с землей оговаривалась и продажа воды (например, продавался участок с «пятничной водой»). Обычно по совершении сделки соседи говорили новому владельцу: «Ты в хашаре не участвовал, канал не исправлял, воды тебе не дадим»; тогда новый владелец давал слово, что будет выполнять свои обязательства по воде наравне со всеми, и таким путем он как бы получал молчаливое согласие соседей на вступление во владение участком.³⁰

Подробные сведения об общинном водопользовании на пайкальных землях Каршинской степи мы находим в упомянутой выше работе К. Ш. Шаниязова. В Касанском районе каждый кишлак имел свой самостоятельный канал, эти каналы обычно носили имена селений. Все эти каналы получали воду непосредственно из Кашка-Дарьи. Канал Каллык-Арык, орошавший земли изученного автором кишлака Каллык, в центре кишлака разделялся на два потока, каждый из которых орошал половину кишлачных земель, обрабатываемых попеременно через год. От этих двух потоков почти на каждый пайкальный участок отходил отдельный оросительный канал, который затем уже разбивался на более мелкие ветви.

Чистка канала производилась коллективно и; как и в бухарских кишлаках, называлась хашар. Она устраивалась ранней весной, до прихода воды в Каллык-Арык. Хашаром руководили мираб и аксакал, они предварительно оповещали население о времени и месте начала работ. В назначенное время, прибыв на место, руководители хашара вели учет приходящих или приезжавших от каждого пайкала людей. Если от того или другого пайкала приходило людей меньше, чем было назначено, то руководители объявляли, что такому-то пайкалу назначен штраф в количестве столько-то боков, сколько человек не явилось от данного пайкала. Каждый бок по решению всех присутствующих устанавливался в количестве примерно 15—20 танга; в качестве залога по этому штрафу у кого-либо из наличных людей оштрафованного пайкала отбирали лошадь или осла, а если таковых не было, то брали халат или какую-либо другую вещь. Вечером того же дня человек, с которого взяли залог, сообщал своему старосте о наложении штрафа на пайкал; староста, собрав со своих товарищей назначенную сумму, вручал ее мирабу, последний возвращал залог, а полученные деньги давал тем, кто выполнял работу за неявившегося. В случае более серьезных нарушений общей трудовой дисциплины со стороны членов какого-либо пайкала последний могли вовсе лишить пользования водой на все лето.

Если хашар проводился в начале канала, т. е. далеко от кишлака, то каждому работающему давалась определенная норма, отмеряемая вдоль арыка по длине лопаты, примерно 10—15 лопат. Если же хашар проводился вблизи от кишлака, то мираб весь подлежащий очистке участок на глаз делил по количеству пайкалов, каждый пайкал на отведенном ему месте распределял работу между своими членами, а мираб лишь следил за тем, чтобы эта работа была закончена в намеченный срок.

Очередность полива в кишлаке Каллык осуществлялась следующим образом. Каждые сутки водой пользовались три пайкала, причем время распределялось между ними так, что днем водой пользовались два пайкала — один от восхода солнца до полудня, второй с полудня до заката; ночь целиком отводилась третьему пайкалу в силу того, что летняя ночь коротка, да и ночной полив — дело более трудное, неудобное. Затем очередь переходила к следующим трем пайкалам. Все пайкалы, которых было

³⁰ Полевые записи от Кузи Юлдашева.

около пятидесяти, удовлетворялись водой в течение 16—17 суток, после чего пазначалась вторая очередь. Члены каждого пайкала прилагали все силы, чтобы максимально использовать воду, для этого на время полива на поля выходили все трудоспособные мужчины из семьи каждого участника пайкала.³¹

В. А. Полозов об очередности пользования водой в кишлаке Май-Манак писал следующее. Когда в конце февраля на земли кишлака впервые приходит вода, аксакал кишлака в присутствии старшин пайкалов устанавливает очередность пайкалов в пользовании водой и количество воды для каждой очереди, что зависело от того, много или мало воды в канале; объем воды для каждой очереди составлял приблизительно 60 «кувшинов» на пайкал.

«Кувшин» — это своеобразные «часы»; в дне кувшина определенного размера серпом пробивают небольшое отверстие, наливают полный кувшин воды и то время, в течение которого из кувшина выльется вся вода, называют «кувшином». По проведенным автором наблюдениям, вода из такого кувшина выливается в течение пяти минут. Следовательно, говорит автор, пайкал получает воду на пять часов. В. А. Полозов также отмечает, что для наиболее полного и успешного использования воды привлекаются все участники пайкала (возможно, и члены их семей). На ночной полив времени полагается в два раза больше.³²

Сведения об общинном водопользовании в горных районах Восточной Бухары в свое время приводились автором данной работы,³³ более подробное изложение мы находим у М. Р. Рахимова.³⁴

Головные ирригационные сооружения здесь были достаточно примитивны. Чтобы отвести воду от речки или ручья, их перегораживали плотиной, сооруженной из камней, бревен, хвороста, дерна и земли; вода переливалась через плотину и текла по прежнему руслу, но из образовавшегося водоема отводился оросительный канал — джубор, джубори калон; от главного канала отводились более мелкие. Каналы были узкие и неглубокие, при их проведении сначала сохой, запряженной парой волов, делали глубокую борозду, затем ее углубляли. Если на пути канала попадался овраг, то через последний воду пускали по деревянному желобу, укрепленному на деревянных же подпорках, или же сооружали каменную стенку, по верху которой укреплялся желоб; иногда приходилось устраивать желоб для обхода крутой скалы.

В проведении арыков и других ирригационных сооружений принимали участие все крестьяне, имевшие поливную землю. Исправление и очистка оросительных каналов производились обычно весной, после окончания пахоты и посева. Организаторами работ являлись местные власти, фактически же наблюдение за работой вел кишлачный староста — арбоб — и наиболее опытные пожилые крестьяне. В заранее объявленное время все, кто был способен, беспрекословно, без всякого напоминания выходили на работу, которая обычно начиналась с головной части главного канала. На весеннюю чистку и исправление каналов уходило несколько дней. Во время работ каждая хозяйка дома старалась приготовить наиболее

³¹ К. Шаниязов. Общинное землепользование в селении Каллык, стр. 36.

³² В. А. Полозов. Узбекское общинное землепользование..., стр. 72. — По нашим записям в кишлаке Етим-Хтай Касанского района (информаторы — Шариф Нарбутаев и Арслан Сафаров), такой кувшин для измерения воды назывался мунда; воду делили по пайкалам, исходя из числа запряжек; если воды было много, то ее давали каждому пайкалу примерно на полсутки.

³³ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 103.

³⁴ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 57—60.

вкусную и питательную пищу, которую и приносила на место коллективной работы; из всего принесенного устраивалась общая трапеза. Постепенно все работающие двигались вниз по каналу.

Из мелких каналов вода отводилась на поля, это уже было дело каждого владельца. В связи с тем, что воды в большинстве случаев было вполне достаточно, никакой очередности на пользование водой не устанавливалось.

В предыдущей главе мы довольно подробно остановились на институте ленного пожалования — танхо — и характеризовали танхо как особую категорию феодальной земельной собственности. Отмечено было также, что танхо более значительное распространение получило в Восточной Бухаре, в то время как в Западной Бухаре система танхо была распространена не столь широко и здесь преобладала мельниковая земельная собственность.

Каковы же причины указанного различия в формах собственности на землю в Западной и в Восточной Бухаре? По-видимому, основная причина заключается в том, что мельниковая собственность на землю представляет собой более развитую форму феодальной собственности, чем ленное пожалование — танхо. Стремление феодала превратить свою условную земельную собственность в безусловную — такова естественная тенденция развития. Что феодалы стремились к этому всякими путями и способами, было показано при рассмотрении истории изучения аграрных отношений в Бухарском ханстве.

В этой связи вполне понятно, что мельниковую форму собственности мы встречаем в более экономически развитых районах ханства, каковыми были долина Зеравшана, верхнее и среднее течение Кашка-Дарьи, в то время как в отсталых горных бекствах Восточной Бухары преобладала форма танхо. К этому следует добавить, что здесь, в Восточной Бухаре, институт танхо выступает, так сказать, в своем чистом виде: феодал получал в ленное владение определенное число крестьян, становящихся его ленниками, феодальными вассалами; напротив, в западной части ханства ленное пожалование мы встречаем в несколько уже измененной форме, более приближающейся к характеру мельникового пожалования уже собственно земли, а не крестьянских хозяйств; при этом понятие «танхо» здесь уже как бы становится неотделимым от понятия «мельк» — лишнее свидетельство того, что ленная собственность претерпевала известную трансформацию.

Однако все только что сказанное является лишь общей постановкой вопроса. Конкретные факты истории Восточной Бухары говорят о том, что в период самостоятельного существования мелких горных владений или княжеств (до 70-х годов прошлого столетия) группировавшаяся вокруг местного владельца, или ша, сравнительно немногочисленная феодальная знать, вышедшая из среды местного населения, эксплуатировала непосредственного производителя в основном тем же самым способом, который сохранился и при Мангытах, т. е. получала крестьянские хозяйства в ленное владение.³⁵ Эти местные феодалы, при стойко сохранявшемся в крае, в условиях натурального хозяйства, патриархально-общинном укладе, не порывали еще связи со своими сородичами и однообщинниками; ставши феодалами и эксплуатируя своих соседей или одпосельчан, они все же чувствовали себя членами данной родовой или соседской общины. В условиях имевшего место малоземелья не мог стоять вопрос о захвате

³⁵ См.: Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 126, 139—140.

феодалной знатью сколько-нибудь крупных участков земли за счет своих однообщинников;³⁶ это явилось бы не только нарушением существующих вековых традиций, но и нарушило бы нормальное функционирование самой сельской общины, отразилось бы на процессе ее производства, ее деятельности. Вполне естественно, что в этих условиях наиболее простым и единственно возможным способом эксплуатации было получение феодалом отдельных крестьянских хозяйств, с которых он и собирал по существу дань, а главным образом заставлял работать непосредственно на себя и на свое личное хозяйство. Отработка и сборы натурой с помощью самого грубого и неприкрытого внеэкономического принуждения — такова наиболее примитивная форма феодалной эксплуатации в условиях экономически отсталого общества.

С приходом в край бухарцев ранее самостоятельные владения — Дарваз, Каратегин, Куляб, Гисар и другие — становятся колониями Бухарского ханства. Назначенные во вновь образованные бекства бухарские наместники — беки или миры — приезжают сюда со своим штатом и свитой; местами, особенно в пограничной полосе с Афганистаном, расквартировываются сравнительно незначительные контингенты бухарских войск. Однако в руках бухарской администрации сосредоточивается лишь высшая власть в бекстве; более того, при каждой смене бека последний обычно покидал пределы края вместе с приближенными, а новый бек привозил своих людей, которые в основном состояли при бекском дворе и лишь в отдельных случаях назначались на должности амлокторов. Зато в целях лучшего управления краем бухарские власти всячески возвышали и привлекали на свою сторону старую местную знать, поднимали ее авторитет, раздавая представителям ее бухарские чины и новые ленные владения — танхо; начало этой политики было положено завоевателем Каратегина и Дарваза Худой Назаром Аталыком, который сам происходил из местных таджиков.³⁷

Таким образом, в положении местных феодалов ничего не изменилось по сравнению с прежним. Напротив, они стали в еще больших размерах получать танхо. Бухарское правительство, сохранив прежнюю форму эксплуатации местной знатью трудящегося населения, имело от этого двойную выгоду: местные феодалы, став верными вассалами бухарского эмира, всячески способствовали исправному поступлению поземельной ренты-налога с крестьян в государственную казну, причем довольно значительная часть этих поступлений попадала в руки бека и его приближенных, способствуя их быстрому обогащению; раздача танхо местной знати и возобновление права на танхо детей феодалов после смерти родителей (обычай, называвшийся падармурда, — см. выше, стр. 94) сулили как эмиру, так и беку богатые подарки со стороны жалуемого. Отметим еще и то обстоятельство, что бухарская администрация, обогащаясь указанными выше способами, совершенно не была заинтересована ни в получении в присоединенном крае каких-либо земель в собственность на правах обеленных мельков, ни в получении ленных пожалований. Для нужд личного бекского хозяйства имелось некоторое количество земли, расположенной недалеко от его резиденции и называемой мир, которая обрабатывалась трудом крестьян ближайших кишлаков способом хашара.

Насколько система танхо была еще тесно связана с бытовавшим в крае патриархальным укладом, показывает сохранявшаяся на всем протяже-

³⁶ Такой захват стал практиковаться значительно позднее, в последние десятилетия существования ханства, но эта практика была уже связана с проникновением в край капиталистических отношений.

³⁷ См.: Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 103.

нии бухарского господства традиция давать в танхо феодалу по преимуществу крестьянские хозяйства из числа родственников или односельчан жалуемого лица. Эта традиция несомненно способствовала тому, что отношения эксплуатации маскировались формой родственных или соседских отношений, при которых феодал-эксплуататор в глазах трудящегося населения должен был выступать как «свой» человек, своего рода покровитель, «заботящийся» об интересах переданных ему крестьян и «заступающийся» за них перед властями.

Обычай захвата в танхо феодалами хозяйства их родственников был, по-видимому, в более отдаленное время распространен более широко. Для начала XIX в. он отмечен в документах эмира Хайдара, относящихся к Каршинскому округу и опубликованных В. Л. Вяткиным, о чем нам пришлось уже говорить в предыдущей главе в связи с характеристикой ленных пожалований (стр. 91—92).

Остановимся на некоторых примерах, относящихся к горным районам Восточной Бухары. Так, известно, что еще в середине XIX в., в период правления независимых шахов в Каратегине и Дарвазе, один из крупных духовных феодалов ишан Аулио получил в танхо ряд кишлаков в долине Хингоу по принципу родства: кишлак Сайдон, из которого ишан сам происходил родом, был дан ему в танхо как кауни падараш (род его отца); кишлаки Сафедорон и Дарай Джу — как кауни хысыраш (род его тестей), поскольку две жены ишана происходили из этих кишлаков; далее, кишлак Чихкак — потому что жители Чихкака происходили из того же рода, что и жители Сайдона. Характерным является еще такой случай, связанный с ленными владениями сына ишана Аулио — ишана Шейха: в силу ряда обстоятельств, не являющихся для нас существенными, ишан Шейх отдал один из своих кишлаков танхо — Дашти Хасан — другому феодалу, Изатшо, в обмен на кишлак Язганд, бывший в танхо у Изатшо; однако при этом была сделана оговорка, что все хозяйства в Язганде, принадлежащие к роду Миро, остаются за Изатшо, — по той причине, что Изатшо был сам из этого рода.³⁸

Выясняя число танхо и их принадлежность тем или другим феодалам по долине Хингоу в целом, мы обратили в свое время внимание на то, что, например, у феодалов, происходивших из кишлаков Ляйруни-Поён, Иштиун, Пунарвох, Сабзи-Харф, Сайод, Хур, Гурхам, Амрутак, Джавчи и Нурундж, в танхо находились их односельчане, в том числе и родственники.³⁹ В Каратегине родственников и односельчан в качестве танхо имели такие крупные местные феодалы, как Гиох Мирахур из кишлака Сангихо, Дарвази Дервиш из кишлака Капали, Махмед Саид бий из кишлака Шо-Мирзойон, Баладжон бий из кишлака Ярхоб и другие.⁴⁰

Этот порядок считался настолько обычным, что нередко служил основанием для феодала просить себе в танхо те или другие крестьянские хозяйства, а иногда и целый кишлак именно по праву «родства» или «своейства».

В Бухарском ханстве патриархальную форму часто принимала не только ленная собственность на землю, но и различные способы эксплуатации непосредственного производителя. Для этого использовались мно-

³⁸ Н. А. Кисляков. Ишан-феодал Восточной Бухары, стр. 10—12.

³⁹ Н. А. Кисляков. Из истории горного Таджикистана, стр. 121. — Об отдаче в танхо односельчан и родственников в долине р. Хингоу упоминает также М. Р. Рахимов (Земледелие таджиков..., стр. 99, 139).

⁴⁰ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 149—150, 159—161.

гие обычаи родовой и общинной взаимопомощи, в которые при сохранении их старой формы вкладывалось уже новое содержание. Остановимся здесь на некоторых из этих обычаев.

В предыдущей главе нам пришлось уже говорить об использовании как местной администрацией, так и отдельными феодалами крестьянского труда на различных коллективных работах, носивших обычно название хашар. На хашары созывались крестьяне, которые бесплатно выполняли в течение одного или двух дней ту или иную работу; в некоторых случаях для работающих готовилась пища. Хашары эти, как было показано, устраивались в принудительном порядке.

Однако, как показывают многочисленные материалы, хашар — это старинный обычай коллективной помощи родственнику, соседу или односельчанину, который в силу тех или других обстоятельств — по болезни, недостатку рабочих рук или по другим причинам — был лишен возможности справиться с какой-либо работой; чаще всего это касалось полевых работ, таких, как пахота или жатва, перевозка на гумно урожая, но иногда и постройки или ремонта дома, очистки хлевов и вывоза на поля удобрений, валяния кошмой или обработки шерстяных тканей и т. п.⁴¹

Хашар широко практиковался не только у узбеков и таджиков, но также и у других народов Средней Азии. Это был обычай, который в русской деревне обозначался термином «помощь».

Для Ферганы 80-х годов прошлого века супруги Наливкины писали: «Окучивание дынь, джугары, кукурузы и хлопчатника производится обыкновенно особыми рабочими — около городов поденщиками, а в кишлаках по большей части взаимной помощью (ашар)».⁴² О хашаре как об обычае взаимопомощи у горных таджиков Зеравшана упоминает В. Дынин.⁴³ «Запашка и уборка жатвы в значительных хозяйствах выполняется подмогой родственников за дневные харчи», — писал Г. Арандаренко о хашаре у таджиков Каратегина и Дарваза.⁴⁴ О хашаре у таджиков припамирских районов — Ишканима и Вахана — во время летнего (второго) посева говорит М. С. Андреев, эта помощь оказывается всеми односельчанами поочередно каждому из них.⁴⁵ Тот же автор говорит о хашаре у таджиков долины Ванджа при выплавке железа; хашар здесь устраивается при закладке кем-либо из крестьян домницы (кустарной печи для выплавки) и осуществляется в пределах определенной группы лиц, связанных и в других работах взаимопомощью, например, взаимообменом молока и обменом работой быков при пахоте; при закладке домницы кем-либо одним из этой группы все остальные идут к нему и работают в качестве простых рабочих. Хозяин домны обильно угощает работающих, как это всегда бывает на хашарах.⁴⁶

М. Р. Рахимов следующим образом описывает обычай товарищеской взаимопомощи, или хашара, у таджиков долины Хингоу. Организатор хашара просил тех односельчан, в согласии которых был уверен, помочь ему в его работе. Получив согласие, он назначал время хашара и указывал участок работы, что обычно делалось вечером накануне назначенного

⁴¹ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 122.

⁴² В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, стр. 20.

⁴³ В. Дынин. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана. Известия Туркестанского отдела РГО, т. X, 1914, вып. 1, стр. 44.

⁴⁴ Г. Арандаренко. Дарваз и Каратегин, стр. 156.

⁴⁵ М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Сборник Музея антропологии и этнографии, 1911, вып. IX, стр. 21—22.

⁴⁶ М. С. Андреев. Выработка железа в долине Ванча. Ташкент, 1926, стр. 14.

дня. Рано утром все участники хашара отправлялись на место работы и работали в течение целого дня; обычно хашар ограничивался одним днем, собиралось такое количество участников, которое могло справиться до вечера с намеченной работой; больше одного дня обычно хашар не продолжался. Хозяин, или устроитель хашара, кормил работающих три раза: после восхода солнца давалась первая еда, называемая ноништа, или тах-тул, второй раз ели в полдень — хуроки нимрузи, или нохри, и наконец вечером, после окончания работы, обычно уже в доме устроителя хашара, давалась последняя еда — хуроки вегаи. Устроитель хашара старался как можно лучше накормить работающих, конечно, исходя из своих возможностей; обычно он закалывал барана или козла и кормил работающих мясом и мясной похлебкой; если же это был человек бедный, то он ограничивался приготовлением блюд из хлеба с маслом и кислым молоком. Если помочи устраивались маломощным хозяйством в соответственно небольших размерах, то приглашались люди лишь из двух-трех хозяйств соседей или родственников, такие помочи назывались ёридихи (буквально «оказание помощи»).⁴⁷

Из изложенного видно, что в основе эксплуататорских хашаров, устраивавшихся феодалами, а впоследствии и баями, лежал старый обычай взаимопомощи, причем из добровольного он превратился в принудительный.

Другим из отмеченных нами в предыдущей главе способов эксплуатации непосредственного производителя была издольщина.

Издольщина во многих случаях прикрывалась формой товарищеских отношений, что выражалось и в самом термине «шарикӣ», который, как мы уже говорили, должен был характеризовать как бы равенство обеих сторон. По существу же здесь, как и в отношении хашара, использовался старый, освященный традицией обычай родственной или соседской взаимопомощи.

По поводу шарикӣ в Средней Азии писали многие исследователи, как дореволюционные, так и советские. Шарикӣ в качестве родственной или соседской взаимопомощи, не имевшей еще эксплуататорского характера, имел несколько вариантов. Одним из наиболее распространенных вариантов являлась «супряга», которая во многих местах Средней Азии называлась алгоу. Примеры такой взаимопомощи мы можем видеть в описанной выше пайкальной системе землепользования, когда маломощные участники пайкала представляли по одному волу, т. е. вдвоем выставляли одну упряжку, или кош.⁴⁸ Конкретно для бухарского ханства супряга отмечается А. Губаревичем-Радобыльским, который писал, что дворы с малым количеством скота соединяются вместе, чтобы составить кош, пару, и что в таком случае обработка полей того и другого из членов товарищества производится по очереди; иногда же приходится видеть, говорит автор, что в плуг запрягают лошадей и быка.⁴⁹ Вступавшие в алгоу крестьяне нередко помогали также друг другу в обработке земли, жатве и в молотье.

⁴⁷ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 121—122. — По-видимому, название «ёридихи» с течением времени стало применяться для того чтобы соседскую помощь отличать от эксплуататорских хашаров. Так, например, в кишлаке Кизыл-Имчок (верховья Кашка-Дарьи) нам указывали, что хашары в предреволюционное время и в первые годы советской власти здесь устраивали бай, помощь же маломощному хозяйству его соседями называли «ёрдам» (термин, равнозначный термину «ёридихи»).

⁴⁸ См.: А. Шишов. Сарты, ч. 1, стр. 190; Л. Костенко. Земледельческая производительность Средней Азии. Туркестанские ведомости, 1870, № 17.

⁴⁹ А. Губаревич-Радобыльский. Экономический очерк Бухары и Туниса, стр. 32—33.

Но, бывало, сотоварищи по алгоу ссорились из-за того, что один из участников, по мнению другого, плохо обращался со скотом во время пахоты; такая ссора иногда вела к разрыву отношений, и крестьяне на следующий сезон уже не возобновляли супруги.⁵⁰

Другим вариантом шарикí, по словам М. Р. Рахимова, было простое кооперирование труда и средств производства (рабочего скота, семян, орудий сельского хозяйства и земли). Два крестьянина, имевшие недостаточно как земли, так и рабочего скота, семян и инвентаря, совместно обрабатывали свою землю, вместе убирали урожай и делили его поровну.⁵¹ Б. Карп отмечает, что такая форма взаимопомощи носила название баробаршарик (буквально «равное товарищество»), что в товарищество вступало от двух до четырех хозяйств: все они дают под обработку одинаковое количество земли и участвуют в равной степени трудом, рабочим скотом, инвентарем; в баробаршарик обычно вступает только беднота.⁵²

В кишлаке Сангвор (верховья Хингоу) нами был отмечен следующий вариант шарикí. Какой-либо крестьянин, имевший землю на богаре, обычно на склонах гор, и не обладавший достаточными силами и средствами для ее обработки, приглашал в компаньоны другого крестьянина для совместной обработки; при этом всё — личный труд, семена, скот, инвентарь — вкладывалось сторонами поровну; при разделе урожая владелец земли получал несколько большую долю. Такой вид шарикí был возможен только на богарной земле: она обычно всегда была в излишке, значительно ниже ценилась, чем поливная, урожай с нее был невелик и подвержен риску в случае отсутствия атмосферных осадков; наконец, богарную землю мог освоить каждый, приложив труд для поднятия целины и очистки участка от камней. Таким образом, этот вид шарикí по существу близок к такому роду кооперирования, когда вопрос о частной собственности на землю еще не ставился; небольшая доля урожая, которую владелец богарной земли получал сверх половины, являлась простой компенсацией труда, первоначально затраченного им на освоение новой земли.⁵³

Однако и владение поливной землей лишь одним из компаньонов еще не всегда делало шарикí кабальной, эксплуататорской сделкой. Так, М. Р. Рахимов отмечает в качестве одного из видов простой кооперации такой случай, когда «крестьянин, имея определенный участок земли, а также и семена, но не имея рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, вступал в товарищество с другим крестьянином, у которого имелись и рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь, но не хватало земли. Они совместно пахали землю первого крестьянина, собирали урожай, молотили и делили пополам зерно и солому, не обижая друг друга».⁵⁴ Близкий к этому вид шарикí, в частности, практиковался и в таких случаях, когда в хозяйстве не оставалось трудоспособных мужчин и владельцы земли вынуждены были обращаться за помощью к соседям. Так, например, В. Дынин для горной части долины Зеравшана отмечает, что «земля вдов и малолетних сирот обрабатывается обычно на условиях шарикí, т. е. товарищества, которые встречаются также и в наиболее отдаленных безземельных селениях. Самая распространенная форма такого товарищества выражается в подобных случаях в том, что один предостав-

⁵⁰ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 117—118.

⁵¹ Там же, стр. 117. — Такая же форма товарищеской обработки земли отмечена нами и в кишлаке Кизыл-Имчок (верховья Кашка-Дарья).

⁵² Б. Карп. Краткий очерк..., стр. 25.

⁵³ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 80.

⁵⁴ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков..., стр. 116—117.

ляет в распоряжение другого землю, а этот последний дает рабочий скот, орудия и участвует кроме того собственным трудом в обработке поля, урожай же делится пополам».⁵⁵

В заключение рассмотрения шарик в его первичном виде, т. е. в виде простой взаимопомощи, приведем выдержку из работы одного из авторитетных исследователей земельного вопроса в странах Востока — Л. И. Дембо. Анализируя институт чайрикерства, или издольщины, автор между прочим пишет: «Вполне возможно, что первоначально на более низкой ступени хозяйственного развития чайрикерство действительно было товариществом: собственник земли и собственник инвентаря объединялись для совместной обработки земли. Но постепенно, с развитием дифференциации, более зажиточные получили возможность эксплуатировать экономически более слабых своих товарищей. Под той же внешней формой стало скрываться по существу нечто совершенно другое. История знает много примеров, когда слова, обозначавшие какое-либо понятие, сохраняются в то время, когда сущность этого понятия уже совершенно не соответствует буквальному смыслу самого слова. То же самое могло произойти со словом „чайрикер“, которое, по мнению некоторых, является испорченным словом „шарак“ — что значит товарищ».⁵⁶

Как в Бухарском ханстве, так и повсеместно в Средней Азии в предреволюционные годы издольщина как способ эксплуатации имела довольно широкое распространение. Уже указывалось, что она практиковалась в равной степени как феодалами (особенно в вассальных Бухарском и Хивинском ханствах), так и новым в условиях Средней Азии классом сельских капиталистов — баев. Однако представляется весьма затруднительным отыскать в среднеазиатской издольщине ту специфику, которая помогла бы отличить издольщину феодальную от издольщины капиталистической. Л. И. Дембо отмечает, что чайрикерство с производственной точки зрения выступает в двух различных формах: 1) издольной трудовой аренды, когда чайрикеру выделяется отдельный земельный участок, на котором он самостоятельно ведет хозяйство, сдавая обусловленную часть урожая владельцу земли, и 2) издольного наемного труда, когда такой участок чайрикеру не выделяется и он получает сдельную оплату из доли урожая.⁵⁷ Если указанное деление теоретически и может явиться некоторым критерием, то только в том смысле, что первая из указанных форм издольщины более схожа с барщинным трудом, а поэтому должна скорее рассматриваться как форма феодальной эксплуатации, в то время как вторая скорее напоминает отношения между сельскохозяйственным рабочим и работодателем. Однако тщетно мы бы стали искать в конкретном материале примеров применения первой формы эксплуатации именно феодалами, а второй — баями; нередко мы увидели бы, что обе эти формы применялись даже в одном и том же хозяйстве, независимо от того, кому принадлежало это хозяйство.

Во всяком случае, если в наиболее экономически развитых районах Средней Азии со сложившимся специализированным товарным хозяйством издольщина выступала уже как наемный труд, привлекаемый собственником средств производства, в том числе и земли, то на большей части территории Бухарского ханства отношения между непосредствен-

⁵⁵ В. Дынип. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана, стр. 44.

⁵⁶ Л. И. Дембо. Земельный строй Востока. Л., 1927, стр. 80—81. — Автор в примечании делает оговорку, что существует другое предположение: слово «чайрикер» происходит от слова «чирик» (точнее чорьяк, — И. К.) — «четверть» (четвертник-издольщик).

⁵⁷ Там же, стр. 31—32.

ным производителем в лице издольщика (чайрикера), с одной стороны, и феодала или бая, — с другой, в значительной степени еще сохраняли патриархальный характер. То же самое можно сказать и по поводу другой эксплуатируемой социальной группы, еще более обездоленной по сравнению с чайрикерами, — о батраках, работавших в хозяйстве феодала или бая.

Прежде всего отметим, что в качестве батраков в зажиточном хозяйстве нередко работали родственники хозяина, оставшиеся сиротами — етим — и взятые в дом как бы из милости. Положение таких родственников-сирот было тяжелым. Никакой платы за свой труд они не получали и должны были безропотно выполнять все возлагаемые на них работы по дому, а иногда и в поле, подчас почти непосильные для несовершеннолетнего юноши. Они довольствовались обедками с хозяйского стола и старой, рваной одеждой с плеча хозяина или его сыновей, нередко жили в хлеву вместе со скотом.⁵⁸

Отношения между батраком или издольщиком и хозяином обычно базировались на словесной договоренности; как правило, эти отношения были длительными, они как бы возобновлялись из года в год. Нередко, в силу традиции и личных связей, сын издольщика становился по достижению определенного возраста также издольщиком у того же хозяина. Что касается батраков, особенно из числа бездомных сирот, то, как выше было отмечено, они нередко начинали работать с малолетства, а ставши взрослыми, не могли порвать отношений со своим «благодетелем», так как считалось, что они перед ним в долгу, да и уходить собственно было некуда. Нередко затем хозяин сам и женил своего работника, в ряде случаев также на какой-либо девушке-сироте.

Касаясь положения батраков в Ферганской долине, которое в целом мало отличалось от условий, существовавших в Бухарском ханстве, О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова пишут: «...вспоминают немало случаев, когда хозяин, действительно, женил батрака на какой-нибудь бедной сироте, жившей и работавшей в его семье. При этом он выделял молодым у себя во дворе каморку, где они жили, с рассветом уходя каждый на свою работу, питаясь так же, как и прежде: он — вместе с остальными батраками и сеяками (издольщик, работавший из одной трети, — Н. К.), она — получая остатки с байского стола. Подобная женитьба батрака давала бая много выгод. Она привязывала к его дому хорошего работника (уход от хозяина, женившего его, считался проявлением черной неблагодарности) и давала возможность сохранить даровую работницу, которую в ином случае бай терял: по мусульманскому закону, девушка, если она не приходилась хозяину родственницей, не могла оставаться в его доме после достижения брачного возраста».⁵⁹

Типичную патриархальную форму имел обычай отработки молодым человеком своей будущей жены. Такой молодой человек, обычно сирота

⁵⁸ Мы не приводим здесь конкретных примеров, однако много подобных историй о безрадостном детстве можно слышать из уст теперь уже взрослых или пожилых людей, получивших образование при советской власти.

⁵⁹ О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Труды Института истории и археологии АН Узб. ССР, вып. 6, Ташкент, 1955, стр. 48. — Там же говорится о том, что патриархальные отношения, затупившие классовые противоречия, заставляли батрака считаться с баем, который называл батрака сыном и требовал, чтобы батрак «не забывал съеденную им соль». В закабалении батрака, прибавляет автор, большую роль играла не только задолженность хозяину, но и задолженность хозяина батраку: бай систематически не отдавал батраку заработанного, и последний боялся покинуть бая и потерять свои деньги, так как письменно их отношения никак не оформлялись (стр. 48—49).

или бедняк, не имея возможности уплатить за девушку причитавшийся по обычному праву выкуп — калым — ее отцу, шел к нему в услужение на несколько лет. Такой брак путем отработки носил название хонадомо́д, что буквально значит «зять при доме». Юноша выполнял всевозможную работу, как по дому и по двору, так и в поле, в зависимости от того, что ему поручал будущий тесть. Считалось, что последний должен был кормить и одевать юношу, а также принять на себя все расходы по будущей свадьбе. В большинстве случаев хонадомо́да брали люди со средним достатком, а иногда и маломощные, но не имевшие в хозяйстве достаточно рабочих рук.⁶⁰ Однако случалось и так, что хонадомо́да брали зажиточные люди, особенно если они не имели сыновей, которым могли бы впоследствии передать хозяйство и нажитое имущество.⁶¹

Наиболее бедные, часто совершенно безземельные крестьяне-издольщики, естественно, находились в большей зависимости от хозяина; они вынуждены были постоянно одолажаться у него, забирая в долг зерно, чтобы как-нибудь пробыть до нового урожая; нередко они вынуждены были помимо земли брать также для обработки скот, сельскохозяйственный инвентарь, семена, а иногда даже питаться у хозяина. Естественно, что положение таких издольщиков было близко к положению батраков и эксплуатация их труда в значительной степени маскировалась патриархальными отношениями. «Такие издольщики, — отмечают О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова, — жили с семьей в доставшемся по наследству домишке, приходя к хозяину рано утром, чтобы получить какую-нибудь еду и взять волов и орудия производства, а вечером — доставить их обратно и поужинать».⁶²

Н. Н. Ершов рассказывает, что один крупный земельный собственник в Кипшлаке Костакос (ныне Ленинабадской области Таджикской ССР) незадолго до революции, отказавшись от труда издольщиков, нанимал для обработки своих земель людей из числа местных жителей; каждое утро работники приходили в усадьбу, завтракали, получали рабочий скот и инвентарь и отправлялись выполнять работу по указанию хозяина; вечером работники возвращались, сдавали инвентарь и скот, обедали и отправлялись по домам. Земледелец никому не отказывал в выдаче денег авансом под обработку, давал жителям кипшлака также лист шелковицы для выкормки шелкопряда при условии отработки долга на его полях.⁶³ Все это, конечно, облекалось в форму «благодеяния», соседской помощи малоимущим односельчанам.

Однако и более состоятельные издольщики, имевшие свой собственный небольшой надел земли, рабочий скот и инвентарь, нередко были связаны с хозяевами арендуемой ими земли традиционными отношениями, выражавшимися в длительной, из года в год возобновляющейся аренде земли, «помощи», оказываемой хозяином своему издольщику в случае каких-либо семейных событий (рождения ребенка, свадьбы, смерти одного из членов семьи) и т. п.; часто, получив от хозяина необходимые средства

⁶⁰ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. XLIV, 1959, стр. 148—149.

⁶¹ См., например: О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, стр. 48; ими же приводится ссылка на одну историю, слышанную в детстве С. Айни относительно бая, обещавшего выдать дочь за своего батрака (Ср.: Садриддин Айни. Воспоминания, стр. 45—52).

⁶² О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, стр. 44.

⁶³ Н. Н. Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. Труды Института истории АН Тадж. ССР, т. XXVIII, 1959, стр. 54—55.

для устройства семейного праздника или же поминок, такой издольщик в дальнейшем, не имея возможности расплатиться, должен был отдать в залог своему «благодетелю» землю или же посылал к нему на усадьбу работать своего сына. Иногда, напротив,⁶⁴ землевладелец заставлял издольщика взять себе в помощники и на выучку своего сына; это отражалось на доле урожая, получаемой издольщиком, в сторону ее уменьшения, так как считалось, что в труде принимает участие и член семьи землевладельца.

Переход издольщика к другому хозяину в силу установившихся отношений и взглядов рассматривался как нарушение традиций и порицался авторитетными членами сельского общества.

В предыдущей главе отмечено было, что некоторые налоги и сборы, взимавшиеся властями, главным образом в виде продуктов, являлись пережитком старины, форм эксплуатации, развивавшихся еще в рамках натурального хозяйства. Они пережиточно сохранялись от тех времен, когда эксплуатация еще носила патриархальный характер, когда феодальная знать собирала с населения дань продуктами и предметами обихода, необходимыми в хозяйстве феодала, для удовлетворения потребностей его самого, его семьи и приближенных лиц. Значительная часть этих сборов представляла собой наиболее примитивные формы феодальной земельной ренты — отработочную или переходную от отработочной к натуральной.

Обычно и самое взимание их носило архаический, патриархальный характер. Так, например, в долине Хингоу жители целого ряда кишлаков были обязаны доставить местному правителю в год одну большую веревку, поэтому между этими кишлаками устанавливалась очередь. Кишлак Пуштарог, где было довольно много скота, обязан был давать местному правителю ежегодно один большой войлок, какими обычно устилались полы; для его изготовления с каждого хозяйства собирали небольшое количество шерсти и здесь же, на месте, валяли войлок, а затем отправляли его в Тавильдару. В тех кишлаках, где население было обложено сбором железного лома в пользу местных властей, каждое хозяйство должно было ежегодно доставить четыре лошадиных подковы местного изготовления или же соответствующее количество каких-либо других железных изделий. В кишлаке Сангвор, где весной производился сбор мынгака (см. выше), большую корзину которого население было обязано доставить ко двору дарвазского бека, для этой цели привлекались женщины из каждого хозяйства.⁶⁵

Вообще же следует отметить, что разверстка между односельчанами при реализации таких архаических повинностей и сборов была обычным правилом. Такая форма реализации сама по себе свидетельствует об архаичности повинностей и сборов, в ней с достаточной четкостью отражается общинное начало. В некоторых, более крупных работах, проводившихся по указанию местных властей, к которым привлекались жители многих кишлаков, возможно проследить даже и групповое (родо-племенное) начало. Так, например, в той же долине Хингоу, все население которой делилось на пять больших групп, в возведении нового моста через реку или ремонте старого вблизи административного центра Тавильдары принимало участие население двух из этих групп: сооружение одной половины моста являлось обязанностью группы Туркийя, а другой —

⁶⁴ Н. Н. Ершов. Сельское хозяйство..., стр. 51.

⁶⁵ Н. А. Кисляков. Из истории горного Таджикистана, стр. 115—116.

^{1/2} 10 Н. А. Кисляков

группы Нижголя. Перед началом работ длину вновь возводимого моста определяли с помощью веревки, протягиваемой через реку, и работу делили пополам.⁶⁶

Налоги и сборы, пережиточно характеризующие архаические, патриархальные отношения, — такие, как сборы войлоками, веревками, старым железом и т. п., — хотя и практиковались охотно феодалами, но не играли особенно большой роли; некоторые же другие сборы, уходящие своими корнями в первобытно-общинные отношения, со временем приобрели характер важнейших феодальных повинностей, ложившихся тяжелым бременем на плечи непосредственного производителя.

В этой связи остановимся на общественных установлениях, носивших название кафсан и посира. Генезис их обоих с большой тщательностью изучен и вскрыт Е. М. Пещеревой. Остановимся кратко на приводимом ею материале.

Изучая гончарное производство в ряде районов Средней Азии, Е. М. Пещерева отмечает обычай безвозмездной раздачи мастерами части изготовленной ими и вышедшей из обжига посуды. Так, в Каратаге, когда разгружалась гончарная печь, ученики мастера, его родственники или приятели, заходившие случайно или намеренно в мастерскую, получали кое-что из посуды; эта раздача считалась как бы жертвой во имя святого Хызра и называлась хидри, женщины же такую раздачу называли кевсан. В Гиждуване мастер, который полагал, что тот или другой его ученик может уже работать самостоятельно, — как подчеркивает Е. М. Пещерева, считаясь с общественным мнением, — предлагал ученику обжечь одну печь посуды в свою пользу, что называлось посира. В Гиждуване также было принято при разборке каждой печи раздавать часть посуды ученикам, родственникам, знакомым и случайно зашедшим в мастерскую чужим людям, что тоже называлось посира или же хайроти хумдон («милостыня у печи»). Тот же обычай бытовал и в Шахрисябзе: при разгрузке печи в качестве посира кое-что из посуды получали не только ученики и рабочие мастера, но и случайно зашедшие в это время в мастерскую; кроме того, ученик, впервые самостоятельно изготовивший посуду, получив ее от мастера, должен был раздать эту посуду родственникам и постоянным.⁶⁷

Е. М. Пещерева, по-видимому, совершенно обоснованно считает, что в городское гончарное производство термины «посира» («посра») и «кевсан» («кавсан») были перепесены из сельскохозяйственной терминологии, что объясняется тесными связями, существовавшими между кишлаком и городом, и постоянным притоком сельского населения в города, где последнее обычно селилось в порядке землячества, образуя иногда целые кварталы выселенцев из того или другого кишлака, из той или другой местности. Она приводит несколько примеров осмысления термина «посира». Так, В. Л. Вяткин, интерпретируя одно из соответствующих мест в источнике, восходящем к XII в., поясняет: «Посира — небольшой участок земли, который издольщик, по обычному праву, обрабатывает исключительно в свою пользу». Персидский толковый словарь XVII в. Бурхани Кат'и указывает, что «посира» называется участок земли, который владелец посевов выделяет земледельцам, чтобы они доход с него расходовали на уплату налогов и пр. Е. М. Пещерева отмечает, что термин «посира» и в самое последнее время (т. е., очевидно, перед революцией и в первые

⁶⁶ Там же, стр. 113.

⁶⁷ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. XLII, 1959, стр. 319, 325, 327, 343, 377.

годы советской власти) применялся с некоторыми вариациями примерно в том же смысле, а именно для обозначения права издольщика обработать в свою пользу небольшой участок земли хозяина или же обработать в свою пользу участок своей земли, но при помощи рабочего скота и орудий хозяина. Наконец, отмечено значение термина «посира» как дарение части урожая баями своим богатым сородичам или влиятельным лицам, не имевшим собственных посевов.⁶⁸

Н. Н. Ершов, занимавшийся вопросами дореволюционного земледелия в районе Ходжента (Ленинабада), по поводу посира пишет, что некоторые бай разрешали своим издольщикам иногда на неполивных землях засеивать небольшой участок хозяйскими семенами и на хозяйских быках, что называлось посиракори (т. е. «посевы посира»); это являлось как бы компенсацией за то, что некоторые члены семьи издольщика помогали последнему в работе по засеву байских хозяйств; автор прибавляет, что на поливных землях такие посевы также практиковались, но на незначительных площадях, не более одной или двух сотых гектара.⁶⁹

К. Ш. Шаниязов, характеризуя общинно-передельное хозяйство в кишлаке Каллык, отмечает, что пасра обычно назывались небольшие участки общинной земли, которые из-за малопригодности, неудобства местонахождения, отдаленности от истоков воды не входили в участок пайкала; какой-либо член пайкала засеивал его в свою личную пользу. Однако, указывает автор, такой вид пользования общественной землей был крайне редким, так как подобные участки были плохие и требовали большой затраты труда.⁷⁰

По нашим полевым записям, произведенным за последние годы, термин «посира» трактовался примерно таким же образом. В кишлаке Кизыл-Имчок (верховья Кашка-Дарьи) термин «посира» употребляли в том случае, если кто-либо пахал с шариком, а небольшой участок земли запахивал лично для себя.⁷¹ В кишлаке Хатырчи (долина Зеравшана) говорили, что посира назывался обычай, по которому бай давал своему работнику небольшой участок земли для посева в пользу работника или же предоставлял последнему, если у него было немного своей земли, орудия труда и рабочий скот для обработки этого участка.⁷² В кишлаке Рохаты (Гисарская долина) термином «посира» называли посев, который производился для какого-либо бедного крестьянина на его собственной земле силами более зажиточных односельчан.⁷³

Весьма любопытно, что осмысление термина «посира» как какого-то добавочного посева, дара, позднее подачки со стороны имущего неимущему уже в период организации колхозов нашло себе место при практиковавшихся кое-где отдельными несознательными колхозниками индивидуальных небольших посевов, которые они стремились скрыть от учета.⁷⁴

Выше, при анализе термина «посира» у гончаров, отмечено, что в Каратаге в отношении дарения гончарной посуды женщины применяли другой термин — «кевсан» (в других местах «кафсан», «каусан»). Приводя такую же аналогию, как и в отношении термина «посира», Е. М. Пещерева находит применение термина «кафсан» в сельском хозяйстве; так,

⁶⁸ Там же, стр. 390—392.

⁶⁹ Н. Н. Ершов. Сельское хозяйство..., стр. 52.

⁷⁰ К. Шаниязов. Общинное землепользование в селении Каллык, стр. 32.

⁷¹ Полевые записи от Уруна Ходжаева и Мадамина Ашурова.

⁷² Полевые записи от Мизома Мавлянова.

⁷³ Полевые записи от Суфи Зиё (запись Н. Н. Ершова).

⁷⁴ Полевые записи от Бахрома Низамова (Бухара); об этом же упоминает Е. М. Пещерева (Гончарное производство Средней Азии, стр. 391).

она отмечает, что в долине Варзоба (южные склоны Гисарского хребта) кафсаном назывался подарок зерном с тока, а в Пянджикенте — подарок родственникам всего урожая фруктов с отдельных деревьев. Е. М. Пещеревой в долине Варзоба еще в 1935 г. довелось наблюдать, что учителя и служащие, не имевшие своих посевов, получали от своих родичей-крестьян в качестве кафсана 10—15 кг пшеницы.⁷⁵

Наши полевые записи также указывают на то, что термин «кафсан» осмыслился как дарение какой-то (конечно, незначительной) доли урожая. Так, в Бухаре нам указывали (Бахром Низамов), что в кафсан давалось небольшое количество зерна с гумна проходящим странникам и другим случайным лицам, что это есть милостыня, даваемая «для чистоты (ритуальной) гумна» (Кузи Юлдашев); в кишлаке Рохаты (Суфи Зиё) кафсан — это то зерно, которое владельцы добровольно раздавали беднякам при вывозе урожая с гумна, кафсан давали и с сушеного винограда (изюма) случайным лицам, которые проходили мимо сада в тот момент, когда сушеный виноград складывали в корзины.

Далее Е. М. Пещерева подчеркивает, что, согласно собранным ею материалам, в ряде мест Ферганской долины под термином «кафсан» понимали долю урожая зерна, которую население давало лицам, обслуживавшим кишлак, сельскую общину. Так, в некоторых местах кафсан давался мирабу — ведавшему распределением воды, джубону — сторожу головных сооружений на главном канале, джарчи — лицу, оповещавшему о различных общих мероприятиях, а также общинным сапожнику, цирюльнику, кузнецу, пастуху.⁷⁶

Нетрудно видеть, что отсюда уже один шаг до того, что кафсан, как мы говорили в предыдущей главе, начинают получать представители местной администрации, — такие, как аксакал, арбоб, амин, которые, конечно, также могут рассматриваться как лица, обслуживающие сельскую общину. Вслед за ними появляются и новые претенденты на кафсан, также «обслуживающие» общину, главным образом по линии взимания налогов с непосредственного производителя, — такие, как дарга и мушриф, амлокдор. Оттого, что сборы этими лицами не повсеместно назывались кафсан, а в ряде случаев — мушрифона или сарона (см. выше), дело, конечно, не меняется. Со временем отпадает и «добровольность» дачи кафсана и он превращается в постоянный, принудительный сбор или налог.

Очень ярко этот переходный момент от необязательного даяния к налогу показал А. А. Семенов. Говоря о налогах в Бухарском ханстве, он указывает, что наряду с хераджем взимался особый налог, называвшийся кафсан, который шел на покрытие расходов по содержанию амлокдоров. К этому же налогу, пишет он, следует отнести и кафсандарга — сбор в пользу чиновника, определявшего и записывавшего урожай, хотя налог этот не имел определенного размера, а скорее представлял собой «добровольное даяние» земледельца по обоюдному соглашению его и дарга. Наконец, к этим двум налогам нужно причислить и так называемый муштак, т. е. буквально «горсточка (то, что уместится в кулаке)»; это добровольная дача амину, аксакалу и другим лицам низшей администрации, наблюдавшим за сдачей налогового зерна. «Бухарцами муштак, впрочем, рассматривался не как налог, а исключительно как необязательная подача упомянутым должностным лицам натурой хлебных продуктов».⁷⁷

⁷⁵ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, стр. 319, 377, 392.

⁷⁶ Там же, стр. 292—293.

⁷⁷ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 35.

Из всего сказанного по поводу посира и кафсана можно видеть, что своими корнями оба эти общественные установления уходят в первобытно-общинные отношения, что с течением времени они приобретают характер даяний родичам и общинникам, возможно, являвшихся своего рода компенсацией при становлении частной собственности отдельных лиц на средства производства. Оба они коренятся в патриархальном общественном укладе, а в дальнейшем, с развитием феодальных отношений, один из них, а именно кафсан, перерождается в средство эксплуатации земледельца. «Можно думать, — делает вывод Е. М. Пенцерева, — что, по-видимому, первоначально термином капсан//кафсан могла обозначаться доля урожая, получавшаяся членом общины при обработке земли, а затем, при появлении вторичного разделения труда, — та доля, которую получали люди, занимавшиеся специализированным трудом — ремеслом и другими услугами общины. Отсюда, уже наряду с возникновением частной собственности, могло возникнуть и обозначаемое этим термином дарение части урожая своим родичам, не имевшим посевов, а далее, при углубляющемся классовом расслоении, — постепенно превращающееся в обязательное одаривание духовенства, администрации и, наконец, в государственный налог».⁷⁸

В главе, посвященной феодальным отношениям, говорилось уже о кипшачной низовой администрации, которую составляли аксакал, арбоб, амин. Являясь низшими звеньями феодальной административной системы, эти лица были призваны содействовать осуществлению основной задачи, стоявшей перед классом феодалов, — эксплуатации трудового населения, своевременного и исправного сбора налогов, осуществления различных повинностей и отработок.

То обстоятельство, что представители низовой администрации происходили из среды местного населения, были хорошо осведомлены о жизни своих односельчан, знали материальные возможности каждого хозяйства, степень его обеспеченности, бытовые условия и т. п., оказывало большую помощь налоговым чиновникам. Выше уже пришлось упомянуть о том, что старосты кипшлаков, совместно с авторитетными односельчанами-стариками, не только следили за своевременной уплатой налогов и выполнением повинностей, но наблюдали и за тем, чтобы то или иное хозяйство находилось в руках исправного, трудоспособного крестьянина.

Однако староста кипшлака и другие лица сельской администрации выступают как бы в двух качествах: они не только представители администрации, но одновременно и представители сельской общины; это еще как бы более подчеркивается тем, что они лица выборные. И сельский староста — не только представитель общины и ее ходатай, «заступник» перед властями,⁷⁹ но и лицо, которое ведает внутренними делами сельской общины, следит за соблюдением патриархальных и родовых традиций, различных обычаев, норм обычного права, улаживает возможные между односельчанами конфликты, организует помощь для тех членов общины, которые в ней почему-либо нуждаются, и т. п.

В этой связи характерно, что старосту в некоторых местах называли пойкор (паи + кор — «ходящий по следам дел, по делам», в данном слу-

⁷⁸ Е. М. Пенцерева. Гончарное производство Средней Азии, стр. 394.

⁷⁹ В разделе, посвященном административному устройству, было указано, что при взимании налогов староста рассматривался как блюститель интересов крестьянина, в то время как амин считался «объективным» лицом.

чае, очевидно, по мирским делам).⁸⁰ Если в кишлаке устраивалась свадьба, то обычно со старостой советовались о времени ее устройства, так как староста лучше других знал, какое именно время будет более свободным для односельчан от различных работ, он же решал, или во всяком случае советовал, кого следует пригласить; если же на праздник приглашали гостей из других кишлаков, то на обязанности старосты лежало распределение на постой гостей, а также их лошадей или ослов в домах и дворах односельчан. Эти обязанности ложились на старосту и при устройстве других торжественных праздников, как семейного характера (например, праздник обрезания сына), так и религиозных. За услуги устроитель праздника обычно подносил старосте какой-либо подарок, — например, дарил барана или корову, хороший халат и т. п. Староста совместно с другими авторитетными в кишлаке лицами выступал и в качестве организатора похорон и поминок по покойнику.

На старосте лежала также обязанность принимать и размещать у своих односельчан случайных гостей и путников, а также проезжавших административных лиц, заботиться об их пропитании, фураже для лошадей.

Без участия старосты не обходились и дела, связанные с наследством, разделами, выморочным имуществом, как движимым, так и недвижимым.

Староста ведал распределением и очередностью всех государственных работ и повинностей, он же, как говорилось в другом месте, выступал в качестве представителя крестьянина при определении налога с урожая и сочувствующих этому спорах между налогоплательщиком и властями.

Вполне естественно, что выборам старосты кишлака односельчанами придавалось большое значение; обычно, если в кишлаке было представлено несколько родственных групп, каждая из них стремилась выдвинуть и провести своего кандидата. Поскольку авторитет и влияние человека в большинстве случаев были связаны со степенью его зажиточности, богатства, то претендентами обычно являлись люди состоятельные, имевшие возможность также сделать богатые подарки представителям власти, утверждавшим старосту в должности и тем или иным способом оказывавшим влияние на самые выборы. Большую роль здесь играла и традиция, в силу которой старосты и другие должностные лица избирались из одной семьи или из одной родственной группы.⁸¹ Иногда же, по традиции, если в кишлаке было два или несколько кварталов, выборы производились поочередно. Так, например, в кишлаке Кизыл-Имчок (верховья Кашка-Дарьи), где было два квартала, каждые три года жители одного из них выбирали аксакала, а жители другого — амина; следующий раз, наоборот, жители первого квартала выбирали амина, а жители второго — аксакала.⁸² Характерно, что феодальные власти обычно стремились не нарушать установившихся традиций, но использовали их в своих интересах.

⁸⁰ Полевые записи от Раби Курбонова (кишлак Чорбог, долина Варзоба); «пойкор — человек, выполняющий поручения населения квартала и получающий за это вознаграждение» (Таджикско-русский словарь. М., 1954).

⁸¹ Интересный пример приведен в работе М. Абдураимова, изучавшего общинные пережитки в кишлаке Хумсан (недалеко от Ташкента), — правда, не входившем в состав Бухарского ханства. В указанном кишлаке было несколько родовых групп, называвшихся топ. Каждый влиятельный топ представлял свою кандидатуру на должность аксакала и других должностных лиц. Богатые люди топа давали взятки административным лицам и некоторым влиятельным избирателям, устраивали для них угощение. Привилегированными были топы Шабува и Мирзабег, аксакалов и мингбоши (представитель местной уездной администрации) почти всегда избирали из топа Шабува, а кази (судью) — из топа Мирзабег (М. Абдураимов. Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан. Советская этнография, 1959, № 4, стр. 44—45).

⁸² Полевые записи от Мадамина Ашурова и Насрулла Абдулаева.

До сих пор в настоящей главе мы собственно рассматривали различные патриархально-общинные пережитки, которые в той или иной степени использовались феодалами в целях наиболее успешной эксплуатации непосредственного производителя, маскировали феодальную, классовую сущность общественных отношений.

Однако в Бухарском обществе конца XIX—начала XX в. существовали не только пережитки, реминисценции более архаичных общественных отношений, но были налицо и самые эти отношения, представлявшие собой некую реальность, живую действительность, которая сама по себе служила, если можно так выразиться, питательной средой для придания во многих случаях классовым отношениям феодального общества патриархально-родовой формы. Другими словами, как об этом уже говорилось во введении, существовал особый патриархальный уклад, бытовавший в условиях феодального способа производства.

Каковы же те реальные формы, в которых бытовали патриархально-общинные отношения? В Бухарском ханстве последнего периода мы находим их две — патриархальная семейная община и сельская община; стадияльно первая из них предшествует второй, и поэтому, естественно, при довольно широком бытовании сельской общины, патриархальная община сохранялась далеко не повсеместно, лишь в наиболее изолированных и глухих углах ханства.⁸³

Вопросы, связанные с патриархальной и сельской общинами для бывших горных бекств Восточной Бухары, в свое время были довольно подробно рассмотрены дореволюционными и советскими этнографами,⁸⁴ и сейчас мы намерены поэтому остановиться лишь на самых существенных

⁸³ Мы не можем согласиться с мнением, высказанным А. И. Першицем, что «с точки зрения исторической перспективы патриархальный род (по контексту здесь речь идет о патриархальной общине, — Н. К.) и первобытная соседская община — явления в основном одновременные» (А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе. Сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. LIV, 1960, стр. 166). Патриархальная семейная община представляет собой переходную форму от отцовского рода к сельской общине; будучи экономической ячейкой (как и отцовский род), она отличается от рода тем, что является в то же время и семейной единицей, в ней семья впервые приобретает экономические функции. Конечно, часто патриархальная семейная община сосуществует с сельской, однако стадияльно сельская община есть более поздняя форма, приходящая на смену семейной общине (см.: М. Ковалевский. 1) Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895, стр. 125; 2) Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879, стр. 5; Ф. Энгельс. 1) Марка. Приложение к книге «Развитие социализма от утопии к науке». М.—Л., 1931, стр. 12; 2) Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1933, стр. 82, 168—169). В нашей работе «Следы первобытного коммунизма...» мы приводим ряд примеров превращения семейной общины в соседскую, а также показываем, что нередко большая семейная община составляла целое поселение (см. ниже, примеч. 86 на стр. 156); можно только пожалеть, что А. И. Першиц, сетуя на неизученность вопроса «переплетения родовых связей с соседскими» (Развитие форм собственности..., стр. 166), обошел этот материал. Противопоставляя большую семью сельской общине, А. И. Першиц говорит, что первая «не могла быть самодовлеющей экономической ячейкой общества» (там же, стр. 165); но термин «самодовлеющая» нельзя применить и к сельской общине, поскольку, как известно, она бытовала обычно в условиях классового общества и общинники чаще всего были феодально зависимыми.

⁸⁴ Здесь приводятся лишь главнейшие работы, в которых можно найти материал по патриархальной или сельской общине, иногда довольно отрывочный: Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин; А. А. Вобрицкий. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908; М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии...; М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма...;

моментах, освещение которых считаем необходимым для данного исследования. Что касается Западной Бухары, то здесь дело обстоит совершенно иначе: какая-либо специальная литература по этому вопросу почти совершенно отсутствует, если не считать цитированных выше работ, посвященных пайкальному землепользованию,⁸⁵ собранные же за последние годы советскими этнографами полевые материалы еще не опубликованы. Тем не менее для общей характеристики обеих общин мы располагаем достаточными данными.

Патриархальные семейные общины, насчитывавшие иногда по нескольку десятков человек каждая, были зарегистрированы исследователями как одна из довольно распространенных форм общежития в глухих горных долинах Припамирья, а также в высокогорной долине Ягноба; они встречались и в других районах горного Таджикистана, но уже, как правило, спорадически и в виде менее многочисленных семей. В припамирских районах к началу XIX в. встречались семьи, число членов которых, по свидетельству М. С. Андреева, превышало 100 человек, в долине Ванджа патриархальные общины еще в первые годы советской власти достигали 50 человек и более, в долине Ягноба и в Каратегине совместно проживало в те же годы иногда до двух десятков человек. Все они основывались на принципах агнатного родства и состояли обычно из престарелых родителей и неотделившихся сыновей с их женами, взятыми со стороны, и детьми.

Жилищем патриархальной семейной общины служил большой дом, в котором на высоких глинобитных возвышениях, идущих вдоль степ, каждая брачная пара со своими детьми занимала особое место; иногда же, как это было принято в долине Ягноба, члены патриархальной общины проживали в тесно пристроенных друг к другу отдельных помещениях, расположенных под одной общей плоской крышей, — боми калон.

Во главе патриархальной семейной общины стоял старейшина, отец взрослых сыновей, в случае его смерти — старший из братьев, в ряде случаев не старший, а более авторитетный и хороший распорядитель. Ему беспрекословно подчинялись все остальные члены общины, он ведал всем имуществом семьи, он же руководил непосредственно мужскими работами, распределял эти работы и различные обязанности между отдельными лицами. Он же являлся представителем семейной общины перед властями, отвечал за своевременную сдачу налогов и исполнение повинностей. Старейшина семейной общины назывался калонтари хона («старшина дома») или муйсафед («седобородый»).

Домашними женскими работами в патриархальной общине ведала старшая женщина, которая чаще всего являлась женой старейшины, ей должны были беспрекословно подчиняться все остальные женщины в доме, особенно невестки.

Пища для всех членов семейной общины готовилась обычно в одном котле, ели тоже все вместе, обычно рассаживаясь во время еды по

А. Н. Кондауров. 1) Некоторые материалы по этнографии ягнобцев. Советская этнография, 1935, № 6; 2) Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. Труды Института этнографии АН СССР, т. III, вып. 1, М.—Л., 1940; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев. Среднеазиатский этнографический сборник, т. II, Труды Института этнографии АН СССР, т. XLVII, 1959.

⁸⁵ В. А. Полозов. Узбекское общинное землепользование...; К. Шаниязов. Общинное землепользование в селении Каллык; см. также цитированную выше работу: М. Абдураимов. Пережитки сельской общины... (однако объект этого исследования лежит за пределами б. Бухарского ханства).

возрастам и по полу. Пищу распределяла старшая женщина, остальные готовили еду и пекли хлеб под ее руководством.

Взаимоотношения в семье были построены на высоком авторитете старших и беспрекословном подчинении им. Молодежь, как юноши, так и девушки, не могла самостоятельно распоряжаться своей судьбой, глава семьи, обычно советуясь со старшими женщинами, решал вопрос о женитьбе сыновей и выдаче замуж дочерей или же внуков. По обычаю, за высватанную девушку, которую брали в дом, следовало заплатить ее родным калым, если же девушка из данной семьи выдавалась замуж, то ей делали какое-то приданое; и то, и другое выделялось из общего имущества семьи, распорядителем которого был глава последней. Вследствие этого для женитьбы юношей устанавливалась определенная очередность.

Большие патриархальные общины имели в своем владении довольно значительные земельные участки, состоявшие из пахотной земли и других угодий, предназначенных для выпаса скота, сбора трав и заготовки топлива. Эти земельные угодья принадлежали общине в целом, старейшина мог распоряжаться землей лишь с общего согласия, особенно если дело касалось продажи или покупки земли, сдачи в аренду и т. п. Такое же положение наблюдалось и в отношении деревьев, особенно фруктовых, хотя в ряде случаев фруктовые деревья (или урожай с них) поступали в распоряжение отдельных малых семей. Общей собственностью общины являлась большая часть скота, в особенности рабочий скот — волы, лошади, ослы. Что касается молочного скота, то значительная его часть поступала в общину в качестве приданого приходивших в нее женщин; этот скот, носивший обычно название моли мирос, т. е. «наследственное имущество», как правило, считался личным имуществом приведших этот скот женщин, но обычно право распоряжения продуктами от него принадлежало всей общине в целом и скот находился в ведении старшей женщины.

Нераздельное владение землей, домом и хозяйственными постройками, большей частью скота и другим имуществом составляло экономическую основу патриархальной семейной общины. До тех пор, пока коллективная собственность была крепка, незыблемым оставался и порядок коллективного производства и потребления, община представляла собой сплоченное целое.

Хозяйство патриархальной семейной общины носило почти целиком натуральный характер. Продукты питания — хлеб, мясо, молоко, овощи, фрукты — доставляли собственные поле, огород, сад и скот; шкуры шли на поделку обуви, ремней, кожаных сосудов, шерсть — на ткань незыбловатой одежды; чтобы получить бумажную пряжу, в районах, где позволял климат (например, в Дарвазе, Нижнем Вандже), сеяли небольшое количество хлопка. В общине нередко были свои гончары-женщины, делавшие примитивную посуду, ткачи, изготовлявшие материю для одежды, деревообделочники, плотники. Для получения материалов и различных предметов, которые не изготовлялись в собственном хозяйстве, пользовались обычно натуральным обменом; таким путем получали железо, хлопок, посуду. Существовали определенные нормы обмена, — например, посуду получали за такое количество зерна, какое помещалось в данном сосуде.

Фабричные изделия стали появляться лишь в связи с развивающимся отходничеством отдельных членов семейной общины в города на равнине; отходники, проработав определенное время на чужбине, приносили с собой различные предметы домашнего обихода, материю и т. п.

Проникновение элементов товарного хозяйства, что в значительной степени было связано как с отходничеством, так и с появлением торговцев,

все большее разделение труда между отдельными членами общины и выделение мастеров-специалистов постепенно приводят к нарушению основ коллективизма, к возникновению в недрах общины частной собственности отдельных ее членов сначала на личное имущество, затем на скот, огороды, фруктовые деревья. Патриархальная семейная община начинает распадаться, делиться на малые индивидуальные семьи.

Деление патриархальных семейных общин, каждая из которых нередко первоначально составляла отдельное селение — кишлак (иногда же кишлак состоял из двух-трех таких больших общин, образовывавших отдельные хутора-кварталы), переселение некоторых выделившихся малых семей в другие места, приход новых групп населения в силу тех или других обстоятельств, нередко вследствие брачных связей, — все это приводило к тому, что в каждом отдельном кишлаке родственные связи с течением времени стали заменяться соседскими. Появились типы многоквартальных селений — кишлаков с преимущественным заселением каждого отдельного квартала одной группой сородичей. Из поколения в поколение и группы сородичей, предки которых когда-то составляли одну семейную общину, даже при проживании по соседству, постепенно теряли первоначальную близость и распадались на новые родственные объединения. В другом месте на конкретных примерах нами был показан этот процесс, здесь мы не считаем необходимым вновь возвращаться к уже опубликованному материалу.⁸⁶

В результате распада патриархальных семейных общин и замены родственных связей соседскими возникает сельская община, в которой принципы коллективной собственности, коллективного владения уже оказываются в значительной степени нарушенными.

Тем не менее сельскую общину следует рассматривать как некую реальную общественную организацию. Как известно, Маркс отметил три характерных черты, отличавшие сельскую общину от общин более древнего типа: замена кровного родства отношениями людей, не связанных кровными узами, переход дома в собственность к земледельцу и сохранение пахотной земли в общей собственности членов сельской общины. Однако наряду с этим Маркс указывал на общину в Германии, изученную Маурером, где пахотная земля являлась уже частной собственностью земледельца.⁸⁷ Изучая эволюцию этой общины, Энгельс подчеркивает тот момент, что после отказа от передела пахотной земли и перехода ее в частное пользование сохранился еще целый ряд других общинных установлений.⁸⁸

В конкретных условиях Бухарского ханства позднейшего времени сельская община представляла собой еще в известной степени самостоятельную замкнутую единицу, коллектив земледельцев, объединенных общими производственными интересами, общностью быта, традиций, семейно-брачных связей.

Сельская община располагала единой территорией с общей оросительной сетью. Как показано в начале этой главы, личное владение и пользование усадьбами и пахотными землями было сопряжено с известными ограничениями, которые диктовались как интересами ведения сельского хозяйства, так и ответственностью общины в деле уплаты налогов и несе-

⁸⁶ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 22—25, 76—80, 99—102.

⁸⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. I, М., 1924, стр. 271—272, 284 (черновики писем к Вере Засулич).

⁸⁸ Ф. Энгельс. Марка. Приложение к книге «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 81 и след.

ния различных повинностей. Принадлежавшие же общине другие угодья — летние выпасы, сенокосы, рожи и заросли кустарников — находились в нераздельном общинном пользовании или же были подразделены между отдельными группами населения данной общины, часто еще по родственному признаку.⁸⁹

Эти родственные признаки или связи, сохранившиеся в сельской общине еще наряду с соседскими, свое внешнее, материальное выражение получали в наличии в большинстве кишлаков отдельных кварталов, иногда тесно соприкасавшихся друг с другом, иногда же отделенных один от другого известным расстоянием. Правда, весьма часто и внутри кварталов родственные связи уже оказывались нарушенными и в одном и том же квартале проживали представители различных родственных групп, но все же обычно, при внимательном анализе, можно было нащупать то первоначальное ядро родственных между собой хозяйств, которые могли считаться основателями квартала. Квартал являлся как бы подразделением кишлака — сельской общины, — и во многих случаях хозяйственной и общественной жизни объединение односельчан происходило по квартальному принципу.

В начале главы уже пришлось говорить о таких явлениях совместной производственной жизни, как одновременные начало и конец земледельческих работ, совместный выпас кишлачного (иногда квартального) стада весной и осенью на сжатых полях или поблизости от кишлака. Следует отметить, что и другие мероприятия производственного характера имели общественный характер. Так, обычно коллективно проводился выход женщин всего кишлака или квартала на летние пастбища вместе со скотом. День выхода обычно обуславливался заранее, и самый выход превращался в общественный праздник: в домах готовили лучшие кушанья, женщины и девушки нарядно одевались, кто-либо из уважаемых стариков селения читал общую молитву, в которой испрашивал благополучия и обилия молочных продуктов, обычно заготавливавшихся на летних пастбищах впрок на зиму. Из кишлака на летовку двигались все вместе, голя впереди скот, при этом обычно по пути останавливались у какого-либо почитаемого дерева или камня, считавшегося святыней — мазар — и совершали здесь жертвоприношение: выливали немного масла, клали хлеб, повязывали лоскутки материи. Во время пребывания женщин на летовках туда поочередно отряжали несколько мужчин для охраны и присмотра за скотом в горах. Возвращение с летовок осенью также носило коллективный характер, несколько мужчин помогали женщинам доставить вниз, в кишлак, весь скарб и заготовленные молочные продукты, пригнать скот. Иногда возвращение с летовки отмечалось коллективным торжественным угощением.

С заготовкой молочных продуктов был связан еще один коллективный обычай, практиковавшийся во многих горных кишлаках и известный под именем пейвоз или наубати шир. Группа женщин объединялась в особую артель или товарищество по сливу молока; сливая весь удой, они пользовались им поочередно в течение определенного количества дней (в зависимости от количества молочного скота в том или другом хозяйстве). В результате каждая хозяйка получала то же самое количество молока, которое она должна была бы иметь от своего скота в определенный период при единоличном пользовании, но, участвуя в артели, она получала его

⁸⁹ В нашей работе «Следы первобытного коммунизма...» приведен в качестве примера кишлак Удоб в долине Ванджа, где пахотные участки были разделены между всеми хозяйствами кишлака, которых насчитывалось 41, а покосные участки переданы между 10 основными родовыми группами.

в более короткий, сжатый срок, что позволяло ей более успешно произвести заготовку молочных продуктов на зиму. В молочные артели обычно объединялись не все хозяйства данного кишлака (это возможно было лишь в том случае, если кишлак был невелик), а по признаку соседства или квартального объединения, потому что участие в молочной артели более 10—12 хозяйств было бы нецелесообразным. Характерно, что расчеты между хозяйствами основывались на полном доверии друг к другу участниц артели.⁹⁰

Коллективный характер имели некоторые второстепенные занятия, — такие, например, как охота. Во многих горных районах практиковалась охота облавами на козлов и других диких зверей, в которой обычно принимали участие все взрослые мужчины кишлака, во всяком случае большинство из них. Охота рассматривалась односельчанами как дело общественное, каждый считал своим долгом принять в ней участие, хотя никакого принуждения в этом не было. Охота велась в тех местах, которые в силу обычного права считались охотничьими угодьями — шикорга — данного кишлака. Коллективная охота на шикорга других кишлаков являлась нарушением прав жителей этих кишлаков. В некоторых случаях шикорга принадлежала совместно двум-трем кишлакам, тогда нарушением обычного права считался выход жителей одного из кишлаков на охоту без уведомления жителей кишлака-совладельца.

Коллективная охота имела следствием и коллективное потребление добычи. Мясо убитых животных поступало для совместного угощения, которое обычно устраивалось в общественном здании кишлака. Собиралось все мужское население кишлака, приходили и те, которые в силу тех или иных причин не могли участвовать в охоте; женщинам, детям, а также больным выделялась известная доля, которая и рассылалась по домам, при этом мясо завертывали в тонкие лепешки. Что касается шкуры животного, то, например, шкура горного козла иногда разрезалась на полоски и ими оделяли всех односельчан, в некоторых же случаях она, как и рога, доставалась тому охотнику, который убил животное или чья собака его схватила.⁹¹

Коллективный характер имел сбор некоторых дикорастущих плодов и корней. Выше уже говорилось о заготовке женщинами в кишлаках бассейна Хингоу съедобного корня — мынгак, для чего весной выходили на кишлачные поля артели женщин с лопатами и корзинами; ⁹² мынгак служил своего рода лакомством, его варили и приносили в общественное здание или на площадку у мечети, где собирались мужчины, а женщины ели его по домам, собираясь группами. М. Абдураимов описал в качестве одного из пережитков сельской общины сбор дикорастущего грецкого ореха в кишлаке Хумсан. Перед сбором все ореховые рощи распределялись по жребью между отдельными кишлачными кварталами, затем население каждого квартала, включая женщин и молодежь, направлялось в доставшуюся им рощу, впереди шли музыканты, певцы и танцовщики, на месте устраивалось торжественное угощение, варили пищу в большом кварталь-

⁹⁰ О летовках и молочных артелях см.: Е. М. Пещерева. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. Сб. «По Таджикистану», Ташкент, 1927, стр. 42—59; Н. А. Кисляков. Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна р. Хингоу. Известия Тадж. филиала АН СССР, 1949, № 15, стр. 37—46.

⁹¹ См.: Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин, стр. 158; М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии..., стр. 30; Н. А. Кисляков. Охота таджиков долины р. Хингоу — в быту и в фольклоре Советская этнография, 1937, № 4, стр. 107—108.

⁹² Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 112.

ном котле. Сбор орехов превращался в торжественный праздник. Как сообщает автор, собранный урожай орехов распределялся не по количеству работающих, а по числу семей квартала, при этом свою долю получали также и одинокие старики, старухи и женщины, имевшие малолетних детей.⁹³

Некоторые исследователи указывали и на существование общественных мельниц, принадлежавших целому кишлаку, строившихся совместно всеми жителями.⁹⁴

В условиях сельской общины, так же как и в патриархальной семейной общине, многие крестьяне наряду с земледелием занимались и домашними промыслами, призванными удовлетворить потребности членов своей семьи или группы семей. Однако для работ специального характера, требовавших некоторой квалификации, особых навыков и умения, в каждой сельской общине существовали мастера — специалисты, пазывавшиеся обычно усто и соединявшие в своих руках нередко две или три специальности. Это были необходимые для обслуживания хозяйства однообщинников кузнецы, плотники, цирюльники, часто являвшиеся одновременно и лекарями, иногда ткачи. Кишлачные мастера пользовались среди односельчан всегда большим авторитетом, обычно это были пожилые, опытные люди, к голосу которых прислушивались и к которым нередко отдельные крестьяне обращались за советом по семейным и хозяйственным делам. В качестве лекаря мастер — усто — приготовлял различные снадобья, настои из трав, лечил переломы костей, рвал зубы. Все эти мастера, а также лекари, как правило, обслуживали своих односельчан безвозмездно, — вернее, они не требовали вознаграждения за каждую отдельную услугу от того или другого крестьянина. Они пользовались общественным вознаграждением, в основном в натуральной форме: для мастера осенью собирали обычно по одному или по два деревянных блюда зерна, иногда что-либо другое из продуктов хозяйства, иногда делали подарки к праздничным дням. Конечно, если мастер-плотник приглашался для крупной работы, как постройка дома, то ему давали специальное вознаграждение, нередко тоже натурой (например, одеждой или скотом), в период работы готовили для него специальное угощение. Если мастер имел в кишлаке свой участок земли, то односельчане общими силами, путем устройства хашара, его обрабатывали — распахивали, засевали, жали и обмолачивали урожай.

Такая трудовая помощь сельскому мастеру не являлась в глазах односельчан чем-то исключительным. Как мы говорили выше, рассматривая обычай хашара, она оказывалась и всякому другому односельчанину, если он почему-либо не мог справиться со своими сельскохозяйственными работами, заготовкой дров, сена и т. п., — например, в случае болезни; она оказывалась также и в других случаях, как постройка дома, где мастер приглашался только для специальных плотничных работ, а в остальном — например, в возведении глинобитных стен или стен из кирпича-сырца — оказывали помощь в порядке хашара односельчане.

В жизни сельской общины большую роль играли общинные кишлачные здания, которыми являлись мечеть и тесно связанная с ней алоухона — «дом огня». Мечеть не только служила помещением для молитвы, здесь обычно зимой проводила свой досуг мужская половина кишлака, здесь обсуждались и решались всевозможные общественные дела (летом собирались обычно перед мечетью на террасе или на площадке в тени деревьев, иногда на специальном глинобитном возвышении — суфа). В мечети или

⁹³ М. Абдураимов. Пережитки сельской общины..., стр. 51.

⁹⁴ А. Н. Кондауров. Некоторые материалы по этнографии ягнобцев, стр. 88.

около нее принимали гостей, путников, останавливающихся в кишлаке, здесь же устраивались коллективные трапезы, особенно в праздничные дни и в дни, связанные с какими-либо событиями, — например, началом пахоты и т. п.

Существовавшие в горных восточных районах алоухона представляли собой, по-видимому, более архаичный тип общественного здания. Есть основания полагать, что лишь с укреплением мусульманства в этих районах на базе алоухона стали возникать и мечети. Еще в последний период существования Бухарского ханства в некоторых кишлаках можно было видеть соединение в одном помещении мечети и алоухона, в нем жители кишлака совершали положенные молитвы, а в другое время собирались для бесед, трапезы, утром и вечером разводили большой огонь в специальном глинобитном углублении в полу. В других же кишлаках существовало рядом два помещения: одно — собственно мечеть или как его еще называли «хонако», а другое — алоухона. Мечеть и алоухона обслуживались и содержались на общественный счет, весь кишлак или квартал (там, где в кишлаке было несколько больших кварталов и каждый имел особую мечеть и алоухона) принимал участие в расходах на содержание сторожа, доставку дров, светильников, ремонт здания. Там, где существовали алоухона, обычно устанавливалось своеобразное дежурство односельчан, которые в свой очередной день должны были натаскать дров и развести огонь, приготовить светильники, произвести уборку помещения. Характерным является и тот факт, что в мечеть и в алоухона каждый из односельчан приносил из своего дома еду, которая здесь поступала в общее пользование при совместных трапезах, устраивавшихся чаще всего вечером.⁹⁵

Сельская община или квартал, имевший отдельную мечеть, должны были содержать также на общественный счет имама мечети, муэззина, возглашавшего призыв на молитву (если таковой был).

В западных районах Бухарского ханства, а также за его пределами — например, на верхнем Зеравшане, в Ферганской долине и в других местах — бытовали так называемые джура, т. е. объединения двух-трех десятков односельчан, группировавшихся обычно по возрастному признаку; такие группы собирались зимой в особом помещении — гапхона — и проводили время за едой и развлечениями. Предварительно они вскладчину закупали провизию, дрова и все необходимое; помещение предоставлял кто-либо из членов джура, он заботился о порядке в помещении, о поддержании в нем тепла. Иногда выбирали и специального человека из своей среды для закупки продуктов и необходимой посуды.

Помимо джура, существовала и другая форма объединения, называвшаяся гаштак (гаштак — «двигаться, кружиться»), когда группа собиралась поочередно у каждого из ее членов, причем хозяин помещения приготавливал угощение на свой счет.

В нашу задачу не входит описание всех подробностей джура и гаштака; важно лишь подчеркнуть, — как это, впрочем, и было отмечено некоторыми исследователями, — аналогию между гапхона, с одной стороны, и алоухона в горных кишлаках — с другой. Если алоухона являлась общинным зданием, в котором собиралось население этого кишлака (или квартала), то гапхона и собиравшаяся в ней джура представляли собой более позднюю форму такого объединения; здесь собираются уже не все

⁹⁵ Относительно алоухона см.: А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин, стр. 340; М. С. Андреев. По этнографии таджиков, стр. 163—165; А. Н. Ксенодауров. Некоторые материалы по этнографии ягнобцев, стр. 103—107; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма, стр. 115—119.

мужчины данной сельской общины, а лишь узкие группы мужчин или юношей по принципу возраста, взаимных симпатий, общей профессии, близкого соседства, знакомства и т. п.⁹⁶

Как правило, каждый кишлак имел свое отдельное кладбище; иногда, если кишлак делился на несколько кварталов с отдельными мечетями, кладбище подразделялось на несколько участков или же устраивалось несколько небольших кладбищ. В одной из своих работ М. С. Андреев отмечает довольно широко распространенный обычай относить умершую женщину на кладбище по месту проживания (или захоронения) ее отца;⁹⁷ правда, М. С. Андреев подчеркивает здесь в основном родовые, а не соседские связи, однако по мере укрепления последних указанный обычай свидетельствует о значении именно своего сельского, кишлачного кладбища.

Самая смерть человека и его похороны были также не только семейным делом. В организации похорон и поминании покойника принимали непосредственное участие авторитетные, пожилые односельчане (во главе со старостой). Поминки устраивались при мечети, часть наготовленной для поминок еды рассылалась в те дома селения, обитатели которых не имели возможности присутствовать на общей трапезе; кроме того, мужчины с поминок относили домой для женщин и детей кое-что из еды. Общественный характер носило и проведение мусульманских праздников Рамазана и Курбана, центром проведения которых, естественно, являлась мечеть, где совершалось праздничное моление. Празднование нового года — навруз, — приходившееся на дни весеннего равноденствия, сопровождалось совместными развлечениями, играми молодежи, в некоторых местах выходом населения кишлака куда-либо в ближайшие окрестности, на холмы, в рощу. Все односельчане (иногда в лице одного-двух представителей от каждого дома) участвовали и в семейных праздниках жителей данного кишлака.

В заключение следует сказать, что большинство отмеченных обычаев и традиций поддерживалось силой патриархальности всего строя жизни сельской общины. Как в семье, так и вне ее господствовал непрерываемый авторитет старших, стариков, опытных и искусных земледельцев, руководивших как хозяйственными, так и общественными делами селения. Люди среднего поколения и молодежь беспрекословно им подчинялись, считались с их советами и наставлениями и никогда не решались нарушить существовавшие обычаи и установленные традиции. Патриархальные порядки, поддерживаемые установлениями шариата, почти совершенно исключали из участия в общественной жизни женщину. Все это в значительной степени предопределяло застойный характер сельской общины, являвшейся последним этапом разложения первобытно-общинных отношений.

⁹⁶ О джуре и гапхона см.: М. С. Андреев. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (север Ферганы). Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. I, Ташкент, 1929, стр. 117—119. — Сравнивая гапхона с горными алоухона, М. С. Андреев находит «промежуточное явление» между ними в ягнобских мехмонхона. О последних подробно см.: А. Н. Кондауров. Некоторые материалы по этнографии ягнобцев, стр. 103—107. — Этот автор отмечает также частные мехмонхона у таджиков и хиджра (помещения для гостей) у ягнобцев и рассматривает их как дальнейшую эволюцию ягнобской мехмонхона, вызванную разложением общинных отношений (стр. 106—107). О товариществах — джуре — см. также: Н. Остроумов. Сарты. Ташкент, 1890, стр. 67; М. С. Андреев. По этнографии таджиков, стр. 163—165.

⁹⁷ М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений. Известия Таджикского филиала АН СССР, № 15, 1949, стр. 13—14.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во введении мы говорили о том, что патриархальный уклад может сохраняться очень долго и сосуществовать с развитыми феодальными отношениями. Это положение вполне подтверждается изучением социальных отношений в Бухарском ханстве конца XIX—начала XX в.

Следует напомнить, что вопрос о степени развития феодальных отношений в Средней Азии непосредственно перед присоединением края к России явился предметом острой дискуссии, наряду с более общим вопросом о периодизации истории Средней Азии. Всей этой проблеме было уделено большое внимание на ташкентской сессии 1954 г., где были поставлены специальный доклад и ряд содокладов и развернулись оживленные прения.¹ В частности, дебатировался вопрос о том, что в последние три-четыре столетия до присоединения края к России Средняя Азия переживала период упадка, кризиса, застоя социально-экономической жизни (было общепризнано, что период развитого феодализма в Средней Азии приходится на XI—XIV вв.). Однако большинство выступавших справедливо отмечало, что если и наблюдался упадок, застой в хозяйстве, в культуре, то это еще не значит, что можно говорить о разложении феодального способа производства. О таком разложении могла бы идти речь лишь в том случае, если бы в недрах феодального способа производства развивались новые социально-экономические отношения — отношения вызревающего капиталистического способа производства. Но у нас нет данных, которые свидетельствовали бы о появлении элементов капиталистических отношений в Средней Азии накануне прихода русских в край.

Сейчас нет нужды ставить вопрос о том, как скоро бы развитие производительных сил в самой Средней Азии привело к противоречию между ними и старыми производственными отношениями и феодализм уступил бы место новой формации, если бы капиталистические отношения не были привнесены в Среднюю Азию извне. Исторические судьбы сложились так, что разложение феодальных отношений стало происходить лишь под влиянием элементов капитализма, проникавших в край в результате присоединения его к России. Однако в пределы двух полунезависимых среднеазиатских ханств — Бухарского и Хивинского — эти элементы новых отношений проникали сравнительно медленно. Таким образом, мы можем говорить в отношении Бухарского ханства последнего времени его существования о том, что здесь господствовали развитые феодальные отношения.

Наш анализ феодальных отношений подтверждает это положение следующими фактами: а) мы сталкиваемся с наличием развитых форм феодальной земельной собственности, а именно с такими категориями, как танхо западнобухарского типа (отдача в танхо не хозяйств, а земли) и обеленный милък, которые, как мы старались показать, нередко тесно смы-

¹ Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 413—568.

кались; б) существовали все три формы феодальной земельной ренты — отработочная, рента продуктами и денежная рента; в) внеэкономическое принуждение носило формы, близкие к юридическому закреплению непосредственного производителя.

Хотя мы в своей работе детально не рассматривали элементы капиталистических отношений, начавшие проникать в ханство в колониальный период (т. е. после присоединения края к России), поскольку нас интересовали в основном патриархально-феодальные отношения, но их нельзя игнорировать.

В этой связи характерно, что все три только что приведенных момента — формы земельной собственности, ренты и внеэкономического принуждения — отражают не только степень зрелости феодальных отношений, но и развития товарно-денежных отношений, свидетельствовавших о проникновении элементов нового экономического порядка: а) земли различных категорий становятся объектом купли-продажи в размерах, ранее совершенно неизвестных; происходит дифференциация крестьянства, увеличивается количество малоземельных и безземельных крестьян, наблюдается сосредоточение земли в руках байства и торговцев, а также и чиновников-феодалов, что ведет, в свою очередь, к стиранию граней между различными категориями феодальной земельной собственности; б) феодальная рента все в большей степени принимает форму денежной, что влечет за собой необходимость для чиновничье-налогового аппарата следить за продажными ценами на зерно и другие сельскохозяйственные продукты; денежная форма ренты значительно увеличивает экономические тяготы, лежащие на крестьянстве; в) развитие производительных сил, появление еще, правда, незначительных по величине промышленных предприятий, рост городов в Туркестанском крае (за пределами ханства), создание там хлопковых хозяйств капиталистического типа и монокультурная направленность хлопковых хозяйств зажиточного крестьянства, требующая дополнительных рабочих рук, — все это вместе взятое в самом ханстве ослабляет экономическую привязанность непосредственного производителя к земле, создает для него «отдушину» в виде отходничества, ухода на заработки в более экономически развитые районы Средней Азии, в города. Тем большее значение для феодала, владельца танхо или мелька, приобретает внеэкономическое принуждение, стремление к более полному (если не юридическому, то фактическому) закреплению крестьянина. Наряду с этим, вместе с появлением байства в самом ханстве возникают и другие, кабальные формы зависимости безземельного или малоземельного крестьянина от собственника земли и других средств производства.

Возвращаясь к феодальным отношениям, мы можем на основании нашего исследования заключить, что в Бухарском ханстве эти отношения не имели каких-либо качественных особенностей, позволяющих говорить о каком-то особом варианте феодального способа производства. Можно говорить лишь об известной специфике феодальных отношений и феодального строя, характерных для многих стран Востока, которую мы склонны усматривать в следующем: а) неограниченность власти эмира, являвшегося верховным собственником земли; б) отсутствие четко оформленных феодальных сословий и деления между феодалами и представителями чиновничье-бюрократического аппарата; в) огромная роль духовенства и духовных учреждений; г) приспособление всего чиновничьего аппарата и всей административной системы к наиболее эффективному и полному сбору прибавочного продукта с непосредственного производителя (амлокторство — административная и в то же время податная единица).

Как показало наше исследование, несмотря на развитые формы феодализма в Бухарском ханстве последнего периода сохранялся и имел еще немалое значение патриархальный уклад, позволяющий характеризовать социальные отношения в ханстве как патриархально-феодальные.

Как мы стремились показать в нашей работе, патриархальный уклад в Бухарском ханстве, в основном в восточной его части, проявлялся в двух реальных формах — патриархальной семейной общине и сельской общине. Так как патриархальная община — стадия форма более ранняя, чем сельская община, то наибольшее распространение в ханстве имела, естественно, последняя, в то время как патриархальная община сохранялась лишь в наиболее отсталых, изолированных местах. Наряду с этими реальными формами «патриархальщины» существовало большое количество разнообразных патриархальных пережитков в быту, обрядах и обычаях, взглядах и воззрениях, которые в своем большинстве использовались господствующим классом в своих интересах, для более успешной эксплуатации непосредственного производителя; они составляли форму, оболочку феодальных по своей сущности установлений и порядков, маскируя эти последние.

уклад
↓
бытовые пережитки

УКАЗАТЕЛИ

1. Местные термины

В указатели не включены такие общеизвестные термины как, например: арба, арык, бай, бек, бекство, караван-сарай, кетмень, кишлак, Коран, султан, хан, шах, эмир и т. п.

- абади 60
 адир 78
 ак 25
 аксакал 48, 57—59, 107, 108, 110, 111, 128, 131, 134, 135, 150—152
 аксакальство 57
 алтоу 319
 алоухона 159—161
 алюфахур 92
 аляман 35
 амаль 35
 амальдор 34, 35, 40, 81, 85, 95
 амин 57—59, 107—111, 134, 135, 150—152
 аминство 57
 аминначи 110
 амлок 53, 57
 амлокдор (амлякдор) 39, 53, 55—60, 79, 85, 87, 96, 97, 107—111, 113—115, 131, 139, 150
 амлокдорство 43, 53—59, 83, 87, 93, 107
 амлокхона 134
 арбоб 57, 59, 60, 84, 109—111, 134, 137, 150, 151
 арз 34
 арк 45, 48, 62
 аскарыйя 61
 аталык (оталик) 10, 35—37
 ахун 38, 48
 аълам 48
 бандихона 60
 баробаршарик 143
 батман 109, 110, 112, 131
 бахадур 36, 37,
 бий 10, 32, 35—37, 55, 93
 бобо 47, 55
 бобохона 47, 55
 боки 135, 136
 бони калон 154
 бына (буна) 93, 94
 вазири харб 46
 вазорат-панох 36, 37
 вакф 63
 васика 80, 81
 вилайет 42, 45
 галбир 110
 гапхона 160, 161
 гарав 77
 гаптак 160
 гуза 82
 дарвозавон 47
 дарга 56, 58, 60, 107—110, 131, 150
 даргот 134, 135
 дахбоши (дах-баши) 35, 37, 47
 декхон 40
 джайлау 80
 джаноби оли 34
 джариб 47
 джарчи 34, 150
 джевачи (джебачи, дживачи, джибачи, пибочи) 35—37, 61
 джизья 40
 джубон 150
 джувоз 111
 джугара 26, 84, 103, 110, 141
 джуй 134
 джуйбор (джуйбори калон, джубор) 134, 137
 джура 160, 161
 джуфт 95
 диван 36
 диванбеги (диван-беги, девон-беги, дин-беги) 35—37, 46, 53, 56
 додхо (додха, дадха, датха) 35—37, 93
 дос 25
 дувал 80
 дукош 97
 дуогу 39
 есаул 52, 53
 есаулбоши 52, 53, 56
 етим 119, 145
 ёрдам 142
 ёридрих 142
 закетчи 46, 47, 49, 55, 56
 зархарид 41
 зиндон 60
 зуншар 40
 иджора 77
 иджорадор 98, 99, 118
 иззатджох 40
 йкта 91
 ильбеги 58
 имам 111, 128, 131, 160

иморат-панох 36, 37
 инюк (инак) 35—37
 исолат-панох 38
 ишан 27, 38, 77, 78, 97, 140
 ишан-раис 49
 ишипкагабоши (ишик-око-боши, ишик-агасы) 35—37, 93
 ишкелбоги 60
 Йигин 127
 кадак 110
 кази (казий) 27, 38, 44, 47, 48, 52, 53, 55, 60, 63, 72, 80, 108, 111, 116, 152
 кази калон 38, 47—49
 казихона 48
 калонтари хона 154
 калым 116, 146
 караулбеги (караул-беги, кароул-беги) 35—37, 52
 карачирик 61
 карбос 104, 105
 карздор 125
 карори 119
 катаджуй 58, 134
 кафсан (каван, кевсан, каусан, кансан) 148—151
 ком 134
 коранда 41, 119
 кош 92, 95, 102, 112, 126, 142
 кошчи 41, 129, 130
 куза 135
 кук 25
 курбоши 53
 курултай 15
 кушбеги (кулл-и куш-беги) 36, 37, 42, 44—50, 55
 кушбегии боло 46
 кушбегии пойон 46
 кяфыр 40
 лавунд 53, 56
 лалъма 79
 лашкарбоши 37
 любви 26
 мазар 79, 97, 157
 макка-джукара 26
 мактаб 62, 63
 ман 93
 мансаби аскар 37
 мансаби наукари 37
 мардикор 119
 мауля 71
 махрам 49
 маш 26, 82, 84
 медресе 38, 39, 48, 62, 63, 82, 84, 97
 мерген 61
 мехмонхона 161
 мечеть 58, 74, 80, 97, 111, 128, 158—161
 милькдор 63, 81, 96
 мингбоши 57, 59, 152
 миннатдор 125
 мир 37, 38, 43, 45, 60, 106, 112, 122, 139
 мираб 56, 58, 107, 109—111, 128, 131, 134, 136, 150
 миразор 59, 110

миразорство 57, 59, 93
 мирахур (мирохур, мир-и-охур) 35—37, 52, 95
 мир-дархуна 59
 мирзо (мирза) 39, 56, 106, 107, 110, 131
 мирзобоши (мирзо-боши, мираа-баши) 35—37
 мири халки 59
 мирос 81
 миршаб 47, 49, 53, 55, 60
 мола 25
 моли мирос 155
 муборазат-панох 36, 37
 муборакнома 44
 муборакномаи кушт 60
 мударис 63
 муйсафед 154
 мулла 39, 60, 62, 63, 77, 107, 111
 мулозим 48, 49
 мунда 137
 мунши 44
 мутавалли (мутавалий) 63, 97—99, 118
 муфти 38, 48, 53, 60
 муфти-аълам 38
 мушриф 44, 56, 110, 150
 муъззин 111, 160
 мынгак 113, 124, 147, 158
 навай 109
 навроз 161
 найзадаст 61
 накиб 49
 намози хуфтан 47
 наубати шир 157
 наукар 39, 42, 44, 53, 59, 61, 62, 91, 92, 94
 наукари кишлак 39, 76
 наукарийя (нукерия) 61
 ноиб 55, 56
 ноибство 55
 нониншта 142
 нохри 142
 нохуд 26
 оби 79
 оби сепамбе 135
 оби якшамбе 135
 олик 37
 омач 25
 орият 77
 осиб 111
 охангар 110
 падармурда 94, 139
 пайчирог 53
 панджшоҳ 25
 парвоначи (перваначи, первоначи) 35—37
 патта 109
 лейвоз 157
 пир 131
 подшои 93
 подшоҳона 55
 пойкор 151
 посира (посра, пасра) 148, 149, 151
 посиракори 149
 пиянжа-баши 35

- раис 38, 48, 49, 53, 55, 56, 60, 108, 110, 111, 116
 раис-уш-шарнат 49
 ривоят 48
 саада 57, 59
 сагу 109
 садр 38
 саломагасы 34
 сардоба 17
 саркарда 37
 сартарош 128
 саруно 36
 сахма 47
 сезам 26
 сейид (сеид) 34, 37, 38, 49, 63
 серкер 57
 сеяк 145
 сидат-панох 38
 сипо 35, 40, 81, 82, 84
 сипор 25
 судур 38
 сукнийат 69, 70, 75, 85
 суфа 97, 159
 суюргаль 91
 таксимоти замин 122
 тан 129
 танап 71, 78, 80—85, 102, 103, 105, 106, 135
 танходор (танхадар) 91—93
 танхохур 40, 93—96, 109, 115—117
 таньга 79, 81, 83, 84, 102—106, 110, 112—114, 116
 тарака 111
 тарозучи 110
 тархун 39, 40
 тахта 134
 тахтул 142
 тилло 84, 102
 токсаба (туксоба, туг-соба) 35—37, 52, 55
 топ 152
 тук 36
 тупхона 62
 тупчибоши 45—47, 49
 тупчибоши дарвозаи арки оли 47
 тупчибоши лашкар 46
 тюмень 43, 54, 55, 82—84, 105, 134, 135
 удайчи 34, 49
 улем (улямо) 34, 37
 урок 38
 урок (серп) 25
 урокчи 130
 уругдар (ругдар) 32, 33
 ускуна 85
 усто 159
 факыр (фукаро) 40, 93
 факыри подшои 93
 фарзеган 48
 фетва 48
 фикх 48
 хадис 48
 хазиначи 56
 хазрати амр 34
 хайроти хумдон 148
 хак 128, 131
 хаким 37, 43
 хакулло (хакки алох) 85, 110
 хасани 38
 хаули 97
 хашар (ашар) 141, 142, 159
 хидри 148
 ходжа 10, 33, 37, 38, 49, 63, 82
 ходжа калон 49
 хонадомод 146
 хонако 160
 худжра 63, 124
 хуроки ваган 142
 хуроки нимрузи 142
 хусейни 38
 чагатай-беги 35
 чайрикер 41, 64, 118, 130, 144, 145
 чайрикерство 144
 чапар 25
 чехраокасы (чихра-окаси, чухра-око-боши, чухра-акасы, чури-агасы, чарагасы) 35—37, 61
 чигина 25
 чигирь 133
 чина 26
 чок (чак) 81, 126, 128
 чокбоши 128
 чокташар 128
 чоръяк (чирик) 83, 84, 110, 118, 135, 144
 ша 54, 104, 138
 шабгард 47, 53
 шагаул 34
 шагирдпеша 61, 91
 шариат-панох 48
 шарик (шарак) 41, 135, 144
 шарикчи 118, 142—144
 шахджуй 134
 шейх 55, 69—71, 77
 шейх-ул-ислам 49
 шотир 34
 юзбоши 37
 яргу 111
 ярлик 36
 ярымчи 41, 64

2. Виды и категории земель

- айлок 121, 122
 айлоки кишлок 122
 айлоки омма 122
 айлоки подшои 122
 амлок, или амлоковые земли (амляк, или амляковые земли; амляк, или амляяковые земли; амлячные земли) 45, 65—68, 70, 74—92, 94—96, 98—100, 115, 116, 120
 вакф, или вакуфные земли (вахм) 65—70, 72, 74—77, 79—85, 95, 97—100, 117, 118

вакфи дахъяк 99
вакфи мутлак 99
вакфи мутлаки омм 99
вакфи панджъяк 99
ватап 124

девлох 121
джангали омма 122

замин-и-амири 74
замин-и-амляк 74
замини мамлака 72
замини омма 121, 122
замин-и-подшохи 74
замин-и-султони 74
замини хосуомм 121
замини хьди 77

маара-и-хусуси 70
маллиатные земли 68, 77
мамлака (мамлякат, мемлеке, мамляка,
мамлекатные земли) 66, 67, 69, 70,
74, 75, 82, 85

мамлакаи падшалык (мемлеке-и-пад-
шалык) 70, 85

мамлакаи подшои (мамлякаи-падшахи,
мемлеке-и-падшахи) 70, 74, 85

мамлакаи султани (мемлеке-и-султани)
69, 70, 75, 85

мильк, или мельковые земли (мульк, или
мульковые земли; мылк; мюльковые
земли) 63—68, 70—82, 84—92, 94,
96, 100, 117, 118, 138, 139, 162, 163

мильки бобиги (мылки бобиги) 77

мильки даик 67

мильки зархарид 76, 79

мильки мироти (мылки мироти, мельки
мавроти, мылки мавроти) 76, 77, 79

мильки нимхерадж 84—86

мильки падари (мылки падари) 76—79

мильки ушр (мельки ушри, мельк-ушри,
мюльк-и-ушри) 66—68, 73, 75

мильки халис (мылки халис, мельк-и-
халис, малек-и-халис) 67, 70, 71,
73, 75

мельки херадж (мельки-херадж, мельк-
хераджи, мюльк-и-хараджи) 66—68,
73—75, 79, 82—86, 99

мельки хурр (мельки хур, мельки хурр,
мульк-хур, мульк-и хурр) 66—68,
71, 72, 75, 78, 79, 81—85, 96

мельки хурру халис (мельки хурри-
халис, мельк-и-хурри халис, мельки-
хурри-халис, мельк-хурри-халис,
мельк хура-халис, мюльк-и-хурри-и-
халис, мульки-хурри-халис) 66—68,
73—75, 77, 81, 88, 92

мельк-и-хусуси 69

мельки яльмак 76, 79, 122

мири 80, 81, 139

пайкал 127—131, 133, 136, 137, 142, 149,
154

падшалык 74, 81

подшои 78—80, 82, 84, 85

пушта 122

танхо (танхон, танха) 37, 38, 53, 64, 73,
81, 82, 84, 85, 90—97, 100, 115—117,
138—140, 162, 163

умуми 80

ушри 65, 66

хаят 79, 80, 102, 127, 130

хераджные земли (хераджи, хираджи)
65, 66, 68, 73, 74, 77

хок 77, 124

хоки падари 77

хурухалис 66

чарогох 121

шикорга 158

эмирские земли 74, 77

3. Налоги, сборы и повинности

алафули 103, 113
амалиона 104, 105
амаль 104, 105, 112, 113
аминона 110
андози охани 113
арбобона 110

бегори 114, 115
бодж (боджир) 111

гусфанди амали 104

дахъяк 85, 106, 110
джамалга (джамарга) 114
джууль 102
джуфтона 111
дудона 104, 105, 113

закет 46, 52, 102—105, 110
закет-чакона 112

иджорапули 81
идуна 115

кафсан (кифсень) 109, 110, 150, 151

кафсандарга 109, 110, 150

кошпули 101, 102, 112, 113

курган-мардикор 114

кынырга-мардикор 114

кынырга закет 113

маллиат 103

маскаи кынырга 113

меваи мери 113

мирабона 109

миразорона 110

музди тилло 113

мухрона 111

мушрифона 110, 150

муштак 110, 150

никохона 111, 116

обпули 82, 113

папми мири 113

пешнамоз 111

потакси 113

птируза 111

раисона 110

раугани мири 113

рахпули 113

ришканпули 104

салыг (салык) 102

сарона 110, 113, 150

танабона 102

тавап 102, 105

тапаппули 103, 106

таракаона 111

тарозупули 111

тиллои шар 113

улак 114

ушр 77, 80, 85, 103, 104, 106, 110

фитри руза 111

хасуна 113, 121

хашар 114—117, 135, 136, 139, 141, 142

херадж (харадж) 63—66, 68, 72, 78, 81,
84, 85, 94, 102, 103, 105, 106, 112, 150

хукмона 111

чорвои амали 104

чорвои кынырга 113

чорвои утохи 113

яксира 101, 112

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава первая. Общие сведения о Бухарском ханстве позднейшего периода . .	8
Глава вторая. Феодалные отношения в Бухарском ханстве	32
1. Классы и сословия бухарского общества	32
2. Административное устройство	42
3. Аграрные отношения	63
4. Формы эксплуатации	100
Глава третья. Патриархальный уклад и пережитки общинных отношений в кишлаке	120
Заключение	162
Указатели:	
1. Местные термины	165
2. Виды и категории земель	167
3. Налоги, сборы и повинности	168

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ КИСЛЯКОВ

Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX в.

*Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор издательства А. А. Зырин
Технический редактор В. Т. Бочевер
Корректоры В. Г. Андронов, Р. Г. Гершинская и З. В. Типликина

Слано в набор 5/II 1962 г. Подписано к печати 12/VI 1962 г. РИСО АН СССР № 140-90В. Формат
бумаги 70×108₁₈. Бум. л. 5³/₈. Печ. л. 10³/₄ = 14,72 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 14,74. Изд. № 1573. Тип.
зак. № 544. М-07134. Тираж 1100. Цена 1 р. 03 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-й тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12